ПЛАМЕНЬ

ИЗЪ ЖИЗНИ И ВѢРЫ ХЛѢБОРОБОВЪ

ПИМЕНЪ КАРПОВЪ

ИЗД: ВО СОЮЗЪ С·П·Б 1914

Пименъ Карповъ

ПЛАМЕНЬ

Изъ жизни и вѣры хлѣборобовъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Союзъ“
1914.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

Сердце, бѣдное мое сердце
и эту пѣснь огня
возношу
пресвѣтлому духу отца моего,
страстотерпца и мученика,
сожженнаго на кострѣ жизни.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРИМИ.

I.

Подъ окномъ въ холодномъ огнѣ заката качали тяжелыми шапками сонно тополя, липы. Гдѣ-то у горы въ лѣсныхъ камышахъ, одинокій, плакалъ о любви коростель. Въ кельѣ плясали и ухали мужики подъ всплески струнъ.

А за плетневой, открытой настежь дверью Феофанъ, крѣпкій какъ кремень, преклонивъ передъ низкимъ дубовымъ престоломъ колѣно, читалъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ акафисты праведникамъ, переступившимъ черезъ кровь.

Шумы росли, вздымались, покрывая струны и пѣсни. У престола, въ порогѣ падали навзничь жеглыя духини. Рвали на себѣ свирѣпо, скидывали чекмени; двигали животами страстно. Потныя,

трясущіяся, красныя, съ разгоряченными тѣлами мужиковъ сплетаясь емко, кликали кличъ:

— Гей, загасите солнце!.. Супротивъ Сушшаго ополчитесь.!. А примите муку лютую, любжу смертную!..

Недвижимо Феофанъ стоялъ на колѣняхъ передъ престоломъ, зажавъ въ костлявыхъ рукахъ черную закапанную желтымъ воскомъ книгу.

За нимъ, подъ дубовымъ, изукрашеннымъ старою рѣзьбою балдахиномъ, въ рамахъ малиноваго бархата висѣли надъ престоломъ отреченныя картины: праматерь Ева съ обнаженнымъ сердцемъ, прободеннымъ острыми мечами, и Каинъ, въ смятеньи и ужасѣ застывшій надъ убитымъ имъ Авелемъ.

Передъ картинами горѣли лампады. Кровосмѣсительницу Еву, братоубійцу Каина и иныхъ отверженцевъ Феофанъ чтилъ, какъ истыхъ мучениковъ, прошедшихъ черезъ очистительный огонь зла и принявшихъ муки отъ духа.

Въ свѣтѣ, смѣшанномъ съ невѣрнымъ сумракомъ, голубой плавалъ по кельѣ ладанъ. Феофанъ стоналъ. А духини катались по полу, кувыркались, выли, топая пятками, такъ, что пламя лампадъ взграгивало, колебалось и гасло. Кидались на Феофана:

— От-вѣ-дай нашей сестры... Охъ, грѣши... Одинъ Богъ безъ грѣха!..

Но твердъ былъ Феофанъ, хоть и жегъ сердце его острый, какъ коса смерти, искусъ.

Со взоромъ отверженнымъ и жестокимъ, съ клеймами ожоговъ на щекѣ и тучей черносѣдыхъ, взвахлаченныхъ волосъ Феофанъ весь былъ, точно глухой ночной ураганъ.

Сокаталъ духъ. Въ келью вваливались кузнецы-молотобойцы, бобыли, грабари, дровосѣки, каменотесы, побирайлы, что день-деньской по деревнямъ и лѣсамъ шатались, работали, жгли, мучили, а все, чтобъ муки отъ духа принять. Мужики язвили ихъ:

— Ага, невтерпежь?.. А хто держалъ?.. Не крѣпко-то заритесь. Наша любжа—пытка, не радость!..

За престоломъ въ нудѣ и страхотѣ бились духини со спутанными мокрыми волосами и мутными глазами, обожмавъ собой бородачей-мужиковъ.

А мужики емко подхватывали ихъ, изомлѣвшихъ на перегибъ. Несли къ тяжелому дубовому кресту. Распинали каждую на крестѣ, прикручивая распростертыя руки и ноги ѣдкой мокрой веревкой. Цѣловали, мучили пропятую въ кровь. Носились вкругъ креста, гудя и свистя:

— И-ихъ... змѣи-и!.. Соситя сердцо... Яри, духъ!..

Прикрутили Неонилу, духиню Феофана, сладкую и крѣпкую, какъ ядъ.

Отара затихла. Но, увидѣвъ, какъ встрепенулась Неонила на крестѣ въ дикомъ выгибѣ, мужики, сбивая другъ друга съ ногъ, ярымъ кинулись на нее шкваломъ. Припали къ нагому, горячему ея тѣлу, къ алому вишневому рту, къ глазамъ, мутно-синимъ, задернутымъ сумракомъ страсти, къ бѣлой лебединой шеѣ и тугой груди... Темнымъ, лѣснымъ залились кличемъ.

И въ келью, заслышавъ кличъ, врывались шнырявшіе подъ окнами бродяги, нищіе. Жадно тянулись остервенѣлыми трясущимися къ Неонилѣ тѣлами. Неонила же, принимая ихъ, извивалась какъ языкъ огня межъ сухихъ деревьевъ, то

открывая мутные зрачки, то закрывая. Билась на крестѣ подъ ненасытными взорами. Терлась мокрыми прилипшими къ вискамъ золотыми кудряшками о волосатыя груди и плечи мужиковъ. Дико ярилась:

— Ой, да сладко жъ мнѣ... Ой, да тяжко жъ мнѣ!.. И-ихъ... лютуйте!.. Знаете меня, хто я?.. Охъ, веселиться люблю я, вотъ что, земляки!.. Помните меня, хто я?..

Неонилы ли, веселой яровухи-полонянки, не знать? Ея ли ласкъ любжъ и присухъ не помнить? Кто не припадалъ больно и страстно къ знойной ея, ландышевой груди, къ сладкимъ вишневымъ устамъ?

Щедро разбрасывала она пригоршни радости, страсти и хмеля, бродя по полямъ со звѣрями, вѣтрами и парнями. Опаивала, веселая, степныхъ бродягъ-милаковъ брагой, поцѣлуями... Да подвернулся откуда-то Андронъ, краснобородый, кремневый, колдунъ,—перекрутилъ ее съ собой. Кабы не Феофанъ, подоспѣвшій со своей злыдотой, увелъ бы ее колдунъ батрачкой въ гедеоновскій дворъ...

А теперь она, полоненная загадочной тяготой, веселится и мечется въ дикомъ огнѣ, и распинаетъ себя на крестѣ страсти...

Вваливались въ келью ночлежники съ обротями и зипунами, вихрастые обгорѣлые подпаски. Хищно зарясь на обезсилѣвшую, хмельную отъ похоти, ломаемую судорогами алую Неонилу, загорались больнымъ огнемъ... Карабкались черезъ груды тѣлъ къ ней на крестъ и верещали, точно щенки:

— Не гони, тетинька... Голубушка... Мы капельку... Мы ничего... Мы такъ... Тетинька!..

Передъ аналоемъ, въ огнѣ свѣчъ и лампадъ молніевзорный стоялъ Феофанъ. Молча глядѣлъ на тяжкую злыдоту, откинувъ черную, съ искрами сѣдины, тучу волосъ.

Когда Неонилу, умлѣвшую, раскрутивъ, положили на престолъ, подъ отреченныя картины, и олютѣлая злыдота, павъ передъ ней ницъ, протяжное что-то завыла—въ келью, подъ вой, визгъ и реготъ толпы вошла Марія, кликуша, съ черными, какъ агатъ, глазами, смуглымъ суровымъ лицомъ, покрытымъ мурашками, съ тяжелыми, качающимися кольцами волосъ, выбившимися изъ-подъ платка.

— Возьмите меня къ себѣ...—упала она на колѣни:—я такая...

Въ волнѣ ладана не разглядѣлъ Феофанъ дикаго, смуглаго, словно опаленнаго грозой лица кликуши. Но что-то знакомое и вѣщее почудилось ему въ глазахъ-угляхъ ея и низкомъ грудномъ голосѣ.

— Кто ты?..

— Я на голоса кричу...—откинула кудри Марія.

Поднялась на амвонъ. Гордымъ обвела толпу взоромъ. Толпа притихла. Дико и жадно воззрилась на стройный гибкій станъ, на крутую, глядящую острыми сосцами врозь грудь, и смуглоалое, что-то таившее въ суровой улыбкѣ лицо.

Кликушу, жуткую и загадочную полуночницу, проклятую и отверженную, мужики знали. Неприкаянной бродила она по дебрямъ, собирая травы и лѣча тварь лѣсную. Навѣщала монастыри, гдѣ прорицала мужикамъ ихъ печали и радости...

Лютовали обормоты похотливо, жадными зарясь на пылающую смуглянку глазами:

— Слашшо!., смугляна... Ходи въ кругъ... Святъ Духъ!..

Вдругъ, желтый подскочилъ къ Феофану Козьма-скопецъ съ круглыми бабьими, сморщенными, какъ испеченное яблоко, щеками.

— А угомонись, злыдня!.. Менѣ, скыть горлы хоцца поперехватить, а вы усе—слашшо?.. Замри, грю!..

Кинувшись къ Маріи, схватилъ ее за руку:

— Уходи... красава... Сбѣндежутъ, скыть, псы... Бяги отседова!..

Но Феофанъ, допявшись до Маріи и положивъ костлявую свою восковую руку на точеное ея плечо, выступавшее изъ-подъ черныхъ, отливающихъ старымъ вороненымъ серебромъ волосъ, бросилъ глухо:

— Прими тяготу, Дѣва Свѣтлаго Града...

— Я... продалась міру...—взметнулась Марія, вѣщіе заслышавъ зовы:—Я ли не тужила по Свѣтломъ Градѣ?.. Да нечистый во мнѣ...

Ударила себя въ грудь. Взмахнула рукой. Какъ будто хотѣла вырвать змѣй, что гнѣздились въ ея сердцѣ.

Мужики окружили ее тѣснымъ кольцомъ.

Костлявыми, заскорузлыми вцѣпившись въ нее пальцами, разрывали въ куски алый ея сарафанъ. Падали подъ ноги ей, корчась въ силкахъ страсти...

Феофанъ же, обнявъ судорожно Марію за шею, перебиралъ на груди ея бусы. Не выдавалъ себя, какъ будто ничего не случилось. А сердце его исходило кровью, кровью. Дьяволъ подалъ знакъ Дѣвѣ Свѣтлаго Града. Заговорилъ въ ней. Сущій же молчитъ...

Бѣсновалась толпа.

Въ свѣтѣ лампадъ Феофанъ, на бѣлую шею Маріи нечаянно взглядъ свой бросивъ, почернѣлъ, какъ смерть. Увидѣлъ родинку полузабытую, кровную. Отступилъ назадъ въ смятеньи и огнѣ лютомъ. Передъ нимъ была его дочь.

Тревожно отхватила Марія руки. Недоброе что то уловила во взорѣ Феофана. А Феофанъ, увидѣвъ, что дочь не узнала его, да и все равно ей не растолковать, что передъ ней—ея отецъ, подхватилъ ее трепетно, страстно. Поцѣловалъ въ глаза-огни, въ глаза-угли. Она—его. Оба улыбнулись молча. Въ сердцѣ Феофана звѣздныя гудѣли бури. Мученица почуяла въ немъ страдальца, палимаго огнемъ, отца Свѣтлаго Града...

Въ сердцѣ Феофана огненномъ, разгоралась уже любовь къ дочери, земная любовь. Подъ колдовской свистъ и вой отары, мантило отцу, вотъ-вотъ, наклонитъ дочь надъ нимъ черныя свои качающіяся кольца—кудри. Положитъ къ нему на плечи руки. Пристынетъ огневыми черноалыми губами къ старому высохшему рту... Легкое, хрупкое тѣло его сладкимъ затрепещетъ, больнымъ трепетомъ...

Но, опомнившись, сердце свое съ лютой отдавая яростью чернымъ змѣямъ, запылалъ Феофанъ грозно:

— На раста-нь!..

А злыдотѣ любо, когда ее зовутъ къ кровавому покаянію. Закишѣла она, какъ муравейникъ. Повалила валомъ изъ кельи.

Тогда то Марія, одурманѣвъ, въ дикій пошла знойный плясъ, свистя и гикая:

Ой, дуй,
Раздувай!..
Раздѣлывай дѣла,
Чтобы къ Святу родила!..

По задернутой сумракомъ гущирѣ грозно текла злыдота.

Переливались соки травъ и цвѣтовъ. Темь заволакивала ельникъ, бросая въ него отстоянный въ тишинѣ шелохъ. Надъ дикимъ озеромъ, горные сады, бѣлые, какъ пѣна, качали густыми купами. Заливали крутосклонъ волною хмелевого гула...

Нетлѣнна пора расцвѣла. Погляди на надводныя горы. Онѣ—въ серебряномъ уборѣ. Тѣ вершины яблонь, что обдали бѣлопѣнными волнами склоны горъ—онѣ изъ жемчуга. Воспой ихъ! Надъ ними, точно вѣдуны, колдуютъ шелохливые тополя. Въ зарничномъ огнѣ короны ихъ—изъ изумруда. Поклонись имъ!

Какъ шалая, хмелевая гущирь, какъ шибкій валъ, взбиваемый буруномъ, подъ рудымъ, замшѣлымъ обрывомъ кишѣла на растанѣ, разсѣкающей лѣсъ чернымъ крестомъ, люто скрежещущая, скуголящая злыдота. Со скрещенными на груди руками, бросивъ головы каялась:

— Убивцы мы... Отцовъ, матерей своихъ позагубили...

Въ макѣ, облитый свѣтомъ, блѣднымъ отъ заката и синимъ отъ далекихъ зарницъ, тошновалъ восковой Феофанъ. А Марія смѣялась солнечнымъ смѣхомъ.

— Я люблю тебя...—припалъ къ ней Феофанъ хрупко:—Душу твою люблю...

Взялъ ее за руку, на лобное вывелъ мѣсто.

У серебрянаго ковыля крестилъ чернымъ огнемъ:

— Се, свѣтомъ тяготы крещу!.. Радуйся, сіонъ грядущій, кринъ райскій... Радуйся, Дѣва Свѣтлаго Града!..

Великомученики, страстотерпцы, подвижники приходили въ черную келью, взыскуя Свѣтлаго Града. Злыдота отвергла ихъ. Но приняла ту, что обрекла себя пыткамъ за зло, вложенное въ человѣка помимо его воли.

Поцѣловалъ Дѣву Свѣтлаго Града Феофанъ въ сердце. Возложилъ на ея голову руки:

— Прими!

Затрепыхалась Марія:

— Принимаю!

И толпа пала передъ ней.

II.

Въ древнюю, полузаброшенную Загорскую пустынь, среди каменистыхъ, поросшихъ старымъ соснякомъ холмовъ, за знаменскими скитами и моленными собирались часто бѣглые монахи, каторжники, отверженцы и подвижники.

Какъ-то съ Феофаномъ и его злыдотой столкнулись въ монастырѣ пламенники, за монашеской прей.

Подъ сводами монастырскаго собора громили монахи злыдоту. А та дико, знойно завывала, поднявъ сердца горѣ. Ждала знака. Завидѣвъ же пламенниковъ, притихла. Но Феофанъ требовалъ истошнаго воя, лютаго. Палила себя злыдота, распростираясь во прахѣ. Только желтолицый, печеный Козьма-скопецъ гугнѣлъ ѣдко на Феофана:

— А на ккой чертъ менѣ, скыть, знакъ? Яззвы—вотъ знакъ!.. Какъ убивецъ я, то менѣ яззвы дадены... Ить змѣи у менѣ у сертцу, казюли!?.

Свирѣпые, обомшалые мужики, отчаянно размахивая руками, съ вытянутыми впередъ искаженными пыткой лицами, духини, плашмя распростершіяся на полу, жуткое что-то выкрикивая и скребя груди, каменной навалились на Козьму глыбой... А высокій, костлявый, съ бурунными, разметавшимися въ разныя стороны, точно туча, волосами и горящимъ какъ факелъ взглядомъ Феофанъ въ рыжемъ монашескомъ подрясникѣ и скуфѣ, подпоясанный широкимъ ремнемъ, взывалъ надъ толпой, запрокинувъ голову:

— Есть Ты или нѣтъ, а дай знакъ!..

Дивились пламенники. Передъ ними стоялъ не жуткій отверженецъ, заступникъ и покровитель разбойниковъ и убійцъ, какимъ вѣдомъ былъ Феофанъ. А ясновзорный подвижникъ и пророкъ.

Но о немъ жуткая шла молва. Печать великаго зла, проклятія и отверженія лежала на немъ. А вѣдь это былъ тихій и кроткій мужикъ, ведшій радостную подвижническую жизнь землепашца, любившій солнце, волю и ближнихъ больше, чѣмъ самого себя. Какъ чернобурунная туча, черезъ всю его жизнь острый прошелъ огонь зла и сжегъ его душу.

Въ алтарѣ пѣли монахи. Пламенники подступили, горя и грозя, вплотную къ Феофану. А тотъ, бросивъ бездонный, молнійный взглядъ свой на пѣснопѣвцевъ, кольнулъ тихо и ѣдко:

— Это я. А что?

— Убійца...—пустилъ кто-то сзади.

Медленно покачалъ Феофанъ головою, да и бросилъ:

— Да. Убилъ. Сущаго я убилъ? А вы — солнце Града убили...—А?

Взоръ—изъ огня и мрака. Въ голосѣ боль кровавая, едва сдерживаемая буря.

Въ придѣлѣ собора древнемъ необоримые сразились два града. Градъ доначальнаго хаоса—Феофанъ, и градъ предвѣчнаго свѣта—Крутогоровъ.

Въ сердце Феофана душа Крутогорова ударила, какъ солнце. А передъ Крутогоровымъ края души роковой открылись, черной, какъ бездна, хоть и озаренной загадочнымъ какимъ-то неприступнымъ свѣтомъ — свѣтомъ невѣдомаго міру Града. Въ свѣтѣ этомъ душа Феофана зловѣще вспыхивала, точно смертносная синяя молнія изъ-за тучъ.

Въ тревогѣ отвернулъ Крутогоровъ взоръ свой отъ вѣщей души Феофана.

Но не отвернулъ взора, а заглянулъ въ тайники души подвижника,—крѣпкій, точно высѣченый изъ камня, съ сердцемъ нѣжнымъ и богатымъ любовью, съ душею мятущеюся—Никола. Содрогнувшись, пошелъ навстрѣчу душѣ хаоса.

— Больно?.. Тошно?.. Круши, отецъ!.. Круши!.. Говори... Чую я твою правду!..

А Феофанъ, на злыдоту, валявшуюся на полу, какъ перебитое войско, и угомоненную уставившись, острымъ обжегъ сердце Николы ядомъ:

— Ихъ язвы—твои язвы... Ихъ змѣи—твои змѣи...

Ближе подвелъ Никола взглядъ свой къ гла-

замъ Феофана, горящимъ въ сумракѣ собора, какъ двѣ свѣчи. Глубже въ душу ему заглянулъ. Душа его была искровавлена, опалена.

— А-а...—протянулъ только Никола.

Отошелъ прочь, дошептавъ тихо:

— Да-а... Кто разскажетъ правду его людямъ?..

Въ придѣлъ, черезъ боковую дверь, вломились вдругъ стражники съ слѣдопытами. Тѣснымъ окружили кольцомъ злыдоту.

Но та, увлекая за собою пламенниковъ, вырвалось изъ собора. Грозноклокочущимъ потекла по монастырскому двору шкваломъ.

За оградой, на опушкѣ монастырскаго лѣса низкій грудной голосъ Феофана гремѣлъ надъ толпой, какъ громъ:

— Мы—въ черномъ огню!.. Въ язвахъ!.. Во тяготѣ!.. Коли не хочете тяготы, чего жъ вамъ отъ насъ нужно, ей, спасеные?.. А?..

— Засть, злыдня проклятая!.. — фордыбачила въ толпѣ какая-то-старуха-богомолка:—Убирайтесь отсюда, песьи ваши головы!.. А то рѣшу васъ, псовъ!..

Злыдота такъ и покатилась со смѣху, услышавъ старуху. А Феофанъ заязвилъ:

— Ага!.. Вы—спасеные... Эхъ, кабы признались, што вы—жулики, воры—то то любо бъ было!.. То то вѣрнобъ!.. Градъ обрѣли бъ, кабы тяготу взяли бъ... Хочешь,—повернулъ Феофанъ свое лицо съ жуткими, разбрасывающими чернобагровыя зарницы глазами къ Крутогорову:—Хочешь, прими.

Но Крутогоровъ, солнечный, углубленный въ міръ отошелъ отъ Феофана, бросивъ только:

— Развѣ путь къ Граду—язвы и муки?.,

Облѣпивъ жадно Крутогорова, харкала ему въ глаза злыдота. Обдавала его ядовитой слюной.

А молчавшая дотолѣ, прятавшаяся въ толпѣ, хрупкая и нѣжная, какъ стебель цвѣтка, Марія, забѣжавъ впередъ, взмолилась, пряча смуглое свое алое лицо на груди у Крутогорова и тряся черными кудряшками:

— Прими-и...

Печально поглядѣлъ на нее Крутогоровъ. Пошелъ дальше.

Лѣсъ, старый колдунъ земли, встрѣтилъ его шумнымъ привѣтомъ.

За синее озеро, на крутую, заросшую вишеньемъ и яблонями, гору, въ старую тесовую башню, залитую пышными душистыми цвѣтами и алымъ солнцемъ, ушли пѣснопѣвцы-поэты, неутолимые пламенники.

Въ дуплистыхъ вѣковыхъ яблоняхъ немолчный шелъ шелохъ. И ночные огни изъ верхнихъ оконъ башни падали въ дикую хвою, точно золотые снопы.

Жили поэты въ обители среди старыхъ, мятежно раскинувшихся садовъ сдавна. Пѣли радость и солнце, пахали поле. Звонъ звѣздъ и шелестъ лѣса, съ темнымъ ночнымъ свѣтомъ перемѣшанный, ловили. Въ гнѣвѣ же, грозовомъ и мятежномъ громили жестокость, лютость и тлѣнъ міра. Сильные міра, лицемѣры и книжники искали Крутогорову, ставшему имъ поперекъ горла, погибели.

Но зато любили безстрашнаго главу Пламени земляки, бородачи-хлѣборобы — за его солнце и любовь.

Кто, попавъ въ башню на крутой горѣ, видѣлъ свѣтъ голубыхъ паникадилъ въ алтаряхъ, престолъ съ горящимъ на немъ огнемъ неугасимымъ, свѣжіе цвѣты, разставленные въ наполненныхъ ключеструемъ тонкихъ фарфоровыхъ вазахъ, кого касались жалобы звѣздныхъ струнъ, эти взмахи бѣлыхъ крыльевъ подъ луннымъ лучемъ, —навсегда тотъ попадалъ въ плѣнъ къ красотѣ.

Но рѣдко кому судьба открывала дверь башни, ибо вѣщія тайны окружали обитель Пламени. Никому не были вѣдомы изъ непосвященныхъ замыслы и солнца пламенниковъ. А уста посвященныхъ были молчаливы, какъ уста мертвеца. Непосвященные знали только, что башня крутогорская жутка, неприступна и грозна. Но больше ничего не знали.

Надъ глухимъ ночнымъ озеромъ, зацѣпливаясь за башню, проходила низкая зеленая звѣзда.

III.

У черетняной хибарки, что заросла черемухой и дикимъ макомъ, на грозовой волѣ и пьяномъ солнцѣ жилъ Феофанъ веселымъ хлѣборобомъ. Выкарчивалъ коряги, разбивалъ ораломъ рыхлыя, пропитанныя запахомъ травъ и грибовъ цѣлины. Сѣялъ пшеницу. А душистыми лѣсными вечерами, въ зеленомъ сумракѣ, висячія срывалъ звѣзды, пѣлъ хмельныя пѣсни и собиралъ росы.

Съ нимъ жила и жена-рыбачка. Копала дикіе коренья, ловила въ озерѣ рыбу. Огненную дѣлила послѣднюю предзакатную любовь съ Феофаномъ.

Вѣщимъ протяжнымъ шелохомъ заклинала ее ночь и кровавыми цвѣтами обливали зарницы...

Шли утра, шли дни. Исходили увядающей страстью сердца-огни; сердца-молніи.

Но пришли ночи. Затошновала рыбачка по давнымъ-давно, на зарѣ любви пропавшихъ своихъ ребятахъ первенцахъ,—отверженныхъ звѣздѣ и солнцу. Бросивъ черетняную хибарку, ушла, куда глаза глядятъ, тронутая нездѣшней жутью.

Въ древній лѣсъ—въ безмѣрное одиночество ушелъ и Феофанъ. И глазами бездны глядѣли на него ложь и ночь Того, Кто носилъ имя Сущаго.

— Солнце свѣтитъ праведнымъ и неправеднымъ?..—пыталъ Феофанъ, сгорая отъ мукъ и грозя:—А солнце Града—гдѣ?.. Не украли ль его избранные?.. Кто ихъ избралъ?.. Почему тѣ отвержены, а эти избраны?., Воры!.. Жулики! Гдѣ солнце Града?...

Бездна и ночь обнимали міръ. Но бѣжалъ Феофанъ въ безмѣрное одиночество. А Сущій обрекъ его лжи праведныхъ и избранныхъ.

Когда же пошелъ Феофанъ наперекоръ лжи, Сущій отринулъ его отъ себя навѣки и проклялъ.

Но, взыскуя Града, строгъ былъ Феофанъ и безпощаденъ къ себѣ, и чистъ сердцемъ, хоть Сущій, Кому близки были только избранники неба, а не земли,—и отвратилъ лицо Свое отъ чистаго открытаго сердца поборника Града.

Въ лѣсу выкопалъ Феофанъ себѣ пещеру и жилъ. Созидалъ Градъ.

Осенью въ сырой, чадной, заплѣсневѣлой землянкѣ недалеко отъ пещеры Феофана пріютилась нищенка съ крохотными ребятами. Феофанъ собиралъ имъ коренья, ягоды, дикій медъ. И они

радовались—не нарадовались — вольной веселой жизни, лѣсному улыбчивому солнцу...

Но пошелъ холодъ, и до нихъ дорвалась черная оспа. Облѣпила ихъ слизкой гнойной корой. Сдушила.

И прозрѣлъ Феофанъ, что сроки, когда съ жестокостью Сущаго должно встрѣтиться Его милосердіе, съ свѣтлымъ огнемъ неба—черный свѣтъ земли—пришли. Въ мятежномъ полномъ гнѣва и бурь лѣсу, въ огневомъ гудѣ и гулѣ, глаза Феофана вспыхивали, точно багровыя зарницы, а голосъ звенѣлъ и дрожалъ, прерываемый кровавыми слезами:

— Ты лю-тъ... Пр-а-вильно!.. Будь... лютымъ... Круши-и!.. Пали-и!.. А ребятишекъ, что въ землянкѣ то... не трожь... Хоро-шіе ребятишки!.. Тебя любили, солнце любили... лѣсъ любили... Не трожь!.. Милосе-рдія!.. Спаси ихъ... Ну!.. Спаси!.. Слышишь—гудетъ лѣсъ?·. На Тебя гнѣвается!.. За что... дескать?.. Ну!.. Чудо... пошли... Пошли-и!.. Об-я-занъ посла-ть... Не пошле-шь?..

Не послалъ. Тогда Феофанъ пошелъ въ каменоломню. Въ глыбахъ щебня молилъ Сущаго, ставши голыми колѣнами на острые ѣдкіе камни, такъ, что подъ нимъ поплыли горячіе ручьи крови... Языкъ поломало отъ смертенной безпрерывной мольбы. Шею, руки, ноги, суставы свела корчемъ, да и сердце сожгла мольба.

Но когда приползъ Феофанъ изъ каменоломни въ землянку на стертыхъ до мословъ, перекровавленныхъ колѣняхъ,—его встрѣтилъ тяжелый трупный смрадъ. Въ мусорѣ окоченѣлые лежали съ оскаленными зубами, высунутыми синими языками черные ослизлые трупы матери и трехъ ея ребятъ.

— Гдѣ же... милосердіе?..—тихо упалъ ницъ Феофанъ.

Послѣдніе снялъ съ себя подрясникъ и рубашку. Накрылъ ими поруганные прахи сирыхъ. Собравъ духъ, уползъ подъ сѣрые, пахнущіе смертью земляные своды молить Сущаго, посылающаго испытанія.

За близкихъ и дальнихъ, за сирыхъ молилъ Феофанъ. Гибли сирые. За больныхъ и голодныхъ—гибли и тѣ. Въ послѣдній разъ за отца своего, древняго хлѣбороба, всю свою жизнь пахавшаго дикое заброшенное поле, молилъ Феофанъ. Помогла молитва: черезъ сутки крѣпкій древній старикъ предалъ духъ. Какъ свѣча сгорѣлъ.

А міръ, за который въ жуткомъ подземельи Феофанъ молилъ Сущаго—язвы поразили, моръ и гладъ.

Тогда-то Феофанъ поднялъ свой голосъ:

— Ага!.. Моромъ и язвами — этимъ-то Ты доберъ... А солнцемъ Града?., А милосердіемъ?.. Ага!.. Все избранные... Небо... А земля?.. я землю люблю!.. Коли земля—во тяготѣ, то и я хочу быть во тяготѣ... Тягость духа... хочу несть... А Ты—понесешь ли?.. За зло за Свое?.. Что?.. Чистота?..

Но и чистоты у человѣка было больше, чѣмъ у Сущаго. Міръ зналъ это, ибо жестокость, ложь и зло Сущаго были безмѣрны. А чтобы показать міру, силы какой тяготы возможны въ человѣкѣ, одержимомъ землей, Феофанъ на неслыханное дерзнулъ дѣяніе.

Ночью пошелъ онъ въ заброшенное дикое поле. Изъ разломанной хижины вывелъ старую, слѣпую мать свою, увелъ въ лѣсъ, да тамъ и

раскололъ ей гирей черепъ. Въ нудѣ, ужасѣ и страхотѣ птицы и звѣри разбѣжались отъ жуткаго матереубійцы. Дикій осенній вѣтеръ, срывая листья и гудя въ вершинахъ, разнесъ по лѣсу глухой предсмертный хрипъ древней старухи.

А Феофанъ, окаменѣвшій, холодный, медленно взвалилъ на плечи трупъ убитой имъ матери. Оттащилъ въ запсиневѣвшую лѣсную колдыбаню и бросилъ на съѣденіе кишащимъ болотнимъ гадамъ. Гады, шипя, врылись въ поруганный прахъ... Только березы да ясени рыдали надъ нимъ въ осенней темнотѣ...

Въ ясеневомъ провалѣ, къ степной пробираясь хижинѣ, палилъ себя Феофанъ лютымъ, неутолимымъ огнемъ. Міръ клялъ и Сущаго кроваво.

Похороннымъ провожали жуткаго матереубійцу звономъ свирѣпые осенніе шумы. Надъ тяжелой, набрякшей, точно мокрое дерево, головой, свистя и хлопая, какъ оборванные сны, вихрились листья. Будто саванъ, развѣвались по вѣтру полы сѣраго широкаго брахла. Отъ травъ прѣлью несло и подземельемъ.

Въ хижинѣ нашелъ Феофанъ сестру свою, увядающую дѣвушку-красавицу, отрекшуюся отъ міра. Лестью, угрозами, пыткой и проклятіями склонилъ ее къ прелюбодѣянію съ собою... А на утро отдалъ ее мутнымъ отъ тоски по женскому тѣлу, голоднымъ, озвѣрѣлымъ стражникамъ...

Зато, чтобъ молчали про мать.

Въ хижинѣ, осыпанной вихревыми листьями и скрытой чернобыльемъ, пыталъ себя Феофанъ. Палилъ:

— Ахъ!.. Мати-сыра-земля!.. Ты умираешь— прощаешь... Не прощай... А казни!.. Отрыни

меня!.. Ты простила меня... То-то я душегубъ!.. Воръ!.. Жуликъ... Тотъ-то я смердъ!.. Ой, и змѣи не проняли сердце... простили... Пали, черный огонь!.. Ахъ!... Черный огонь!..

Но не пронималъ сердца и черный огонь. Простилъ.

Феофанъ замолкъ. Молча ловилъ въ озерѣ. рыбу, копалъ щавель въ лѣсу, собиралъ костенику. Замолкъ.

Въ черетняной хибаркѣ жилъ одинокій и молчалъ.

Но какъ-то, въ глухую сентябрьскую ночь на ущербѣ пришла въ хибарку Марія.

Молча взялъ ее Феофанъ за руку и повелъ въ старый каштановый гедеоновскій паркъ.

Глухо шумѣли осыпающіеся каштаны. Надъ вершинами, перемѣшиваясь съ оторванными листьями, кровавыя падали слезы ночи—звѣзды. Поднялъ Феофанъ глаза, полные жуткой мути и синихъ молній. Поднялъ сердце, бурыми изъѣденное змѣями, спаленное огнемъ зла, но прощенное, не пронятое до дна, не принятое. Голосомъ истошнымъ завылъ:

— Ок-ая-нный!.. Не души покоемъ... Кричи!.. Круши... Чудище!.. Жуть!.. Казни... То-то любо будетъ!.. Ты жъ лютъ... Полосуй!.. А то лучше смерть... Идолище поганое!.. Я убилъ мать... погубилъ сестру... теперь вотъ дочь продаю... А ты—спокоенъ... А чистъ я былъ—тогда Ты душилъ меня... Ха-ха!.. не нуженъ Ты мнѣ! Али найдутся у Тебя козни, штобъ выше моихъ были?.. Тягота, штобъ выше моей тяготы?..

Медленно, глухо и тяжко шелъ голосъ Феофана. Планеты остановились бы въ своемъ движеніи. Но не остановился бы этотъ голосъ.

— Ей, я рушу Тебя, окаянный!..

Замолкъ. Шагами медленными и преступными— землѣ невмоготу было отъ этихъ шаговъ—подошелъ къ дочери. Мутные поднялъ на нее въ сумракѣ, съ синими огнями глаза провалы. Но ничего не сказалъ.

Въ домѣ-замкѣ Гедеонова, въ безоконной, затянутой черными ширмами, освѣщенной свѣчами комнатѣ сидѣлъ, ерзая въ кожаномъ креслѣ, Вячеславъ, суглобый, низкій рыжій монахъ. Увидѣвъ смуглую, изтемнаалую дѣвушку, нахмурилъ чернецъ бѣлесыя, точно обсмаленныя, брови. Сузилъ потаскушачьи свои глаза:

— Новенькая?

Оглядѣлъ ее узкимъ сучьимъ взглядомъ. Ощупалъ ее. Извившись гадюкой, протянулъ въ носъ похотливо;

— Ммолодецъ!.. Хвалю!.. Гдѣ... досталъ то?.. Проходи, дядя... потолкуемъ...

Но Феофанъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Молчалъ. И Марія, бросивъ голову, съ тяжелыми качающимися кольцами волосъ, внизъ, пошатнувшись, забилась будто листъ, срываемый бурею... Закрыла побѣлѣвшее вдругъ лицо руками.

Изъ-за золоченой двери рыжую высунулъ съ просѣдью приплюснутую голову костлявый высокій генералъ съ горбатымъ кривымъ носомъ, синей отвисшей губой и острыми, зелеными растлѣнными глазами.

Гедоновъ. —

Извиваясь и причмокивая синими трупными губами, шмыгнулъ онъ въ комнату. Поюлилъ около дѣвушки, понюхалъ и, повернувъ трупное, иска-

женное похотью сѣро-зеленое лицо къ Феофану, прогундосилъ;

— За ночь—рубль... Стоитъ?

— Все равно...—бросилъ Феофанъ глухо.

Чернецъ, обхвативъ и приподнявъ онѣмѣвшую дѣвушку, потащилъ ее за золоченую дверь...

Скорчившись, уперлась было Марія. Рванулась назадъ... Но, должно быть, вспомнивъ про тяготу, свяла и повисла на рукахъ Вячеслава...

А Феофанъ съ полученнымъ рублемъ серебра вышелъ изъ дома-замка осовѣлыми путанными шагами.

Подъ низкими, глухо шумящими липами прошелъ къ озеру. Кинулъ рубль въ бурливыя волны.

Надъ чернымъ, тронутымъ прѣлью березнякомъ, выплывъ однобоко, гнала луна подъ обрывъ сумракъ.

Острымъ разрѣзывалъ себѣ грудь камнемъ Феофанъ. Заклиналъ Сущаго—кровью заклиналъ:

— Кровь живая!.. Кровь огневая!.. Сокруши окаяннаго вкровь!.. Я, и то почилъ отъ зла... А Онъ?..

А въ слизломъ водяномъ лунномъ свѣтѣ выростали передъ Феофаномъ толпы мертвецовъ. Монахи, короли, воины, мужики, въ длинныхъ сѣрыхъ саванахъ-шлыкахъ, зажженныя держа въ рукахъ косо тающія, раздуваемыя вѣтромъ свѣчи, подступали къ Феофану съ вѣнцами смерти надъ впадинами глазъ недвижнымъ шагомъ. Оскаленными скрежетали люто желтыми челюстями:

— Пред-а-тель...

Феофанъ, хватаясь за сердце, готовое разорвать грудь, вздыбленный, отшатнулся назадъ.

Но мертвецы, костлявыя поднимая руки, глухо грохотали и напирали на него.

— Я-а?.. — расширялъ Феофанъ бездонные свои зрачки.

Вздыбленные перепутанные волоса его выпрямлялись и стояли торчкомъ.

— Ты-ы...—мертво грохотала толпа мертвецовъ.

Молчала. Молчалъ и Феофанъ. Но если бъ вселенная обрушилась на него — сердцу его легче было бы тогда. Умертвилъ Сущій тѣхъ, за кого Феофанъ молился. Удушилъ. А теперь шлетъ ихъ къ нему.

Помутились у Феофана глаза, мозгъ, кровь. А призраки напирали съ вытянутыми, какъ у голодныхъ волковъ, шеями ближе и ближе, глухо, мертво и зловѣще вздыхая:

— Пре-да-тель... Твое солнце принесло смерть намъ... Гнуссъ... Смердъ!.. Изорва-ть его... развѣятъ гада, по вѣтру!..

Подступали затворники, что ждали когда-то, страстью одержимые, недугами и язвами,—помощи отъ чистаго Феофана, но получили зато смерть отъ Сущаго. Также тянулись, грозя и хуля, солдаты истекавшіе кровью на полѣ брани и додушенные Сущимъ, такъ какъ за нихъ молилъ Феофанъ. Чумные, язвленные, что ждали отъ молитвъ Феофона жизни, а получили отъ Сущаго черезъ то смерть...

Въ истошномъ вихрѣ, скрючившись, старыми хрустя суставами, ломаемый корчей, упалъ Феофанъ навзничь. Стукнувъ худой, жесткой и острой спиной о корни, застрялъ въ нихъ. Свернуло его въ кольцо, какъ сворачиваетъ бересту огонь.

А въ слюдяной, лунной затхлой мглѣ сплошнымъ мутнымъ колыхающимся маревомъ двигались на него несмѣтныя полчища мертвецовъ, въ сѣрыхъ саванахъ съ провалами глазъ и жуткими оскалами зубовъ. Кляли его:

— Про-клина-емъ смерда!.. Пошто просилъ Сушшаго?.. За Адама, за Еву?.. Не было бъ смерти... А теперь—мертвецы мы!.. Про-клина-емъ гнуса!...

Люта орава мертвецовъ. Но лютъ и Сущій, коли смрадной казнить непереносимой казнью—ложью. Сущій ревнивъ, и смрадной казнитъ казнью тѣхъ, кто справедливѣе Его. У Него нѣтъ праведниковъ, но только угодники.

И чистую Еву, когда, въ свѣтлый мигъ своего пробужденія отъ небытія она увидѣла Его и въ трепетѣ пламенной любви поцѣловала—Онъ отвергъ. Съ лишенной же огня жизни безсмертнаго, оскверненной Евой ушелъ Адамъ въ темный міръ страсти и тлѣна.

Только вѣстникъ жизни, плѣнивъ Еву красотой бездонныхъ своихъ, разбрасывающихъ синія молніи глазъ, огненныхъ гордыхъ губъ и черныхъ какъ бездна кудрей—вывелъ ее изъ міра страсти и тлѣна въ міръ любви и жизни. И чтобы зажечь Еву огнемъ безсмертнымъ, Адама же вернуть въ Градъ,—молилъ Сущаго о прощеніи и очищеніи отверженцевъ.

Но—лютъ Сущій, ревнивъ. И смрадными непереносимыми казнитъ казнями тѣхъ, кто милосерднѣе и любвеобильнѣе Его. Ангела жизни, молившаго о прощеніи Евы и Адама, онъ, отвергнувъ, сдѣлалъ ангеломъ смерти. И насладился зрѣлищемъ умерщвленія первыхъ людей

огненнымъ мечемъ того, кто молилъ о ихъ безсмертіи и просилъ для нихъ огня жизни...

Опальный ангелъ смерти съ перекровавленнымъ сердцемъ умертвилъ на землѣ первыхъ людей. Но въ грядущихъ вѣкахъ уже отверженнымъ, клянущимъ, убивающимъ, любящимъ и милосерднымъ сыномъ земли тлѣнному открылъ роду ихъ небывалое солнце Града...

Подъ солнцемъ не было, мнилось Феофану, зла большаго, чѣмъ сдѣланное чистымъ сердцемъ—въ укоръ Сущему, безсильному въ самомучительствѣ, злому, не знающему покаянія и мукъ...

Змѣи черныя, огненныя змѣи стискивающими обвивали сердце Феофана кольцами, будто раскаленной сталью. И сосали текучую живую кровь его. И возненавидѣлъ бы Феофанъ, проклялъ бы того, кто оторвалъ бы этихъ змѣй отъ сердца. А не мучили духъ Сущаго змѣи зато, что погубилъ Онъ—язвами, моромъ, гладомъ—милліоны душъ, вселилъ въ міръ отъ самаго его сложенія божеское зло, болѣе страшное, чѣмъ человѣческое. Не мучили.

Но, открытое тяготой, свѣтило Феофану и тлѣнному людскому роду солнце Града небывалымъ свѣтомъ.

Въ обросшей поганками колдыбанѣ, изрѣзанный кореньями и поломанный лежалъ Феофанъ, костлявыя раскинувъ, торчащія, какъ прутья руки. Въ глазахъ его невѣдомые плясали демоны. Открывались бездны, и въ сердцѣ, точно вихри, сны обрывались, хороводы, небо, земля, солнце Града... А орава мертвецовъ мутила и грохотала...

Но вызывающе, съ огненной ненавистью под-

нялъ голову Феофанъ. И демоны его всесокрушающими ринулись на ораву мертвецовъ синими молніями, губя и разя...

Вдругъ, изъ-за крушиноваго куста, въ бѣломъ кисейномъ покрывалѣ, пустыми ища Феофана недвижными, несущими невѣдомыя страшныя кары глазами, пошатываясь, вышла мать.

Сѣдая проломленная голова, запекшаяся черная кровь, шматьями повисшая на посинѣлыхъ губахъ... И кара—кара въ мутныхъ пустыхъ глазахъ...

Обуглило, словно головешку, Феофана, скорчило. Темная истошная волна захлестнула сердце, растопила. Въ бездонномъ провалѣ, какъ будто увидѣлъ Феофанъ зеленую звѣзду. Но такъ и не понялъ, звѣзда ли это, или его догорѣвшее сердце?..

IV.

Въ полѣ и въ домѣ—вездѣ обхаживалъ мужиковъ, вертя втянутой въ плечи головой и узкими виляя раскосыми глазами, рыжій монахъ. Заходила ли рѣчь о землѣ, о вѣрѣ ли подымался споръ—тутъ какъ тутъ Вячеславъ. Мелкимъ разсыпаясь бѣсомъ, юлилъ и заливался соловьемъ:

— Я, понимаешь, давно говорю... Земля—мужикамъ!.. Ать?.. Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Какое у духа начало?.. Конецъ?..

Видя же, что мужики косятъ все-таки на него медленные свои недовѣрчивые глаза, вспыхивалъ, кружился волчкомъ и визжалъ:

— Я—за васъ же... а вы не можете этого сообразить?.. На барина, на Гедеонова-то, скоро пойдемъ?.. Ать?..

Мужики отворачивались отъ него, бросая глухо:

— Безстыжіе твои глаза...

А онъ вилялъ узкимъ зракомъ гадюки:

— Я ничего, я такъ...

Въ закуравленной, тѣсной гадливой сборнѣ распинался теперь чернецъ за пламенниковъ и злыдоту.

— Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Свѣтодавцы энти, да пламенники... аль злыдота... они, хоть и безумцы... а духъ, понимашь, сокатаетъ въ нихъ... аки...

— Замолчи, безстыжая твоя харя...—ворчали мужики, ярясь.

— Я ничего, я такъ... Безумцы вѣдь, пламенники-то?..

— Брешешь. А и безумцы—такъ вѣдь это и есть наитіе, оно самое.

За окнами гудѣли ветлы. У мазанокъ, хижекъ и дворовъ дикіе раздавались крики, свисты, реготъ...

— Злыдота...—припадали мужики къ окнамъ, вглядываясь въ ночную темноту: — Гуляютъ... Встрѣчай гостей!

Съ плясками и пѣснями, веселя себя и паля, вихремъ носилась злыдота. Въ закоптѣлыя врывалась хаты мужиковъ. Тяготой дѣлилась.

Въ Знаменскомъ селѣ безпокойные, огненно любящіе, вѣрующіе, проклинающіе, палимые, всѣ, кто пыталъ себя, гремѣлъ громомъ будящимъ, тревогу въ сердца и смуту въ умы вселялъ — пользовались особыми льготами, словно вольные казаки. Селяки черкесовъ и стражниковъ подмазывали вѣчно хабарой, такъ что злыдоту не трогали. А можетъ быть, помѣщики вовсе боялись выселять лютую злыдню изъ своихъ вотчинъ, чтобы не раздуть пожара?

Топотъ, шумъ, визгъ, крики ворвались въ сѣни. Корявыя, заскорузлыя руки шарили уже по стѣнамъ, гремѣли оторванной щеколдой.

А на улицѣ бабій шелъ вой:

— Конецъ свѣту!.. Маета одолѣла міръ крешшенный...

Сорванная упала съ петель дверь. Въ сборню ворвались злыдотники вихремъ. Впереди—Неонила, тревожная, огненная, ярая кричала, — да только скрежетъ, визги—забивали ея голосъ:

— Охъ, дяденьки... Охъ, любенькіе... Да не майте жъ чего зря про злыдоту окаянную!.. А примите тяготу!.. Ой, веселитесь!..

— Вы — наши!—цѣловались селяки съ злыдотниками.

Козьма скопецъ, наткнувшись на Вячеслава, выпятилъ передъ нимъ пузо, вперъ руки въ бока. Шатаясь на кривыхъ ногахъ, навелъ сонный свой рыбій глазъ на извивающагося чернеца.

— Еге... скыть, слѣдопыть?.. Енъ самый... Што чмыхаешь?.. Што шукаешь?..

— Ду-хъ живетъ, гдѣ хощетъ...—скорчился чернецъ, тонкимъ дергая заостреннымъ веснущатымъ носомъ и пряча сучьи глаза за бѣлесыми рѣсницами: — Я ничего... я, понимашь, такъ... Я нащетъ Бога...

Медленно и тяжело, качая пузомъ и сгибая въ крючекъ заскорузлый палецъ, шамкалъ Козьма скопецъ:

— Бохъ уредёнъ тымъ шту прашшаеть усѣхъ... Чуть, скыть, ззмѣя ззасасеть—ты сычасъ къ Ему... Прости, дескать!.. Ну и прошшаеть... А ето негоже...

Какъ шмели, гудѣли селяки. Чернецъ, нахло-

бучивъ на глаза скуфью, стрѣльнулъ щелками невидныхъ своихъ глазъ въ Козьму. Прогугнѣлъ ехидно:

— Жулики выдумали Бога... Ать?.. Пламенники разные тамъ... А не слыхалъ ты, дѣдъ— вдругъ, подкатившись къ Козьмѣ, заюлилъ онъ гадюкой: — Красава будто у пламенниковъ-то энтихъ проявилась... Красоты будто неописанной... Людой ее звать...

— А табѣ што-ть, оглоѣдъ чертовъ?..—гаркнулъ на него Козьма:—Ззасть!..

— Я ничего...

— Крестить!.. Огнемъ!.. — загудѣла толпа:— Онъ—сатанаилъ!.. Вяжите чертопхана, а то дымомъ издѣлается—только и видѣли!..

Навалились на чернеца мужики, скрутили ему ноги. Потащили за двери. Гулко лязгалъ Вячеславъ зубами.

Хохочущая ярая толпа подъ обрывъ къ озеру притащила его на острый откосъ, гдѣ загорался уже дикій ревучій костеръ...

— Я ничего... Братцы!—заоралъ слѣдопытъ:— Никакого Тьмянаго знать не знаю — вѣдать не вѣдаю!.. Вѣрую!.. Во Единаго!..

— Брешешь!... Ты — слѣдопытъ Гедевонова...

— Я—за мужиковъ всегда шелъ... Земля, понимашь—мужикамъ...—извивался Вячеславъ:—Не отдай земли мужикамъ— погибнетъ Рассея!.. Ать?.. Потому, какъ война—солдаты въ плѣнъ всѣ къ непріятелю и перебѣгутъ... За что, дескать сражаться, коли земли не даютъ?..

— В-ѣр-рна!.. — заревѣли мужики: — Молодецъ!.. Дай намъ земли, да мы всю вселенную

завоюемъ!.. Гуляемъ, сердеги!.. Адѣ наша ни пропадала!.. Авось царь земли дастъ...

И пошелъ дымъ коромысломъ. Мужики, бабы, старики, понатащивъ къ костру мигомъ хлѣба, рыбы, яицъ, водки, ѣли, пили, горланили пѣсни, плясали, цѣловались...

А развязанный Вячеславъ, изъ рукъ мужиковыхъ вырвавшись, взбѣжавъ на горку, свистнулъ и гикнулъ:

— Попомните энто, такъ вашу перетакъ, черти сиволапые!..

Въ темнотѣ пробрался Вячеславъ къ землянкѣ, выкопанной надъ озеромъ подъ кореньями сосенъ. У входа, подъ землянымъ навѣсомъ сидѣлъ сутулый широкобородый мужикъ.

— Андронъ?—подалъ Вячеславъ голосъ мужику.

Тотъ молчалъ.

— Духъ, понимашь, живетъ, гдѣ хощетъ...

— Рѣшу я тебя, гада... хучь ты и брательникъ мнѣ...—загудѣлъ Андронъ вдругъ: — Моготы моей нѣтути терпѣть...

— Ать?.. Рѣши! . Нѣтъ, подожди.. —заскакалъ чернецъ:—А про волю и забылъ?.. Волю Тьмянаго... Перво на-перво... приналяжемъ на энтихъ пламенниковъ—понимашь?.. Прострунуть надо на крутую энту гору... Свѣтъ да подчинится тьмѣ... Потому тьма—старше, глубче и выше... Слыхалъ ты про Люду красаву энту самую?..

Но Андронъ, тоскливо махая на брата руками, гудѣлъ:

— Незля жить... тягота давитъ. Богъ не вынесетъ етой тяготы—не токмо человѣкъ... Попе-

редушить господъ надобно... Красносмертники ужо обдѣлаютъ ето дѣло... А ты будешь якшаться съ господами?..

— Я ничего...

Спустились въ землянку. За кривыми корявыми подсошками, подъ сырой, поросшей поганками и хрѣномъ стѣной, на кучѣ мусора, гнилой соломы и вонючаго тряпья ободранные валялись полумертвые ребята. Жуткіе по землянкѣ разносились хрипы ихъ.

Въ углу грустная тонкая дѣвушка Стеша, склоняясь надъ хрипѣвшей и разметавшейся матерью, тошновала и билась головой о землю. Тяжелыя ея темныя косы заметали пыль и кострику. Худыя плечи вздрагивали и тряслись.

— Отойдите!.. Живоглоты!..—съ глухимъ крикомъ впивалась она въ голову себѣ: — Мучители!..

Въ сизомъ сыромъ чаду кружась, проскрежеталъ Андронъ прерывающимся, какъ ударъ грома клекотомъ:

— Ду-у-ши-ть!.. Гадовъ, да и себя... Незля жить... Невмоготу... тягота!.. Должонъ ты душить, говори?.

— Ать?..—заерзалъ чернецъ:—Я, да не должонъ?..

Коганокъ моргалъ, прыгалъ по стѣнамъ. Тѣни, зловѣщи и жутки ползли кругомъ черными змѣями. Изсохшая, какъ скелетъ, съ черными ввалившимися ямами глазъ и разъѣденными цынгой деснами корчилась старая, Власьиха въ предсмертной судоргѣ. А обокъ съ ней мучились дѣвочки. Лицо старшей, ноги, руки, налитыя желтой гнойной слизью, лоснились, какъ слюда.

Недвижимо лежала младшая, черная, какъ чугунъ. Только сизыя цынговыя губы жутко передергивались...

— Ду-уши-ть!..—топнулъ лаптемъ Андронъ.

Вертясь, точно веретено, припалъ къ уху брата Вячеславъ ляговой собакой.

— А къ тебѣ дѣло есть...

— Што-ть?..

— Въ землянку твою будутъ собираться человѣчки... которые демократы... съ селяками... На пановъ штобъ итти... Ну, и на крутую гору прострунутъ... Слыхалъ, чать?.. А про красаву энту самую слыхалъ?.. Съ отцомъ живетъ... Ну, вотъ... За Бога, они, за пановъ... человѣчью, понимашь, кровь пьютъ...

— Такъ-то такъ...—пробурчалъ Андронъ.

— И еще одно дѣльце... Козьмѣ скопцу хотѣлъ сказать, да онъ што-то зафордыбачилъ... Какъ, понимашъ, землянку обставимъ черетомъ...

— Да ить землянка-ть—моя, што ль?..—крутнулъ сердито головой Андронъ:—Ить я тутъ со третьево дни толькъ... Какъ ушла стерва ета, Ненила-то женка къ злыдотѣ... съ той поры я и хожу по лѣсамъ .. по пешшерамъ... И сюда набрелъ ненарокомъ...

— Ну... духъ живетъ гдѣ хощетъ...—подскочилъ чернецъ:—Пора за умъ взяться... Заворошка идетъ... Дай срокъ, надѣлаемъ мы дѣловъ!.. Ты только говори, братъ: будешь меня слушаться во всемъ?.. Помогать?..

Прогрохоталъ Андронъ, красной тряся бородой:

— Дду-ши-ть, и все тутъ!..

Дробнымъ, лисьимъ побѣжалъ Вячеславъ шагомъ, скорчившись въ три погибели, къ выходу:

— Прощай! Жди.

Въ порогѣ люто метавшаяся, очадѣвшая и разбитая Стеша, дико вскинувъ гордую голову, острыми своими ударила разящими глазами въ казюличій зракъ чернеца:

— Ты?

— Я.—Юркнулъ за дверь Вячеславъ.

Подъ обрывомъ, извилистой пробираясь стежкой среди глыбъ глея и камней къ озеру, спохватился было:

— А къ Поликарпу?..

Но махнулъ рукой и пошелъ черезъ черемуховый молоднякъ, шумя росными осыпающимися мертвыми листьями.

V.

Какое-то глухое смятеніе бросали съ крутой горы въ темную хвою жуткіе башенные огни. Въ ночнинѣ мужики завидѣвъ ихъ, толпами собирались подъ лѣсной обрывъ. Нетерпѣливые, распаленные, тряся вахлатыми бородами и ядреной раздражаясь бранью, яростно топали осметками:

— Идемъ!.. Ча бояться?.. Намъ все равно пропадать!.. Не отъ голоду, такъ отъ мору... А пропадать!.. Дыкъ лучше жъ попередушимъ живоглотовъ, а тады—хоть на висѣлицу!.. А?.. Крутогоровъ отомститъ... Онъ ихъ свернетъ ужо въ бараній рогъ... Неспроста огни эти...

Иные свирѣпо чесали затылки:

— Дыть, какъ ты пойдешь?.. У ихъ черкезы, казаки съ ружьями да пиками, а у тебя—што?..

— Правда — вотъ што!.. — дико ярились толпы:—Она, мать, супротивъ всѣхъ пиковъ состоитъ!..

— Душить живоглотовъ!..—ревѣли мужики въ лютомъ гнѣвѣ.

А, оплывшись, судили резономъ:

— Эхъ, моготы нѣтути терпѣть... И чего оттягиваютъ съ землей?.. Чего царю брешутъ, будто земли незля дать?.. Хоть бы за деньги... У жидовъ денегъ взять, да и отдать живоглотамъ... А землю—намъ... А то сорокъ лѣтъ ждемъ земли, а все нѣту... а солдатовъ да подать тянуть въ одну душу... И вить знаютъ жа псы, што попередушимъ усѣхъ до одново... Не теперь, дакъ черезъ сто лѣтъ, не мы—внуки наши попередушатъ!.. Чего жъ оттягиваютъ?.. Чего брешутъ царю?.. Эхъ, бить насъ надо!.. Сами дураки... А Крутогоровъ—што одинъ сдѣлаетъ?..

Шли домой, угрюмо нахлобучивъ шапки и опустивъ головы низко. Но въ душахъ ихъ тревожные горѣли, неутолимые огни-зовы.

Въ синемъ надозерномъ лѣсу дикой серной проносилась Люда надъ острыми скалами. Обдавала желтымъ огнемъ волосъ гибкія бѣлыя березы. Съ хвойнымъ цѣловалась шалымъ вѣтромъ, сыпля вокругъ себя свѣтлые жемчуга смѣха.

А бродившій за нею по скаламъ Крутогоровъ не сводилъ съ нея глазъ.

Солнце, голубое надъ горами, кружась и разбрасывая цвѣты, плясало алую пляску огня. Искрометнымъ опьяненные виномъ осени, плыли золотые откосы, лѣса, скалы и шатающіяся отъ вѣтра черетняныя рыбачьи хибарки,

будто на волнахъ, навстрѣчу солнцу, его позднимъ цвѣтамъ...

У бѣлой, межъ скалъ, открытой къ озеру хибарки Люда, встрѣтивъ лицомъ къ лицу неожиданно Крутогорова, остановилась. Наклонила голову, широко-раскрытые скосивъ глаза и сцѣпивъ за шеей подъ желтой распущенной тяжелой косой кисти рукъ, подошла вдругъ къ нему. Грозно и гнѣвно повела собольей бровью:

— Ты вѣдь не знаешь меня. Ой, будешь тужить, коли узнаешь! Не мучь. Уходи.

— Я мучу?.. — поднялъ на нее Крутогоровъ темные съ синимъ отливомъ глаза:—Я только люблю.

— Будешь тужить...—Крутнула головой Люда:— Я—свободная... Я—лѣсная... Знаешь, кто я?.. Я лѣсовуха!.. Я и убью, такъ съ меня взятки гладки... Можетъ, я удушила кого съ своимъ милакомъ?.. Ха-ха!..—захохотала вдругъ она:—Со мной шутки плохи.

Гордую вскинувъ въ желтомъ огнѣ волосъ голову, опалила душу Крутогорова сизымъ, таящимъ ужасъ, взглядомъ. Выгнула гибкій атласный станъ. Хохоча и кроваво-краснымъ вѣя сарафаномъ, словно лань, подскочила съ разгорѣвшимся, алымъ, скрытымъ подъ пышной волной волосъ лицомъ къ Крутогорову. Крѣпко схватила его за руки. Закрутила вихремъ, горькой обдала дикой полынью, лѣсной рябиной, березнякомъ:

— Удушу, гей!.. Замучу. А въ вѣру твою не пойду.

Отступила назадъ, алой свѣтя улыбкой. За нѣжную закинула, за бѣлую, увитую тяжелыми золотыми жгутами косъ шею гибкія руки. За-

пустила въ душу Крутогорова синіе бездонные зрачки свои, пророча ему напасти и бѣды:

— А все-таки, я несчастная. Несчастнѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ!.. Крутогоровъ! Несчастная я...

— Я научу тебя любить... сомкнулъ Крутогоровъ руки больно и горько: — Убійство — это казнь, тому, кто убиваетъ... Но я пойду на казнь!.. Я... убью!..

— За что?.. — склонила Люда бѣлорозовое лицо свое на бокъ, тихій сыпля жемчужный смѣхъ.

— Зато, что люблю тебя!.. — вспыхнулъ Крутогоровъ:—Кровь, убійство, ненависть—вотъ что зажигаетъ души любовью!.. Безъ ненависти не было бъ любви! Я ненавижу тебя... Я люблю тебя. Люда моя, Люда.

Синими жгла Люда душу Крутогорова безднами:

— А тужить не будешь?.. Крутогоровъ! Любъ ты мнѣ до смерти... А мучить не будешь?

Съ горы, облитой голубымъ серебромъ теплой луны, бросая въ опадающій осенній лѣсъ синія звѣзды, сходилъ Крутогоровъ въ жизнь, овѣвающую міръ сладкой чарой и бурлящую грознымъ дыханіемъ хаоса,—за жуткими вѣщими зовами, жегшими сердце, какъ расплавленное олово. И зовы эти были — зовы ночи... Ахъ, въ ночи думы и зовы, какъ и звѣзды, бушуютъ и разгораются небывалымъ огнемъ! И Крутогоровъ, благословившій жизнь, каждый листъ, каждую былинку, солнце, радость и бездны, — въ ночи, въ зеленомъ сумракѣ передъ открывшимися про-

валами, съ душой взрытой до дна тревожными таинственными голосами, охваченный не истребимымъ огнемъ, проклялъ землю. И возвалъ къ Сущему сердцемъ:

— Доколѣ?! Доколѣ это надруганіе?.. Ты видишь—звѣрь полонилъ землю?.. А хлѣборобы голодуютъ... Обливаются кровавымъ потомъ надъ землей—и голодуютъ... Ей!.. Земли хлѣборобамъ!.. Земли!.. Земли!..

Въ осеннемъ желтомъ лѣсу голосъ Крутогорова звенѣлъ жутко и страшно.

— Такъ будь проклята!.. — клялъ Крутогоровъ землю:—Зачѣмъ отдалась двуногимъ?.. Ты все уже вымотала изъ насъ .. Нѣтъ у насъ силы, кромѣ силы клясть... Прокли-на-емъ!.. Земля! Проклинаемъ тебя!

Но и благословлялъ Крутогоровъ землю—за ночь, за солнце Града и огонь сердецъ...

Въ скалистомъ глухомъ ельникѣ, точно желтые листья, развѣваемые вѣтромъ, хрустя и стуча топорами, кружились дровосѣки.

Изъ сосенъ и камней, отъ пріозерной дороги бросала на озеро багровый свѣтъ лѣсная кузница. Молодые кузнецы мѣсили раскаленное желѣзо молотками. Гикали и пѣли дикія пѣсни...

А внизу безпокойныя волны, смутную разсказывая сребропѣнную сказку и жемчугомъ осыпая падающіе листья и желтыя травы, шли въ синюю даль, точно обреченныя. Надъ ними, склоняясь, золотые шумѣли клены и липы.

За темнымъ синимъ проваломъ уходящихъ хвойныхъ горъ горѣли полуночныя зори. Межъ сосенъ плавали голубые лунные свѣты. И Крутогоровъ, одержимый звѣздами и нѣдрами земли,

глядѣлъ, какъ бродили, работали и цѣли люди, а вѣтеръ жизни развѣвалъ ихъ, словно осенніе листья...

Въ кузницѣ смолкли молотки. Кузнецы, повысыпавъ на дорогу, слѣдили за Людой, внезапно дико и смѣло спускавшейся по крутому, залитому синимъ свѣтомъ обрыву въ позднихъ, опаленныхъ осеннимъ вѣтромъ цвѣтахъ и жемчугѣ росъ, съ золотой короной тяжелыхъ пышныхъ волосъ на головѣ...

Осенняя лунная ночь несла землѣ свѣжесть. Грустнымъ обдавала шумомъ желтый, опадающій яблоневый садъ. Шелестъ осенняго сада отдавался въ сердцѣ Крутогорова. Вѣщіе будилъ зовы и думы. Но не было словъ, ибо все было святыня. И Крутогоровъ шелъ навстрѣчу гордой, скрывающейся и гулко, жутко хохочущей Людѣ тихо и молча, хоть въ душѣ его и цѣло, и огненная заря говорила таинственными, ей одной вѣдомыми голосами...

— Держите меня, гей!..—дико и гулко хохотала Люда, словно дьяволъ, разбрасывая синія бездны и грохоча срывающимися каменьями: — Я—колдунья!.. У-ухъ, и ж-аркая жъ я!..

Въ яблоневомъ саду Крутогоровъ, схвативъ за гибкія руки, поднялъ, сжегъ ту, что вошла, невѣдомо когда, въ его сердце, словно въ свой домъ загадкой, страшной, какъ жизнь и смерть.

— Задушилъ, ой!..—ликуя, задыхалась и билась Люда, и сгорала въ огнѣ всепопаляющей любви: — Крутогоровъ! Любъ ты мнѣ!.. Ой, да люблю жъ я тебя!.. Да смучу жъ я тебя!..

Бредилъ ночнымъ луннымъ бредомъ садъ...

Изъ-за сада выѣхалъ вдругъ всадникъ. Повернулъ къ Крутогорову. Это былъ Гедеоновъ.

— Ну-ка... Лѣсовуха! Поди сюда!.. — покачиваясь въ сѣдлѣ, кивнулъ онъ сердито головой Людѣ:—Тебѣ говорятъ!

Вплотную подъѣхалъ къ ней и, склонившись съ сѣдла, бросилъ строго и гнусаво:

— Съ хлыстомъ?.. Безобра-зіе!.. Цѣловаться при всѣхъ!.. Да еще съ хлыстомъ!..

— Гадина!.. — змѣей извившись, кинулась на Гедеонова Люда:—Проваливай!.. Смердъ.

Выпрямилась гибко и стройно, огневые собрала въ тяжелый пукъ волосы.

— За что ты, чертъ бы тебя побралъ, стерва!.. — опомнившись и ухватившись за щеку, заскулилъ Гедеоновъ:—Ахъ, ты хлыстовка проклятая! . Да я васъ всѣхъ загоню туда., гдѣ Макаръ...

Въ синей лунѣ Люда изгибалась, какъ дьяволъ. Багряныя губы ея страстно шевелились, какъ будто расцвѣтали. На алыхъ вискахъ свѣтлые вились тѣльными завитушками и цѣцлялись за вѣнокъ золотые волосы.

Но что было жутко у грозно и нея, такъ это глаза. Это двѣ синія бездны, что озаряютъ міръ...

Высокая юная грудь ея крѣпко и мѣрно подымалась, Тонкія полотняныя ткани обхватывали гибкій ея станъ и свободными падали на ноги складками.

Хохоча и хмѣлевымъ обдавая вихремъ, ворвалась вдругъ она въ толпу подошедшихъ кузнецовъ затормошила ихъ. Радостное что-то хмѣлевое запѣла. Но Гедеоновъ, подскочивъ къ ней, оборвалъ ее:

— Въ Сибирь законопачу! Цѣловаться при всѣхъ!... Ахъ ты, стерва!

Люда дико, страстно, до боли обняла какого-то широкоплечаго, вымазаннаго вь угольную пыль

кузнеца. Поцѣловала его въ губы взасосъ долгимъ тягучимъ поцѣлуемъ. Глухо Гедеоновъ захохоталъ. Невидные острые глаза его вспыхнули, словно бурыя извивающіяся косицы. Не выдержалъ—повернулъ и уѣхалъ.

А у Крутогорова сгорало сердце и расцвѣтало...

Люда подводила свои зрачки-бездны къ его глазамъ.

— Я люблю тебя!...—вздохнулъ Крутогоровъ. И затихъ.

— Да люблю жъ я тебя!...—вздохнула Люда. И затихла.

Отдалъ всего себя солнцевѣдъ алой и дикой Людѣ, высокой и стройной, невѣдомой, но жутко родной. И положилъ ее на сердце, зажженное неутолимымъ огнемъ.. И слилъ съ собой омоченныя холодной росой огненныя ея уста:

— Жизнь...

VI.

Шалыми ноябрьскими ночами ощерившіеся монахи изъ Загорской пустыни ловили по лѣснымъ ущельямъ, засыпаннымъ опавшими листьями, шатающихся бродягъ. Крѣпко-накрѣпко прикручивали ихъ къ горѣлымъ пнямъ ржавыми цѣпями, чтобъ не подбирались подъ монастырское добро... Но вахлачи все таки разбивали цѣпи и шли на ножи монаховъ-караульщиковъ.

Затращанная злыдота ушла въ скиты и пещеры. Только Марія ходила по страданіямъ одна безстрашно. За зло Сущаго, за проклятіе міра распинала себя... Съ нищими и бродягами, съ гонимыми, осеннимъ отдавшись лѣснымъ тай-

намъ, несла неотвратимо, глухо, печать отверженія и кары...

Въ монастырѣ мучилъ ее нечистый. Изводилъ кровью, страстями и тьмою... Въ кельѣ ли или въ толпѣ, въ церкви, подхватывалъ вдругъ на воздухъ и билъ о камни. Ломалъ суставы, обдавалъ сердце зловѣщимъ...

Но загадочная душа Маріи, вешняя и темная пѣла въ пыткѣ, огнѣ и бурѣ псалмы жизни. Ибо и въ безднѣ ей открывалось небо и солнце Града...

Уже съ красными послѣдними листьями падали медленно голубые снѣга, чистые и свѣтлые, словно алмазы.

Въ лѣсныхъ оврагахъ синіе плавали призрачные туманы. Все, что ни жило—глубокая охватывала дрема. Въ снѣжной мглѣ далекія тонули горы, бѣлыя хаты.

Шелъ вечеръ. Съ поля метель вставала сѣдымъ маревомъ и плыла на лѣса, на деревни...

Въ мутномъ снѣжномъ дыму путались пробиравшіеся къ селу оборванные мерзляки-нищіе. Топли въ сугробахъ, лязгая зубами. Въ кучкѣ хромоногихъ горбатыхъ старухъ босая, закутанная въ рогожку, въ рваной куцынкѣ билась Марія люто. Черныя, перебитыя вьюгой, измоченныя и обмерзшія спутывались на вискахъ твердыми узлами кольца волосъ. За воротникъ куцынки острый сыпался, какъ ядъ, снѣгъ и, тая, стекалъ по голой спинѣ и груди огненно-холодными отеками. Но смуглое, облѣпленное снѣгомъ лицо горѣло, какъ огонь. Острый, ѣдкій снѣжный огонь жегъ и все худое хрупкое тѣло кликуши. А она, объ острыя спотыкаясь мерзлыя

глыбы пахоти и голыми костенѣющими ногами мѣся сугробы—смѣялась. За пазухой у ней копошились мокрыя птички. Щекотали лапками грудь. А окровавленный звѣрекъ прижималъ рыльце къ открытой шеѣ...

— Отогрѣлись—дрожа всѣмъ тѣломъ и стуча люто зубами, пришептывала кликуша:—Отжили!.. звѣрьки мои вы...

Подстрѣленнаго, истекшаго кровью звѣрька нашла Марія въ колючемъ терновникѣ. А замерзшихъ чечетокъ подобрала на дорогѣ.

— Забуровила, лѣшева крутня, чертъ...—чертыхались и скрежетали зубами слѣпцы со старухами-хромоножками, ползая на четверенькахъ по шишакамъ:—Хучь бы шалашъ гдѣ, али стохъ... А то замерзнешь—какъ разъ черту на корыто!..

Мутные залуннѣли вдругъ за пологомъ, въ темной стѣнкѣ хвои, огни. Нищіе спотыкаясь и падая, полузамерзшіе поползли по сугробамъ на село.

А кликуша, добравшись до землянки, въ грязный соломенный постелень, загораживавшій дверь уткнулась завьюженною кудрявою головою... Въ темнотѣ какія-то хари схватили ее за руки. Поволокли въ землянку.

— Я сама пойду... Оглоѣды!.. Отвяжитесь!..—рванулась Марія:—я по мукамъ хожу—чего мнѣ бояться?! Прижалась къ луткѣ. Гордую опустила голову тяжко. И вороненыя кольца волосъ ея, разсыпавъ снѣгъ, закачались надъ пылавшимъ, словно пожаръ, лицомъ. Вывернувшійся изъ подъ куцынки звѣрекъ прыгнулъ подъ ноги харѣ. Шевельнулъ усами. Дернулъ раненой лапкой и затихъ. А раскрылестевшіяся птички подъ лавку поползли.

— Эй!..—гукнулъ изъ угла Андронъ:—Пропустить ее!..

Сердито тряхнулъ бородой. Бросилъ какъ будто сурово, но въ сердцѣ—нѣжно:

— Небойсь... Марія! Входи.

Вошла въ курившую навозомъ, грязную и мокрую землянку кликуша. Повернула голову къ божницѣ и окаменѣла. На нее, острой крутя рыжей головой и виляя узкими раскосыми глазами, глядѣлъ Вячеславъ.

— По-стой... энто...

— Ну, ты... какъ жа?... Людмилу будемъ спасать?... А?..—загудѣлъ Андронъ, тяжелыми ворочая мутными осовѣлыми отъ чада глазами:—Говори...

За печкой больная догорающая Власьиха билась въ навозѣ, покрытая гнойными струпьями, мокрицами и червями. Шепотомъ звала Марію изъ подъ мусора. А Марія, ощерившись, жуткій ловила голосъ чернеца, извивавшагося подъ божницей и какъ то извнутри блеевшаго:

— Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Облаву!.. Съ энтими молодцами, да дремать?.. Ать?.. Это дѣло мое... я за все отвѣчаю!.. Человѣки просили съ Людой штобъ познакомить... Ой! Надѣлаемъ мы дѣловъ!.. Эй, молодцы!.. Энту ночь Людмила будетъ у отца своево Поликарпа... Выжегъ себѣ глаза который... Ну! За Людмилой!.. Спасать надо.

Крутнулъ головой. Сучьи кинулъ глаза свои на Марію. Буркнулъ вкрадчиво, тонкую вытянувъ, длинную шею.

— И Марію спасать... Гм...

— Погибели мнѣ—не спасенья!..—ощерилась

та:—Да вы, гады и погубить-то по людски не погубите... А такъ... нагадите только...

— Я же, понимаешь, за тебя...—съежился Вячеславъ:—Я—демократъ...

О порогъ грохнулась, заколотилась Марія. Какъ раненый и истравленный звѣрь, что дергалъ подъ лавкой размелюзженой лапой, замерла. Смуглое, опаленное лицо ея подъ черными, отливающими вороненымъ серебромъ кольцами застыло. Въ глазахъ огненные круги пошли... Не выдержала—зазвягала по собачьи, закукарекала, какъ пѣтухъ, тошно и мутно прислушиваясь, какъ загудѣли бури и земля поплыла зыбкой волной...

Но, опомнившись, открыла глаза. Скуластыя обхаживали ее хари. Чернецъ жадно трогалъ ее обросшими рыжимъ волосомъ руками. Вилялъ зрачкомъ:

— А отецъ-то твой гдѣ?... Ать?...

— Охъ... Какой... отецъ?..—больно и пугливо охнула Марія:—Ага!.. Вотъ чего вы сюда простр-унули... Такъ лучше жъ я смерзну въ снѣгу!.. Пустите!.. Оглоѣды!..

Изгибаясь, проскочила сквозь толпу. Скрылась за дверью.

Медленно водилъ Андронъ тяжелыми сѣрыми глазами. Гудѣлъ на Вячеслава ѣдко:

— Ты, зныть, кх... того?.. Ну, да змѣерода я скоро прикончу...

— Хе-хе-хе!..—заюлилъ, хохоча, Вячеславъ:—Гедевоновъ—папенька намъ съ тобою... А ты про него такое... Ать?.. Я ничего, я такъ... Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Ну, ты посиди тутъ...—спѣшилъ уже чернецъ, извиваясь:—Ать?..

— Куда?..—топнулъ Андронъ.

— Я ничего... Я такъ...—отскочилъ чернецъ къ двери.

Ушелъ. За нимъ нырнули куда-то и хари. Въ землянкѣ остались только Андронъ да Власьиха.

— Ну... такъ!.. за Мареей... — грохоталъ Андронъ, хватаясь за грузную набрякшую голову:—Разорвутъ, смерды!.. Сгрызутъ живьемъ... Обгадятъ!..

Въ мутномъ натыкаясь чаду на валяющіяся бревна и стукаясь лбомъ въ подставки, поползъ по земляной скользкой обвалившейся лѣстницѣ вверхъ, раздѣтый, въ продраной, замашной рубахѣ.

— Маре-я!..—гукалъ Андронъ, точно громовой раскатъ, въ глубокомъ топкому снѣгу, взметаемомъ свирѣпымъ гудящимъ вѣтромъ: — Марея!.. Вернись!..

Но густой голосъ глохъ и пропадалъ въ снѣжномъ сумракѣ. А надъ помутнѣлой чадной головой, въ вершинахъ оледенѣлыхъ, перегнувшихся березъ съ угрюмымъ проходилъ скрипомъ вѣтеръ, осыпая частымъ колючимъ снѣгомъ растрепанные жесткіе Андроновы волосы. Разозлившись, гудящій снѣжной вихорь падалъ съ вершинъ камнемъ подъ корни деревьевъ. И, взрывъ рыхлые свѣжіе сугробы, билъ ими въ открытую горячую грудь Андрона да въ слипшіеся глаза...

Передъ разсвѣтомъ буря утихла. Но кликуши пробродившій цѣлую ночь полузамерзшій Андронъ такъ и не нашелъ...

КНИГА ВТОРАЯ.

ИСТИНА ИЛИ ВѢЧНОСТЬ?

I.

Звѣздноголубымъ обдавала Люда сердце Крутогорова ураганомъ, словно дьяволъ, раскрывшій синія бездны. И любовь ея была — какъ ударъ ножа, какъ ядъ и огонь. Пораженные ею, точно моромъ, корчились въ ужасѣ старики, сгорали юноши. А Гедеоновъ жегъ, губилъ и оскверняль все, что радовало Люду—такъ люта была его зависть и ревность. Кровь, огонь и трупы оставались на путяхъ любви Люды. Но душа ея была—словно Заряница.

Въ весеннемъ лѣсу кто-то нашептывалъ сказку землѣ, голубые навѣвалъ сны. Разбрасывалъ алыя капли крови—цвѣты, свѣтлые какъ звѣзды жемчуга росъ и зажигалъ зори—неопалимыя купины. А въ ночномъ свѣтѣ проходили, бросая сумракъ

облака, запахи, смѣшанные съ шумомъ. И падали, словно сорванные златоцвѣты, сизыя зарницы. Полузабытыя, какъ сонъ, приплывала лазурь. Обдавала землю пышной чарой. Долы были дики и обнаженны, а она въ свѣтлыя наряжала ихъ, въ брачныя одежды. Лѣса были пустынны и темны, а она озаряла ихъ огнями цвѣтовъ. Пѣснями птицъ наполняла и гуломъ свѣжей зелени...

Надъ чистыми росами бѣлый курился ладанъ. Багряный разцвѣтъ вѣнчалъ съ Крутогоровымъ—краснымъ солнцемъ—Люду-синеокую заряницу. Вѣнецъ изъ лучей, усыпанный росными алмазами, надѣвалъ ей на голову, фіалковое ожерелье – на шею, запястья изъ дикихъ розъ - на руки и перстни лилій—на пальцы. И, шелковые разстилая передъ ней ковры травъ, шитые золотомъ анютиныхъ глазокъ и серебромъ ромашекъ пѣлъ ей хвалу голосами рощъ и лѣсовъ...

А будто сердце истекающее кровью, утренняя догорала надъ лазурью звѣзда. И искрились серебряныя степи, заливаемыя алымъ свѣтомъ...

Съ распущенными, огненно-пышными волосами, въ свѣтлой, дикой лучевой порфирѣ, неся синія бездны, шла Люда, за нѣжными и жемчужными туманами, въ голубой часъ ароматовъ, тишины и золотого сна, когда на темный изумрудъ листвы падали рубины огня,—по травамъ, бѣлымъ отъ росъ, въ плавномъ кружась огневомъ плясѣ, разсыпая искры грознаго солнечнаго смѣха и горнимъ опаляя огнемъ міръ... А съ нею горѣлъ и ликовалъ Крутогоровъ—красное солнце, свѣтлый, огненный богъ...

До багрянаго, расточающаго сизый огонь за-

ката кружились и исходили страстью Крутогоровъ и Люда, землей повѣнчанные и расцвѣтомъ лѣснымъ. Звѣзднобурунным носились буюномъ-вихремъ, давая волю всѣмъ бушевавшимъ въ нихъ демонамъ.

И вскрикивалъ онъ, держа ее на груди своей и не отрываясь отъ багрянаго ея крестообразнаго рта:

— Вотъ люба моя!..

И огненно стонала она—ликовала, обвиваясь вокругъ него языками пламени:

— Вотъ любый мой!..

А когда подошла голубая росистая мгла вечера—они ушли въ лѣсную моленную, что надъ озеромъ Тамъ ихъ встрѣтилъ, вѣя мхомъ и полынью, сѣдой изрѣзанный глубокими морщинами слѣпецъ-лѣсовикъ, отецъ Люды.

— Хто такой?..—взметнулъ стогомъ серебряныхъ волосъ старикъ, весь въ бѣломъ ракитовомъ пуху, съ челомъ, пересѣченнымъ темными глубокими шрамами.

А вмѣсто глазъ, выжженныхъ раскаленнымъ желѣзомъ, у него жутко открывались подъ сѣдыми густыми, нависшими, какъ лѣсъ, рѣсницами круглые черные провалы.

Въ пляскѣ, хохоча и безумствуя, трясла его за плечи Люда:

— Я съ любымъ пришла!.. Съ Крутогоровымъ!..

— Ты-ы?.. — откидывалъ лѣсовикъ голову, сверкая бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами: — Огонь мой!.. Людимила!.. Ты?..

И широко раздвигая надъ черными провалами брови-космы, хохоталъ раскатисто-радостно:

— Эге-ге!... Хо-хо!.. Крутигоровъ!.. Людимилу подцапалъ?.. Огня мово?.. Подойди ближе... Перекрутились ужо?.. Въ лѣсу?.. Радуйтесь!.. Веселитесь!.. Такъ тось... Эхъ, што жъ вы ето?.. Свадьбу сыграли, а менѣ ни гу-гу?.. Я-бъ браги наварилъ!.. А таперь—тюрей—угостить?.. Людимила!.. Тюри!..

Но не слыша ничего и не видя, впивалась Людмила въ огневыя губы Крутогорова, страстно сжимая черную его голову. Погружала синія свои бездны въ его темносвѣтлые глаза:

— Любый мой!.. Радость-солнце!..

— Жонка моя!.. Пѣсня моя!..—стоналъ Крутогоровъ.

Въ широкомъ грозовомъ плясѣ носилась съ Крутогоровымъ сплетшаяся Люда по моленной, выгибая тонкій свой страстной станъ. И, залихватски присѣдая и пристукивая грушевымъ костылемъ съ оправой изъ кованаго серебра, ходилъ ходуномъ лѣсовикъ:

Горячѣй, горячѣй, горячѣй!..
Веселѣй, веселѣй, веселѣй!..

Вѣялъ сѣдой пургой. Хохоталъ:

— Хо-хо! А и у менѣ жонка есть... Ненила!.. У Фофана отбилъ. Духиня евонная... А злыдота не даетъ житья... Крутигоровъ!.. Хо-хо!.. Сокрушимъ злыдоту!.. Сердцо! Тюрю то, тюрю, будешь ѣсть?..

Но и Крутогоровъ ничего не слышалъ и не помнилъ. Только пилъ страсть, безсмертный напитокъ изъ багряныхъ, сладкихъ Людиныхъ губъ.

— Да люблю жъ я его!..—вскрикивала Люда, извиваясь, какъ дьяволъ и подскакивая къ хо-

хочущему, гордо закинувшему голову отцу:— Отецъ!.. Да люблю жъ я Крутогорова!.. Али я такая счастливая?.. Али ты?..

— Хо!.. счастлива ты у менѣ, Людимила...— обнималъ дочь пурговый лѣсовикъ:—Огонь мой!.. Люблю я съ тобой Крутогорова... такъ-тось...

— Смучило меня счастье...—вздыхала томно, вскидывая золотистыя волны волосъ Люда:— Нѣту моченьки ..

А опомнившійся Крутогоровъ, глядя на того, кто правдивъ былъ, мудръ и беззлобенъ, жилъ какъ Богъ, не связывая себя ничѣмъ, ибо слѣпъ былъ для того, чтобы брать жизнь такою, какою берутъ ее зрячіе—Крутогоровъ, безмѣрнымъ ликуя ликованіемъ, пѣлъ мудраго вешняго лѣсовика... И звалъ его:

— Эй, лѣсовикъ-радовикъ!.. Вешній кудесникъ!.. Ты—радость!.. Красота!.. Я люблю тебя. Ты будешь встрѣчать со мною духа!..

Вѣя сѣдой пургой, протягивалъ Поликарпъ къ Крутогорову руки:

— Ты не знаешь... А у мене то радость!.. Марея—дѣва!.. Хо! Духъ на йе будетъ сходить тожеть... А Фофанъ окрысился душегубъ изъ за ей!.. Радъ я Мареи—дѣвѣ, ой, радъ!.. Крутигоровъ!.. Береги огня мово, Людимилу... цѣлуйтесь тутъ!.. Такъ тось... А я пойду къ Ненилѣ, къ жонкѣ моей... Ухъ!.. И радъ же я!.. Ухъ! -ухалъ Поликарпъ, проходя въ сѣни.

И, гремя грушевымъ посеребреннымъ костылемъ о порогъ, вихрился ухаремъ и плясалъ:

Веселѣй, веселѣй, веселѣй!
Горячѣй, горячѣй, горячѣй!..

Въ узкія темныя слюдяныя окна красные били мечи заката. И въ сумракѣ вечера Крутогоровъ и Люда, люто носясь по моленной, исходили лѣсной, непочатой страстью.

II.

Въ обитель Пламени смятенныя души приносили огонь чистыхъ сердецъ и гнѣвъ.

Но Крутогоровъ, въ дикій уйдя лѣсъ, пилъ хмель любви, радости и солнца. Не унимаясь, мучила его изступленно, жгла безднами своими и знойными кровавыми ласками Люда.

Какъ-то встрѣтила Крутогорова подъ хвойными сводами дѣвушка въ черномъ. Вплотную къ нему подойдя, воткнула за поясъ ему бѣлые росные цвѣты, разливавшіе густой ароматъ...

Долгій вскинулъ Крутогоровъ солнечный взглядъ свой на дѣвушку въ черномъ, молвивъ нѣжно:

— Ахъ, ужъ это мое сердце... Кто ты, русалка?

Грустно и медленно подняла дѣвушка сѣрые непонятные глаза. Уронила упавшимъ голосомъ:

— Ты любишь... ее.

— Да.—сказалъ Крутогоровъ.

— Она... колдунья...—съ ужасомъ прошептала дѣвушка.

Шире раскрыла зрачки. Положила на плечи Крутогорову нѣжныя бѣлыя руки, вздохнувъ, поникла горько:

— Я тебя... ждала. Я тебѣ молилась... Мнѣ ничего не нужно... я хочу только молиться... тебѣ.

— Кто ты?..—шевелилъ красные ея волосы Крутогоровъ:—Ахъ, мое сердце... Ахъ, счастье...

— Милый!.. Ми-лый!.. Люблю... Люблю.

Изъ-за хвои, пошатываясь, пьяная отъ лѣсовъ, страсти и бурь, съ низко опущенной въ коронѣ русыхъ волосъ головой, жуткая вышла Люда. Подошла къ Крутогорову вплотную.

— Со мной шутки плохи...—скосила она на него синіе недобрые глаза.

А дѣвушка въ черномъ, уходя, вскрикивала:

— Не забуду!.. Нѣжный... Люблю... А-ахъ, люблю-ю...

— Кто же ты?—спрашивалъ ее Крутогоровъ.

И вздыхалъ, провожая ее тайнымъ взглядомъ любви.

Люда уловила взглядъ. Прокляла Крутогорова, канувъ въ глухую мглу.

Въ ночи искалъ Крутогоровъ Люду. И не находилъ. А за нимъ загадочная бродила дѣвушка въ черномъ.

Падали ночныя росы. За башней голубыя доцвѣтали росистые зори. Ладаномъ дымились ароматы сада розъ.

Въ саду розъ, въ душистомъ росномъ шумѣ гибкая тонкая дѣвушка въ короткомъ черномъ платьѣ, упавъ въ траву, звонкимъ заливалась трепетнымъ смѣхомъ. Страстно откинувъ назадъ голову, такъ, что изъ алмазнаго ея ожерелья сыпались искры, вскрикивала вкрадчиво передъ Крутогоровымъ:

— Ну, и напасть!.. За что несчастье такое на меня—любовь?..

А купающіяся въ серебряной росѣ бѣлыя и темноалыя розы, хрупкія блѣдныя лиліи и жел-

тые съ золотистой пылью тюльпаны осторожно дотрагивались до стройныхъ ея открытыхъ ногъ, розоваго горячаго лица, тонкихъ нѣжныхъ рукъ. Но дѣвушка знала, что даже цвѣты и травы влюблены въ жуткую ея немилосердную красоту. Знала, что платье у ней—по колѣна, ноги открыты, стройны и горячи, грудь атласиста, знойна и туга. Передъ ней вѣдь возлюбленный ея! Какъ же ей не быть прекрасной?

Шелестѣли лепестки. Вздыхалъ томно садъ. А дѣвушка въ черномъ, къ страннымъ голосамъ сада прислушиваясь, шептала вдохновенно и страстно прильнувшими къ дрогнувшей рукѣ Крутогорова сладкими нѣжными устами:

— Цвѣты поютъ?.. Или возлюбленный мой?.. Радуйтесь, цвѣтики!.. Возлюбленный мой—пѣснопѣвецъ-поэтъ!..

Звѣздные свѣты, съ голубымъ сумракомъ смѣшиваясь, обливали свѣжіе мокрые отъ росъ цвѣты, глаза дѣвушки, волосы и тяжелое ожерелье, переливающееся холодными искрами. Падали, прорываясь сквозь студеный шумъ на траву розовыми волнами. И все же дѣвушка-русалка, купаясь въ голубомъ ночномъ свѣтѣ, опутанная недобрыми огнями, замирала въ темномъ трепетѣ у ногъ Крутогорова:

—Ахъ, зори цвѣтутъ?.. Или возлюбленный мой?.. Жуть беретъ!.. Возлюбленный мой—солнцевѣдъ!

Жутки и сладки дѣвичьи сны на-яву. А еще жутче и слаще сны на-яву семнадцатилѣтней русокудрой русалки. Непреоборима и грозна любовь открытая и торжествующая. Но еще непреоборимѣе и грознѣе любовь скрытая отъ міра и даже отъ себя, запретная, любовь-жуть.

За дѣвушкой-русалкой желчныя слѣдили старухи, Гедеоновъ, мать, молодая еще и красивая княгиня. Удерживали ее, когда шла она въ дикій лѣсъ. Непонятное что-то говорили ей. Но дѣвушка провела ихъ всѣхъ и пробралась-таки въ дикій лѣсъ къ возлюбленному своему—свободная, страстная, знойная, трепетная! У жуткой колдуньи—у кровавой лѣсовухи отняла возлюбленнаго. И теперь вотъ огненными обнимаетъ его руками своими, цѣлуетъ изступленно и кричитъ, кричитъ въ великомъ приливѣ любви, нѣжности, страсти:

— Ахъ, отчего это щемитъ сердце?.. Богъ мой! Я—люблю... Отчего дрожатъ руки?.. И млѣютъ ноги?.. Ахъ, отчего все кружится... И все горитъ... Я—въ огнѣ!..

Молчитъ. И вздыхаетъ протяжно и сладко:

— Ну, и пускай пропаду... Зато ужъ и обовьюсь, охъ!..

Нетерпѣливо, крѣпко и больно сжимаетъ горячими хрупкими руками шею Крутогорова, открывая нечаянно короткое черное платье на бѣлой дѣвичьей груди, — робкая, насмѣшливая, извивающаяся, свѣтящая огненной улыбкой, грозно прекрасная.

— Я—люблю!

Изомлѣвъ, отступаетъ назадъ. Но вдругъ непочатымъ загорается огнемъ. Налетаетъ на Крутогорова вихремъ. Запахомъ розъ и ландышей обдаетъ его, стройной топая крѣпкой ногой. Хохочетъ яростно, отчего сѣрые глаза ея суживаются, косятся, и раздваивается розовый нѣжный подбородокъ:

— Ха-ха!.. Поцѣлу-уй меня-я... Мой любимый!.. Не пущу.

Но Крутогоровъ, спустившись къ озеру, садится въ лодку и отплываетъ отъ берега.

За березнякомъ расцвѣтало алыми цвѣтами озеро. Пьянили лѣсные запахи. Немеркнущіе лились свѣты, и что-то пѣли волны.. А изъ таинственныхъ, поросшихъ лиліями заводей бѣлые лебеди выплывали, манимые лѣсными голосами. Надъ волнами спускалась звѣзда, голубоалая. Заглядывала въ сердце. Звала за собой.

Въ тростникѣ запутавшись, вернулся, подплылъ Крутогоровъ къ высокому голубому гроту у берега. Въ синемъ сумракѣ нагую увидѣлъ дѣвушку-русалку, до боли бѣлую, стройную и гибкую, съ распущенными волнистыми красными волосами и глядящей изъ-подъ нихъ тугой дѣвичьей грудью.

— Цѣ-лу-й... Охъ, цѣ-лу-й же...—медленно и томно шептала дѣвушка, съ растяжкой, закидывая за шею руки и страстно выгибая станъ.

Бросалась стремительно въ волны съ каменной ступени. И, трепетной, сладострастно-вздрагивающей грудью разсѣкая пѣну, подплывала къ Крутогорову. А тотъ, будто во снѣ, гибкимъ отдаваясь розовымъ горячимъ рукамъ, пахнущимъ ландышами, и сладкому страстному рту трепетной дѣвушки, глядѣлъ въ сердце ея, въ сѣрые глаза, горящіе огнемъ и сумракомъ, переполненные хмелемъ страсти и ранящіе.

Но до дна дѣвушка-русалка не давала заглянуть. Въ темнотѣ водъ, гибкая и цѣпкая, страстными ударяя по волнамъ, легкими, какъ два бѣлыхъ крыла, ногами и знойной сжигая Крутогорова крѣпкой своей грудью, опутывала его темными сѣтями. Околдовывала, тяжело и страшно дыша:

— Цѣлуй меня!.. Люби!..

Она стояла передъ нимъ уже одѣтая. И атласныя нѣжныя руки ея касались его холодныхъ крѣпкихъ щекъ...

Ненасытимо, страстно и больно прижималъ Крутогоровъ тонкіе полудѣтскіе пальцы ея къ горячимъ своимъ губамъ. Мялъ, ломалъ ихъ, тихо, огненно вскрикивая.

И шептала дѣвушка страстно:

— Крѣпче... крѣпче жми!.. Охъ, крѣпче!..

Горячую наклоняла, въ пышномъ красномъ золотѣ косъ и черномъ газѣ голову. Заглядывала ему въ сердце—въ глаза темно-свѣтлые, отчего пышный знойный ротъ ея полуоткрывался и страшные расширялись зрачки.

— Кто ты?..—глядѣлъ Крутогоровъ въ бездонные колодезя любви и страсти, зачарованный, вдыхая ароматъ трепетнаго русалочьяго тѣла.

А та тяжелымъ водила сѣрымъ взглядомъ. Вздыхала:

— Цѣлуй... Люби!..

— Кто же ты?..—съ болью шепталъ Крутогоровъ.

Погружалъ свой взоръ въ ея колодезя.

— Кто?..

Низко-низко наклонялась къ нему дѣвушка. Подводила свои зрачки къ его зрачкамъ:

— Скажу только... Меня зовутъ—Тамара.

Шла, склонивъ голову, по тропинкѣ. Но, остановившись и подумавъ, оборачивалась. Протягивала медленно:

— Ска-зать?..

— Скажи.

Не сказала. Ушла, низко склонивъ голову и закрывъ лицо руками.

III.

А по холмамъ, опьянѣвъ отъ гнѣва и удали, крутилась и буйствовала Люда, бросая въ міръ синія грозы и губя его чернымъ огнемъ.

Въ Знаменскомъ сельскіе ухари, замкнувъ на ключъ двери, подожгли школу. Въ огнѣ погибъ учитель, цѣловавшій Люду. Подъ монастыремъ же какой-то дровосѣкъ за поцѣлуй Люды зарубилъ топоромъ монаха. Мужики сходили отъ любви къ ней съ ума. Одурманенные ея красотой парни ложились костьми въ смертномъ боѣ изъ за нея.

А она, дикимъ смѣясь жемчужнымъ смѣхомъ, плясала грозно въ буйномъ приливѣ безумства и радости. Такъ жизнь готовила жатву смерти. Но изъ смерти нетлѣнные выростали цвѣты.

За Людой зорко слѣдилъ Вячеславъ. Но она, носясь по лѣснымъ непроходимымъ горамъ, ускользала отъ слѣдопыта.

Какіе-то темные монахи, бродившіе по деревнямъ, шалтали, будто въ Люду вселенъ дьяволъ и красота ея несетъ гибель міру.

— Послѣднія времена, братіе...—трундили монахи:—Вотъ она, великая-то блудница на багряномъ звѣрѣ!.. Горе, горе... Изъ-за красоты міръ гибнетъ... Не мы ли взывали: да погибнетъ красота—орудіе дьявола?!.

И воистину. Страшна была красота Люды, какъ смерть.

Встревоженныя Людой, души коснѣющія искали ей гибели. А губили себя. И не знали, что лучше

гибель, чѣмъ косность и мертвый покой. Не знали, что красота зажигаетъ ихъ, мертвыхъ, неутолимымъ огнемъ жизни.

Изъ подмонастырской слободки толпа бабъ, прознавъ, что монахи бредятъ лѣсовухой, а слободку совсѣмъ забыли—подожгла ночью хибарку Поликарпа въ Знаменскомъ, чтобы живьемъ сжечь Люду. Но та, въ суматохѣ проскользнувъ съ отцомъ межъ бабъ, закутанная въ покрывало, ушла въ лѣсную моленную. И бабы такъ и не знали, сгорѣла ли Люда въ хибаркѣ или осталась жива. Но бѣсились до зари, неистовствовали, кляли ее на-смерть и плясали на пожарищѣ дико, справляя тризну.

Въ лѣсу увидѣлъ монахъ изъ загорской пустыни Люду. Помутившись отъ похоти, схватилъ ее на перегибъ. Люда, извернувшись, накинула на шею его петлю, мигомъ сдѣланную изъ пояса. И тутъ же удушила монаха. А трупъ оттащила въ озеро.

Отъ толпы Люда скрывалась.

Но тѣмъ лютѣе Гедеоновъ преслѣдовалъ тѣхъ, кто въ уединеніи наслаждался красотой лѣснянки.

Недаромъ же шла молва, что и дровосѣкъ, зарубившій монаха, и ухари, сжегшіе живьемъ въ школѣ учителя за поцѣлуй Люды—были подкуплены Гедеоновымъ. Да и Поликарпу, шалтали, выжегъ глаза каленымъ желѣзомъ все тотъ же Гедеоновъ, хоть и твердилъ лѣсовикъ, будто глаза выжегъ себѣ онъ самъ, чтобъ не видѣть жизнь такою, какою видятъ ее зрячіе.

Въ хороводѣ, ошалѣвъ, изступленно носилась Люда, сводя съ ума парней и страстью зажигая дѣвушекъ. И горѣлъ, исходилъ жаромъ, дико гикалъ хороводъ. И лились огненныя дѣвичьи пѣсни...

ахъ, брали онѣ за сердце, эти, то печальныя, то страстно-удалыя, плывущія изъ тайниковъ души пѣсни, русскія, старыя!

Въ сладкомъ трепетѣ вспыхивая, ранилъ грудь до боли печальный, а и удалый, серебряный голосъ Люды—свѣтлой заряницы.

Но что то колдовское, лютое таилъ крутой выгибъ тонкаго, страстнаго, шевелящагося стана ея. И жуткое что то пророчилъ взглядъ, маячившій въ темнотѣ невидными безднами...

— Мой любимый!.. Мой!..—какъ то изогнувшись, вскинула руками и обвила, точно огненное кольцо, Люда подошедшаго къ ней молча Крутогорова.

— Моя!..—сжалъ ее всю, сжегъ Крутогоровъ, грозно пьянѣя отъ вина любви — стараго, огневого вина.

Но Люда, вдругъ, извернувшись и крутнувъ гордой въ желтомъ огнѣ головой, вырвалась изъ крѣпкихъ рукъ Крутогорова.

— Прокля-тый!..—топнула она ногой гнѣвно:— Ты думаешь, я забыла дѣвочку то ту востроглазую?.. И цвѣты тѣ думаешь забыла?.. Отплачу я тебѣ это, ой, отплачу!.. Отойди, проклятый!.. А то убью.

— Убьешь—значитъ любишь... — усмѣхнулся Крутогоровъ горько.

— И убью. Побоюсь, думаешь?..—вскинула голову Люда, тяжко дыша: — Убью не убью, а отплачу... Знаю, чѣмъ.

И, встрепенувшись, выгибая шевелящійся станъ, зазвенѣла:

Катилася зоренька съ неба...

Будто серебро разсыпалось. Дрожала пѣсня, металась и тяжко падала надъ озеромъ, замирая въ камышахъ. Ахъ, и что это за бархатистый сладкій голосъ—голосъ Люды! Боль въ немъ, огонь, молитва или радость свѣтлая? Изъ тайниковъ бездонной души, полной бушующихъ демоновъ, но и свѣтлой, какъ солнце—лился этотъ голосъ, страстно-нѣжный, пѣвучій и звонкій, какъ серебро. Изъ подъ самаго, вѣрно, сердца, опаленнаго чернымъ свѣтомъ, шелъ и плѣнилъ слухъ...

Да упала до Дону...

Хороводъ безумствовалъ. Мужики, бабы, парни, дѣвушки, словно спаянные огнемъ, крѣпко держась за руки, съ дико откинутыми назадъ головами, свистя и гикая, крутились вокругъ Люды. А лихой, широкоплечій Никола, подхвативъ ее, знойностройную, тонкую, тугогрудую на руки и закрывая русой своей бородой и кудрями ей пылающее лицо, цѣловалъ ее въ жаркія губы ненасытимо. И она не отбивалась. Только тихо вскрикивала:

— А-а-а-хъ...

И жгла тугой своей высокой грудью могутную грудь Николы, извиваясь, какъ демонъ:

— Горячѣй! Чтобъ больно было!..

— Горячѣй... словно эхо, глухо вздыхалъ Никола.

Стиснувъ ее всю, падалъ въ долгомъ, долгомъ больномъ поцѣлуѣ...

Ночныя волны пѣли томную радостную пѣсню: благословенна жизнь. Но порванное сердце Кру-

тогорова грустило о любви невозвратной, о любви. Кто шепталъ молитву? Садъ шумѣлъ о томъ, что дѣлаетъ съ бѣднымъ человѣческимъ сердцемъ любовь. Не кляни! Не жди. Благословенно все, что любило, но не было любимо. Кто рубины разбрасывалъ? Зори пылали, огненныя зори. Въ лазурную даль корабли проплывали съ серебряными парусами, изогнутыми полумѣсяцемъ. За ними шелъ Крутогоровъ—навстрѣчу расцвѣту лѣсному. Вспомни! Благослови!

Молился лѣсъ и вздыхалъ о любви, о любви. О, полюби, и не ищи награды! Жизнь такъ коротка и человѣческое сердце такъ бѣдно. Претерпи! Пройди черезъ огонь, чтобы въ пыткахъ обрѣсти радость.

Но нѣтъ выше радости, какъ полюбить и погибнуть.

Подъ темными прибрежными ветлами встрѣтилъ Крутогоровъ вихрастаго лѣсовикова поводыря. Парень, брызгая слюной, бормоталъ шибкимъ картавымъ шопотомъ..

— Сызьяню, гыть, змѣеродъ... тибе та... Дѣдъ и послалъ мине сюды... Покараулъ, гыть, змѣерода-та!.. Я и караулю, стало-ть!.. Вонъ енъ, вишь?

Тряхнулъ кудластой головой, откидывая нависшую на глаза жесткую прядь. Почесалъ правой босой ногой лѣвую.

Темный шумѣлъ старый березнякъ, протяжно и грозно, словно отдаленный водопадъ. За березнякомъ, въ сумракѣ согнувшаяся чья то мелькнула высокая фигура.

Гедеоновъ подходилъ, вертя острой сплюснутой головой къ Крутогорову.

— Ты Крутогоровъ?

— Да,—отозвался Крутогоровъ.—А что?

— Людмилку ты оставь.

— Людмилу?

— Оставь. Да. А то не сдобровать тебѣ. Тамара...—Гедеоновъ захохоталъ люто, топнувъ ногой:—Тамара развѣ хуже?. Она моя... до...

— Я не покупщикъ Тамары. — ударилъ въ желтые его колючіе глаза Крутогоровъ.

— Молчи, сволочь!..—подскочилъ помѣщикъ, трясясь:—Убью!.. Я боленъ... Нѣтъ я не вынесу!..—опустилъ онъ руки безсильно.

И, согнувшись, нырнулъ въ шумный березнякъ.

IV.

Жили знаменскіе мужики ни шатко, ни валко. Больше плясали чѣмъ работали. Ужъ такая у нихъ была повадка—плясать. Да и то сказать, работать то было нечего и не начемъ. Цѣлины, поля, лѣса —все было полонено Гедеоновымъ. Только тѣмъ и жили, что ловили въ озерѣ рыбу да изъ года въ годъ ждали отъ царя земли. Не отчаивались.

Хлѣба вѣчно не хватало. А зато много было праздниковъ. Вотъ когда ужъ отводили знаменцы душу! Отъ зари до зари крутились по лѣсамъ. Бражничали. Нужда играетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.

Дворовъ не было. Надъ озеромъ низкія черетняныя хибарки съ ободранными стропилами и поломанными латами хилились по крутымъ хвойнымъ обрывамъ, шатаясь отъ вѣтра, словно сорочьи гнѣзда.

За горой, межъ еловыхъ лѣсовъ глинистое заброшенное поле подъ Троицу мужики бороздили тупыми прыгающими сохами. А молодухи разсѣвали ленъ. Пѣли пѣсни солнца. А солнце разбрасывало по холмамъ, межамъ и рытвинамъ бѣлые алмазы—ландыши и ромашки, красные рубины—дикія розы, свѣтлосинюю бирюзу—васильки и незабудки. И, обливъ землю страстнымъ огненнымъ лобзаніемъ—кружилось надъ дымящимися лѣсами...

Шумѣлъ, въ красномъ купаясь золотѣ, молодой березнякъ. Въ свѣтлой лазури тонули серебряныя облака. Молодухи, къ землѣ припавъ, цѣловали ее. Пѣли:

Мати-сыра земля,
Мати-Богорица!
Дай намъ счастье радость...
Пошли долю!..

Изъ лазоревой дали доля показывалась. Бѣлая, какъ снѣгъ, въ жемчужной коронѣ, въ цвѣтахъ и розовомъ туманѣ шла по холмамъ. А сладкозвонныя березы клонили передъ ней вершины, ликующимъ привѣтствуя ее шумомъ. Но уходила доля за лѣса, за туманы. Хороводы пристально глядѣли ей вслѣдъ...

Нечаемо откуда наплывала, словно лебедь, одинокая туча. Душистый падалъ на землю благодатный дождь. А хороводы, въ плавной кружась пляскѣ, подъ шелохъ дикихъ межевыхъ цвѣтовъ, пѣли вечеровыя пѣсни...

Туча уплывала. Омытыя травы дымились свѣжимъ ароматомъ. Голубоватая мгла окутывала хороводы...

— Мати-Землѣ—Слава! Слава! Слава!—пѣли и кружились хороводы.

Жемчужный подходилъ вечеръ, и подъ лѣсомъ допахивали мужики поле. Закатъ погоралъ, кованымъ золотомъ отражаясь въ озерѣ.

Мужики, покинувъ распашье, шли въ рощу.

Тамъ подъ старыми черноклена́ми разбрасывали пламенники свѣжесорванные цвѣты. А молодыя духини, прозорливцы и злыдотники зажигали висящія въ вѣтвяхъ березъ лѣсныя лампады...

За лампадами, въ глубинѣ рощи, стоналъ—горѣлъ и сгоралъ на нескончаемомъ лютомъ огнѣ—Феофанъ.

Темное, блѣднымъ отливающее мраморомъ лицо его при свѣтѣ лампадъ было жутко, какъ смерть. А раскаленные глаза, казалось, говорили: коли бъ подалъ знакъ, принялъ тяготу Сущій—солнце Града открылось бы бренному міру. Но не было знака. И сгоралъ въ нескончаемомъ огнѣ—въ лютой борьбѣ съ Сущимъ Феофанъ.

Голова его, въ тучѣ черносѣдыхъ взвахлаченныхъ волосъ тяжко, безнадежно опускалась на грудь. Сомкнутыя крестообразно, костлявыя, восковыя руки жутко ломались въ огненномъ выгибѣ. Феофанъ часто дышалъ, и тяжко. Металась душа въ тоскѣ неизбывной. Кровавой болѣла болью. Погорала. Града ея міръ не принялъ, не позналъ.

Все осквернилъ Сущій, чѣмъ жила душа. Все отдалъ двуногимъ на поруганіе.

Покидалъ духъ. Кровавый катился потъ и падалъ градомъ.

Феофанъ, зашатавшись, упалъ. Хотѣлъ встать И не могъ. Силъ не хватало. Но муки по душѣ

были Феофану. Не нужно ему было надежды, вѣчности, красоты. Только тягота нужна ему была. И нетлѣннымъ свѣтила она ему, неприступнымъ свѣтомъ.

— Ага?.. Круто небось?..—вынырнулъ откуда то знаменскій попъ Михайло:—Погоди, не то запоешь, когда схватятъ тебя, голубчика... да спросятъ, гдѣ мать?.. Не скроешься братъ, въ лѣсахъ то, нѣ-етъ!.. Каторга за это.

Медленно повернулъ къ нему Феофанъ темное лицо. Бросилъ гнѣвно:

— А вамъ не каторга?.. Зато, что губите души людей ложью?.. Зато, что скрыли солнце Града?..

— Тебя дьяволъ искушаетъ... — шарахнулся попъ.

— Ты меня искушаешь!.. — сурово и ѣдко жегъ его Феофанъ раскаленными глазами:—Крушить!.. Крушить васъ!.. Да еще двуногихъ... Крушить!.. Да еще Сущаго... За ложь!.. За то, что избранными считаетесь...

— Какъ?.. И Сущаго?.. — запрыгалъ священникъ, трепля широкими рукавами рясы: — Сатана!.. Вѣдь отъ Сущаго исходитъ только добро...

Но, медленно подводя темные свои зрачки къ рябому острому лицу попа, жегъ его Феофанъ:

— Добро безъ солнца Града—страмнѣе зла... То-то любо было бъ, коли бъ Сущій да подалъ знакъ о Градѣ!.. Не искушалъ бы ложью своей... То-то вѣрно было бъ!.. А Сущій мучить... Да, знай, молчитъ...

— За муки—награда... на небеси...—буркнулъ попъ.—Претерпи до конца...

Феофанъ покачалъ головой горько:

— Эхъ, торгаши... Эхъ!.. Жулики... Воры!.. Награда... Кого вы не продадите за награду?.. Не убьете?.. То-то любо было бъ, коли бъ не гнались за наградой!.. Жулики!.. Воры!.. Убійцы!.. Сожрали солнце Града... не подавились награды-то ждавши?..

Попъ, пятясь подъ березы, бормоталъ торопливо:

— Ну, заладилъ... Отъ тебя, братъ, ни крестомъ, ни пестомъ...

— Ага!.. Видно не всегда ложь-то помогаетъ?.. — язвилъ Феофанъ: — Чего-жъ ты уходишь?.. Ты пришелъ насъ просвѣщать свѣтомъ Христовымъ?.. Ну, и просвѣщай!.. Только безъ обмана да лжи чтобъ...

Но попа и слѣдъ простылъ.

Кляня Сущаго и его избранныхъ, побрелъ Феофанъ, куда глаза глядятъ.

— Эшь, во, тоже тѣшатся... Черти смердючіе!..—дико лаялся онъ, проходя мимо пламенниковъ: — Какая такая красота есть?.. Ну?.. Вѣчность?.. Огонь сердецъ?.. Все брехня!.. То-то-бъ...

— Замолчи... — внезапно преградилъ ему дорогу Крутогоровъ: — Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Жулье!.. — развѣвалъ гривой Феофанъ: — Все радуются!.. А нѣтъ того, чтобъ тяготу... принять...

Грустно и испытующе глядѣлъ Крутогоровъ въ отверженную погорающую душу Феофана. Тихимъ взрывалъ ее голосомъ:

— Тягота или Градъ?.. Истина или вѣчность?..

Окруженный со всѣхъ сторонъ пламенниками,

съежившись, притихъ Феофанъ. Низко опустилъ вахлатую въ высокой драной скуфьѣ голову. Но, встрепенувшись и сомкнутыя поднявъ безпощадно хрустящія костлявыя руки, затрясъ ими изступленно:

— Да. Градъ. А тягота — правда-то — выше вѣчности!.. Краше Града!.. Крушить!.. Очищать Градъ. Черезъ Марію-дѣву... Да... черезъ нее засіяетъ міру солнце Града! То-то любо будетъ!.. Крушить!.. Крушить.

V.

За темной хвоей что-то вдругъ зашумѣло. Глухіе раздались дикіе хохоты. Улюлюкая, гогоча, свистя, изъ-за ельника высыпала черная орава.

Это были рабочіе съ гедеоновской фабрики.

— Кру-шить?.. — подскочилъ къ Феофану шустрый какой-то подхалюза:—Насъ крушить?.. Ахъ, вы, сукины сыны!.. Да мы васъ такъ сокрушимъ, что...

Но хороводы стояли невозмутимы. Тогда черняки пристали къ старому угрюмому злыдотнику, вычитывавшему что-то при свѣтѣ свѣчи изъ кожаной, залитой воскомъ книги.

— Здоровъ борода!

— Здоровъ, шайка воровъ!..—окрысился старикъ.

— Пардонъ... — заломилъ было картузъ подхалюза.

Но гнѣвнымъ злыдотникъ заглушилъ его клекотомъ:

— Самъ ты пардонъ!.. Жуликъ!.. Мы Духа ждемъ... А вамъ што тутъ надоть?..

— Д-у-хъ!.. Ха-ха-ха!.. — закатился подхалюза: — Смердяки вы, эхъ! Скоты!.. Не вылѣзть вамъ изъ навоза вовѣки вѣковъ... Вотъ вамъ и Богъ...

— Богъ—радость!.. Красота!..—зашумѣли мужики:—Слышишь шумъ сосенъ?.. Звонъ звѣздъ?.. Шепотъ земли?.. Это все—Богъ!.. А живоглоты полонили Бога... Ты не ими-ль подосланъ?..— подступали мужики къ фабричному.—А?..

— Фю-ить!.. — свистнулъ тотъ: — Съ больной головы да на здоровую?.. Ну и пушкари!.. Ну и смердяки!.. Ррабы... Подождите, мы вамъ зададимъ!.. Да здравствуетъ свобода!.. — рявкнулъ вдругъ, подкинувъ картузъ вверхъ, подхалюза:— Доллой Бога!..

— Да-ллой!.. подхватила орава фабричныхъ:— Заходи мужичье проклятое бить!.. Буржуевъ этихъ!.. Да здравствуетъ рабочее движеніе... Да здравствуетъ свобода!.. Долой тирановъ — боговъ!..

Молчавшій дотолѣ Крутогоровъ, вмѣшавшись въ ораву фабричныхъ, поднялъ гнѣвный свой голосъ:

— Вы—предатели свободы... Поймите, мѣдно-лобые! Свобода—Богъ. Какъ цвѣты къ солнцу, стремимся мы къ Свободѣ—Вѣчности—Богу... Но вы въ Него не вѣрите... А въ мѣдяки—вѣрите?.. Опомнитесь!.. Потому-то, что мы въ тлѣнѣ—насъ и полонили двуногіе... Впередъ же къ Свободѣ—къ Вѣчности!.. Вѣдь, намъ по пути съ вами!?

— Нѣ-ту Бога!..—гаркали фабричные:—Даллой!.. Какая тамъ, къ черту, вѣчность?..

Сладкіе, вливающіе въ сердце безсмертіе, раздались вдругъ въ листвѣ шумы и шелесты. Надъ вершинами легкіе послышались взмахи бѣлоснѣжныхъ крылъ. Вѣковые ясени, гордыми купами надъ рощей и озеромъ высившіеся неколебимо, какъ стражи, — побѣднымъ залились многоголосымъ шумомъ—гимномъ... Надъ жертвенникомъ изъ цвѣтовъ свѣтлыя затрепетали, свѣтя жемчужными вѣнцами, видѣнія. И ярко озарилась сумрачная роща голубоалымъ свѣтомъ...

А съ сладкошумныхъ, качающихся вершинъ, на бѣлые хороводы мужиковъ и на ораву фабричныхъ бѣлые посыпались, розовые, голубые, лазоревые и алые цвѣты. Падали жемчужины благоуханныхъ ландышей, рубины темноалыхъ душистыхъ розъ, распустившихся подъ теплой росой, словно сердца подъ молодой любовью, перлы бѣлыхъ лилій, бирюза сирени...

— Ого!—подскочилъ какой-то вахлачъ, хватаясь за воротъ:—Розы-то откуда это?.. Щекочетъ... Цѣлая охапка, ого! И незабудки... И сирень!.. Да пахучая!.. Да что это такой, а?..

— Ли-ліи!.. Анютины глазки!.. — заликовали рабочіе:—Ай да мужики!.. Лови!.. Лови!..

Цвѣы сыпались водопадомъ. А обрадованные рабочіе метались подъ березами, то ловя падающіе пучки цвѣтовъ на лету, то подбирая ихъ на травѣ.

— Да постой!.. Ландыши!.. Чертъ, ей Богу, я рехнулся!.. — блекоталъ вахлачъ: — Колокольчики!.. Голубые!.. А свѣтъ,—кар-раулъ!—что это?.. Мы—голубые!.. Гляньте!.. Гляньте!.. Видѣнія!.. Въ вѣнцахъ!..

Подъ ясенемъ молча, нахлобучивъ картузъ,

стоялъ подхалюза. Бормоталъ, спѣша заглушить въ сердцѣ страхъ:—Гм... Наука объясняетъ это очень просто... Подымется смерчь... Кх... Надъ цвѣтникомъ, скажемъ... Вырветъ цвѣтъ... Унесетъ... Гм... А когда утихнетъ, ну, цвѣты и падаютъ... Чтожъ тутъ такого?.. А свѣтъ—это лектричество...

Но рабочіе, опьяненные внезапно нахлынувшей радостью, смѣялись надъ нимъ:

— Эхъ, ты, лектричество!.. Молчи лучше Ошаринъ!.. Не твоего, братъ, ума дѣло...

И пили ароматы полной грудью, осыпанные дождемъ сирени, лилій, розъ, ландышей, голубыхъ, розовыхъ и желтыхъ колокольчиковъ. И съ дѣвичьими сомкнувшись хороводами, цѣловались страстно...

А надъ жертвенникомъ цвѣтовъ—о, радость безъ мѣры, безъ предѣла—вострепеталъ Духъ. Бѣлоснѣжныя раскрылъ крылья, обливъ рощу свѣтомъ незаходящимъ ярко. И постигли пророки непостижимое на землѣ.

Въ храмъ цвѣтовъ трепетныхъ вводилъ Крутогоровъ восхищенныхъ дѣвъ, женъ, пророковъ-хлѣборобовъ. И, глядя въ сердце причащаемаго, въ сердце красоты преисполненное, радости, огня и Града, свѣтлый возвышалъ свой замірный голосъ:

— Бери огонь жизни!.. Гори, какъ свѣча!.. Цвѣти, какъ роза!.. Ужъ этого у тебя никто не отыметъ... Отдайся землѣ! Будь солнцемъ своего міра!..

А березы пѣли, ликуя, сладимую пѣсню. Ясени прислушивались къ зовамъ ночи—зовамъ земли. Клонили долу свои вѣнцы. Посылали шумливой листвой молитву свѣту.

Только что-то темное, колдовское таили въ себѣ черные старые дубы. Какъ будто жуткую тайну рощи знали и собирались разсказать ее.

Но ярко горѣли свѣты и лампады. Ярко цвѣты цвѣли. И трепеталъ надъ жертвенникомъ Духъ. И странные лились неслышимые голоса небесъ...

За хороводами, подъ волнами молодыхъ березъ, тонкія сомкнувъ закостенѣлыя въ огненномъ выгибѣ руки, стоялъ Феофанъ. Молчалъ, недвижимый.

Но, видно, зажгла его уже красота. Въ душѣ его ароматы, росы, свѣты, шумы и шелесты цвѣтовъ, видно, разлили уже огонь жизни...

Затрясся Феофанъ, увидѣвъ что-то непостижимое... Изо рта его кровавая захлехотала пѣна... А раскрытые до послѣдняго предѣла глаза, разбрасывающіе смертоносныя молніи, новымъ засвѣтились, небывалымъ отъ вѣка огнемъ. Разгоралась душа и бушевала, какъ кровавая звѣзда въ ночи. Въ свѣтѣ ночи увидѣлъ Феофанъ живого, истекающаго кровю Распятаго,—Того, Кто несъ и несетъ тяготу за зло міра...

А можетъ быть, не несетъ?.. Кто знаетъ... Но если и несетъ, то почему же Распятый, а не Сущій?.. Почему Сущій отдалъ на пропятіе Сына, а не Себя?..

Опалилъ Духъ душу Феофана вѣчностью—солнцемъ Града. Положилъ на челѣ его роковой знакъ.

Надъ яркимъ грозовымъ лѣсомъ кружились и кадили свѣтомъ сонмы бѣлоснѣжныхъ крылъ, бросая непостижный огонь въ бездны. Съ вершинъ, качаемыхъ бѣлымъ вѣтромъ, падали дождемъ свѣжіе лепестки.

Въ голубомъ огнѣ, мужики, обрадованные рабочіе, за грозноизступленнымъ Крутогоровымъ и окровавленнымъ, опаленнымъ Феофаномъ, тонкихъ подхватывая упругихъ, пламенныхъ дѣвъ и духинь, цѣловали ихъ въ груди, въ уста кроваво. Носились огненнымъ вихремъ... И побѣдные падали клики ихъ, словно всепожирающіе языки огня:

— Охъ, животъ!.. Земля!.. Огонь!.. Ой, утѣшь!.. Сразі!.. Попали!.. Гори, сердце!.. Гори, душа!.. Охъ, цвѣти!.. Радость—Радованье!.. Благодать!..

Въ сердцахъ людей открывались непостижныя бездны безъ предѣла, древній, доначальный хаосъ и надмірный огонь, попаляющій цвѣты и солнца...

О, хаосъ! О, надмірный огонь сердецъ! О, ночь, бездонная и страшная ночь, не затемненная свѣтомъ звѣздъ и солнцъ!.. О, бездны безъ предѣла! О, горній свѣтъ!

За бездонными пропастями пребываешь ты, о, огонь надмірный. И, воистину, ужасно—дума о тебѣ. Ибо, ты—то, чему нѣтъ постиженія, но отчего помрачается умъ, слѣпнетъ зрѣніе и глохнетъ слухъ...

Безчисленныя звѣзды солнца—это одинокіе костры въ провалѣ-пустынѣ. Настанетъ часъ, и надмірный огонь до послѣдняго луча выпьетъ свѣтъ изъ нихъ. И бездны поглотятъ холодныя тѣла солнцъ... Ибо, нѣтъ предѣла жаждѣ надмірнаго огня, какъ нѣтъ предѣла холоду и всеистребляемости безднъ.

О, зачѣмъ свѣтъ горній не жаждетъ тѣла, а только духа?!.. О, зачѣмъ огонь надмірный не попаляетъ холодныя, черныя бездны, а только—свѣты и солнца?!..

Но благословенны сердца—цвѣты надмірнаго огня и Вѣчности!.. Благословенны ночи—зори чернаго свѣта и земли!..

VI.

Съ вечери, причастники Пламени, осыпанные цвѣтами и вѣщимъ отмѣченные знакомъ, огненной грозой двинулись къ озеру въ лѣсную моленную Поликарпа.

Въ дорогѣ чернецъ и подхалюза, отдѣлившись отъ громады, юркнули незамѣтно въ темную хвою—слѣдить за ушедшими въ горы пламенниками.

Но злыдота, спохватившись вдругъ, догнала Вячеслава.

— Пушша глазу берегли мы Маррею...—наступая на него, свирѣпо хрипѣлъ Козьма скопецъ:—А ты сховалъ яе?..

А худая какая-то, костлявая, съ горящими глазами старуха, вцѣпившись крючками-пальцами въ грудь чернеца, шамкая, грызла его:

— Ты шманилъ Марею!.. Ничый! Джуши тваей дагляжушь!..

— Я ничего... я такъ, — заюлилъ Вячеславъ, хватаясь за рыжую косичку:—Не лайся, старушка ты Божія... Духъ живетъ, гдѣ хощетъ...

— Гдѣ Марія?.. — подступилъ къ нему Феофанъ, жуткій, угрозный:—Не скажешь—не уйдешь отсюда...

Неожиданно вынырнувшій откуда-то попъ Михайло, подскочивъ къ Вячеславу, зашепталъ ему что-то на ухо торопливо, присѣдая и погля-

дывая, то на злыдоту, то на Феофана. Какъ будто собирался открыть нѣчто да боялся, поймутъ ли.

Но Вячеславъ, узкимъ ощупавъ, ницымъ взглядомъ суетливаго бѣлобрысаго попа и прислушавшись чутко къ жуткому, многоговорящему молчанію Феофана, смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Слыхали... ать?.. — заблеялъ онъ какъ-то извнутри, увиваясь вокругъ злыдоты:—Голова-то самъ перешелъ въ Пламень теперь... Потому,— знакъ увидѣлъ...

— Брешешь, безстыжая твоя харя!..—забушевала злыдота:—Рра-зор-вемъ!..

— Я ничего... я такъ...—съежился чернецъ.

Поднялась злыдота на дыбушки. Загудѣла. Ничего не разобрать. Только видно какъ Феофана облѣпила гудящая саранча. Мужики, бабы, старики рвутъ на немъ подрясникъ. Трясутъ его съ оскаленными скрежещущими зубами и налившимися кровью глазами. Заклинаютъ и грозятъ. А Феофанъ угрозно-жуткимъ отвѣчаетъ многоговорящимъ молчаніемъ.

— А-а-а!..—бѣснуется злыдота: — Дыкъ ето стало-ть, усе—правда?... Ты—измѣнникъ? Въ Пламень перешелъ?.. Увидѣлъ знакъ и впрямь?!..

Но молчитъ Феофанъ. Недвижимымъ глядитъ въ бездну ночи отверженнымъ взоромъ, вѣя на міръ страшными грозами опаленной своей души.

Злыдота, сломленная, обезоруженная и разбитая, медленно и понуро отходитъ отъ своего владыки.

И только пытаетъ издали его истошно, глухо:

— Значитъ, видѣлъ?..

Глухо же Феофанъ гремитъ:

— Окаянные! А вы развѣ не видѣли?..

Злыдоту охватываетъ жуть... Козьма скопецъ

въ смятеніи и ужасѣ, вихляя кривыми вывороченными ногами, бѣжитъ по дорогѣ къ озеру. За нимъ—другіе. Костлявая горбатая старуха, скрючившись, догоняетъ чернеца. Разрываетъ ему подрясникъ. Шамкаетъ хрипло:

— Души догляжушь! Никому не повѣрю, покеда шама не увижу жнакъ!.. Нехай видють жнакъ ушѣ, либо нихто!..

Прорычала на чернеца свирѣпо. Высохшимъ кулакомъ на него замахнулась. Но не достала и шлепнулась на земь.

У озера громада разбрелась по лѣснымъ тропамъ.

Козьма-скопецъ, отойдя отъ злыдоты, понуро плетшейся въ горы, долгимъ окинулъ ее невиднымъ взглядомъ. Гаркнулъ свирѣпо:

— А у яльникъ?.. За составомъ, скыть?...

Но никто не шелъ въ темный ельникъ. Жуткое что-то носилось про этотъ ельникъ.

Козьма пошелъ одинъ.

Съ чадной, тлѣющей тускло головешкой ползалъ Козьма-скопецъ на четвереньках подъ темнымъ сплошнымъ навѣсомъ хвои. Копалъ какіе то коренья. Собиралъ травы. А за нимъ слѣдилъ Вячеславъ тайкомъ, изъ-за еловыхъ лапъ.

Только что вырвалъ Козьма ночной сѣрый папоротникъ, какъ чернецъ, подскочивъ внезапно, зашипѣлъ:

— Брось, шкопецъ проклятый... скорѣй брось, а то...

— Што?..—поднялъ желтое свое печеное лицо Козьма на багровый свѣтъ головни:—Чяготу пріймашь?.. Штоль?.. Ну, хучь ты со мною... А то, скыть, гады!.. Яду имъ, а не составу!..

— Брось цвѣтъ Тьмянаго!..—колотился Вячеславъ, хватаясь за грудь и крутя головой шибко:— Черезъ него—я Тьмянаго узналъ!.. Понимашь?.. Бро-сь!.. А то убью!..—взмахнулъ онъ ножомъ.

Козьма молчалъ, дикими воззрившись на чернеца осовѣлыми глазами. Но вдругъ, распахнувъ куцынку, подставилъ Вячеславу грудь.

— Шты-рха-й!.. Божья печать на мнѣ... я, скыть, духомъ живу... А духа не вбьешь!.. Што-о?.. Ну, штырхай!..—напиралъ онъ на чернеца.

Полосонулъ тотъ ножомъ по горлу Козьму. Кровь хлынула изъ черной раны огненной струей. Залила грудь Козьмы, бѣлую его дерюжную рубаху.

Но устоялъ на ногахъ Козьма.

— А-а, шкопецъ проклятый!..—ревѣлъ Вячеславъ.—Тебѣ Марію?.. Я тебѣ укажу Марію такую, што ты и ноги вытянешь!.. Я тебя проучу, какъ топить меня... Говори, обѣщаешь отравить Крутогорова?.. Ать?.. Обѣщаешь?..

— Што?.. — скалилъ зубы Козьма-скопецъ: Хучь переруби мене на пополамъ—не трону Крутогорова... А скорѣй тибе сызьяню ..

— Храберъ ты, братъ... — прогнусилъ чернецъ:—Ну, да не даромъ я караулилъ тебя...

Съ размаху пырнулъ концомъ въ пузо Козьмѣ—скопцу. А тотъ, шатаясь, досталъ изъ-за пазухи пукъ свѣжей какой-то травы. Выжавъ изъ нея сокъ, залилъ рану. Кровь утихла.

Оторопѣлъ Вячеславъ. Не впервой ему приходилось работать ножомъ. Козьму онъ хватилъ со всей руки. А и съ ногъ не сбилъ.

— Не вбьешь, грю... Потому — составъ...— хрипѣлъ Козьма:—Жисть—дли чагаты нужна...

Хвахвана знашь?.. Вжо двѣ тыщи лѣтъ живеть. А усе зли чагаты... Баютъ, за смертью, тожеть чагота—вадъ... Дыкъ рази вадъ сустаить супротивъ мукъ отъ духа што, скыть?.. А Крутогорова за што ты хочешь труить?..—пыталъ онъ.

— Я ничего... Я такъ...—лебезилъ уже слѣдопытъ, сжимаясь:—Составцу бы мнѣ... Дяденька?.. Ать?..

— Штошь, зволь...—засунулъ за пазуху Козьма руки:—Бохъ хучь и выдумалъ смерть, штобъ збавлять людей атъ чагаты, а сибе атъ стыду—дыкъ рази мы не сумѣемъ смерть побѣдить!.. Загартуемъ усе составомъ... Нихто не будетъ вмирать вжо... Денно й ношно будутъ печь Бога-то—чагатою... Ну, Бохъ и сдацца!...

— Ать?..—отскочилъ Вячеславъ, увидѣвъ въ рукахъ Козьмы какія-то бѣлыя лезвія:—Што это?..

— Ложись, грю!...—сердито гукнулъ Козьма:—Сперва большую царскую печать прими... А тамъ чагату примешь... Ну, и составу, скыть, дамъ атъ смерти...

— Ага! Знаю, какую печать... Нѣтъ, дяденька... Я еще къ дѣвченкамъ похожу... Люблю, што-жъ!.. Духъ живетъ, гдѣ хощетъ...

Захохоталъ лихо, свистнулъ и трепанулъ Вячеславъ, залихватски подхватывая полы:

Поставлю д' я келью
Подъ елью!
Стану д' я въ той кельѣ спасаться...
Кривому-слѣпому поклоняться!..
Штобъ меня дѣвки любили...
Молоды д' молодки хвалили!..

— Тьфу!.. Псюганъ!.. Песся мяса!..—харкнулъ ему въ свиные глаза Козьма-скопецъ.

И, выбравшись изъ-подъ хвои, глубокимъ липовымъ логомъ зашагалъ въ Поликарпову моленную, что надъ озеромъ.

VII.

А Вячеславъ заросшими перепутанными тропами двинулся черезъ паркъ въ непролазныя надозерныя заросли, гдѣ облавой рыскала за жуткой, смятенной Людой гедеоновская челядь

Шелъ чернецъ крадучись и озираясь. А когда, мимо старой проходя запущенной бесѣдки, услышалъ вдругъ шепоты и шорохи—прилегъ къ землѣ грудью. Замеръ.

Въ цѣпкомъ кизелѣ, выдержавъ стойку, согнувшись, подползъ къ бесѣдкѣ. Заглянулъ въ щель. Сердце его сладко и тревожно затохало. У двери стояли, склонивъ головы и отвернувъ въ темнотѣ другъ отъ друга лица, Гедеоновъ и Тамара.

Тамара, задыхаясь, говорила глухо и больно:

— Я же твоя дочь... Или мнѣ лгали, что я дочь твоя?..

— Ты... любишь?..—пыталъ ее Гедеоновъ, гнусавымъ своимъ голосомъ забираясь ей въ сердце:—Говори! Хлыста-то этого?..

— Я пропала!.. Пропала!..—ломала руки Тамара.

— Какъ же мнѣ не сойти послѣ этого съ ума?—злобно крутилъ головой Гедеоновъ:—я хотѣлъ только черезъ тебя... добиться одной цѣли... А вышло, что цѣли не достигъ... А ты втюри-лась... И въ кого же?.. Въ хлыста! Чертъ ли въ немъ...

Стонала Тамара съ плачемъ и безнадежной болью въ голосѣ.

— Вѣдь ты жъ отецъ мой?.. Или ты не отецъ мой?..

А Гедеоновъ, близко-близко подведши узкія свои щелки къ заплаканнымъ глазамъ Тамары, гнусилъ въ темнотѣ горячо, страстно, прерывисто:

— Ты—моя дочь... это вѣрно!..Ну, такъ что жъ?.. Ужъ если кому пользоваться тобою, Тамара—такъ мнѣ... твоему отцу... моя дочь, а дѣлить ложе съ нею будетъ другой!.. Какой абсурдъ!.. Да и своя кровь—горячѣй!..

За кизелемъ, притаивъ духъ, то прикладая ладони къ ушамъ, то выпячивая длинную козюличью шею, ерзалъ Вячеславъ грудью по травѣ, мокрый отъ росы. Мутнымъ глядѣлъ блудливымъ глазомъ. Слушалъ, причмокивая:

— И-и-хъ, вонъ оно что!.. духъ живетъ, гдѣ хощетъ... И-ихъ, а вѣдь онъ повалитъ ее сейчасъ...

И ждалъ, потирая блудливо руки, дрожа, что же будетъ дальше?

Но на крутосклонѣ, откуда лились огни дворца, разсыпались вдругъ визгливые крики и смѣхъ: толпа дѣвицъ спускалась по аллеѣ внизъ. Быстро выскочивъ изъ бесѣдки, съ досады сломавъ хлыстъ, пошелъ Гедеоновъ, пригинаясь, навстрѣчу толпѣ.

А Вячеславъ, затрусившись, боясь, какъ бы его не увидѣли, поползъ на брюхѣ въ кизелеву гущирь. Выждавъ же, пока ушла Тамара, всталъ. Перелѣзъ черезъ ограду. Вытеръ изгрязненный подрясникъ и махнулъ въ колдовской надозерный боръ.

Въ бору мужики, рабочіе, дѣвы, духини, собравшись, гадали на вѣнкахъ.

Завидѣвъ Вячеслава, буйная и гадливая злыдота шкваломъ на него кинулась. Захлестнула его. Въ жуткую погрузила волну.

— Слѣдопытъ!.. Слѣдопытъ!..—шарахались дѣвушки:—Не спроста онъ тутъ...

— Ахъ, ты ранджега чертова, лярва!..—напустилась на чернеца злыдота:—На хитриши бьешь?.. Разсорить насъ хочешь?.. Брешешь, хрида приблудная, стерва, за голову свово мы въ огонь пойдемъ!.. А тебя проучимъ, курвель, домушникъ, разорвемъ!.. Адѣ Марья?.. Рразорве-мъ, коли такъ...

— Я ничего...—бормоталъ Вячеславъ, пугливо озираясь:—Ей Богу жъ, всю зиму Марію гоняли стражники, потому какъ безъ пачпорта она... Можетъ, и смерзла гдѣ...

Лебезилъ и, разглядывая исподтишка духинь, дрожалъ больной дрожью: въ хороводѣ гибкая извивалась вѣщая Люда. Здѣсь ли челядь? Поможетъ ли она слѣдопыту схватить ту, за которой годы слѣжено?

— Маррею намъ!..—ревѣла злыдота:—Не уйдешь, оглоѣдъ чертовъ...

— Бросьте!.. Ну его къ черту... вмѣшались рабочіе:— Охота связываться? Сходитесь въ хороводы... Зачинайте пѣсни!

— А и то!

Дѣвушки взялись за руки. Въ плавномъ поплыли шевелящемся плясѣ, пріударивая въ ладоши:

— Ой, тушь! Ой, ну! Ой, дѣвки, люли! И молодки, люли! А какъ, старыя чертовки—да впередъ загули!

Грозно какъ-то и зловѣще выгибалась Люда—строгая, молчаливая и неприступная. Въ ночныхъ

недвижныхъ русалочьихъ глазахъ ея держались ужасъ и тайна.

Но хоть и скрывала Люда что-то отъ міра и даже отъ себя—слѣдопытъ зналъ, отчего была она молчалива и ходила съ ужасомъ въ недвижныхъ бездонныхъ глазахъ.

— Ага... Притихла...—втягивалъ онъ въ плечи острую свою рожу: —Погоди... не то еще будетъ... это еще цвѣтки,..

Качалось подъ вздохами вѣтра и пѣнилось лунное озеро. Молодыя серебристыя ивы, вскидывая косы-вѣтви, точно дѣвушки на зарѣ, вздыхали радостно и протяжно. Надъ волнами плылъ нырявшій въ облакахъ мѣсяцъ, сыпля бѣлое золото.

Хороводы, выглянувъ изъ-подъ шелома сосенъ, хлынули шалымъ прибоемъ къ волнамъ. Лунный огонь ударилъ въ хохочущія лица дѣвушекъ. У волнъ духини завивали вѣнки.

Мужики и рабочіе, ввалившись въ качавшіяся на волнахъ лодки, пустились по рябому серебролунному озеру. Раздольную грянули пѣсню, старую:

За рѣкою огонь горитъ,
А все чернобылье.
Ой ладо, ой ладо,
Ой ладотеньки,
А все чернобылье...—

Звонкія и хрупкія дѣвушки, дрогнувъ, подхватили съ берега:

Да куютъ тамо кузнечики,
А все молодые.
Ой ладо, ой ладо,
Ой ладотеньки,
А все молодые,..

Гадали на тѣльникахъ. У березы, купающей гибкую свою верхушку въ волнахъ, на устланномъ коврами цвѣтовъ откосѣ духини и дѣвушки, короткія разстегнувъ кофточки и обнаживъ молодыя, крѣпкія, бѣлѣющія какъ мраморъ груди, снимали и вплетали въ вѣтви тѣльники. Клали передъ ними по поклону. Поцѣловавшись, обмѣнивались тѣльниками. И сбросивъ съ себя одежды, упругія, радостныя, сцѣпившись за руки, смѣясь и крича, дикой кидались ватагой въ бурливыя волны.

Горе дѣвушкѣ, потерявшей въ волнахъ обмѣненный тѣльникъ!

Надъ жутко-темными, съ серебряной чешуей волнами, изломленная, бушевала и вскидывала гибкими руками Люда. Въ неизбывной тревогѣ маялась и никла гордой, увитой тяжелыми золотыми жгутами, головой... А въ сердцѣ ея черные вихри крутились, грозя и паля, зловѣщіе зовы, мольбы и проклятія: Крутогоровъ.

— А-ахъ!..—тошновала она и билась о волны, и грозила:—Дайте мнѣ его!.. Я разорву его!.. Крутогорова... А-ахъ, да раздушу жъ я его, проклятаго...

Вячеславъ, присѣвъ за ивнякомъ, не сводилъ раскосыхъ глазъ съ ея круглыхъ, какъ гранаты, огненно-бѣлыхъ, съ розовыми сосцами грудей, стройныхъ ногъ и точенаго живота. Но не шевелился, часто дрожа, холодной больной дрожью: Люда, сѣявшая вокругъ себя ужасъ и пытки, страшна была ему, какъ смерть.

VIII.

Въ Купалову ночь въ ветхой лѣсной моленной шабашили лѣсовики.

Косая плетневая хибарка набита была биткомъ. Красносмертники, злыдота, бродяги, бобыли, побирайлы, ехи, кликуши, блудницы и вѣдьмы носились и лютовали, словно черти. Подъ бревенчатымъ шаршавымъ потолкомъ сплошной стоялъ гулъ.

Въ красномъ куту, взобравшись на лавку, гнусилъ, словно безносая прогнившая потаскушка, измотавшійся сиплый Вячеславъ:

— Смерть живоглоту!.. Ать?.. А и насолилъ же я ему!..—хихикалъ онъ гнусно:—Гедеонову-то!.. Какъ же! Провѣдалъ это я... какая-то дѣвченка взята имъ была... на ночь... Смекнулъ я, что спасти можно дѣвченку... Тишочкомъ да таечкомъ—къ лакеямъ... Тѣ бай-дужи... А я возьми, да и выведи ее изъ дворца-то... Што-жъ вы думаете?.. Узналъ, песъ!.. Убить меня теперь собирается... Понимашь?..

Тонкій гнусавый голосъ его дребезжалъ и кололся въ безудержномъ плясѣ и гукѣ. Какой-то грузный обормотъ, развалившись на скамьѣ, тыкалъ себя въ пузо и грохоталъ:

Ажанили, ажанили,
Ай, на бабѣ, на Ненилѣ!..

— Эй!.. безстыжая харя!..—гукали на слѣдопыта злыдотники:—Замолчи!.. А то—разнесемъ!.. Знаемъ мы, какъ ты спасалъ дѣвченку...

Дрожала моленная отъ гула и топора. Неистовыя пляски живота въ гудящій сливались огненный клубокъ.

Въ блудливое, дрожавшее больной дрожью тѣло Вячеслава огнемъ вливалась похоть. Одурманивала его. Надъ нимъ бѣлорозовая извива-

лась, вишнегубая Неонила, дыша на него горячо и часто.

Но только что Вячеславъ, осмѣлѣвъ, схватилъ ее, какъ на него гуртомъ наскочила злыдота.

— Шкада проклятый!..—царапались бабы:—И тутъ шкадить?..

Вячеславъ, отбиваясь отъ бабъ, крутился и юлилъ около Неонилы. Подмигивалъ ей:

— Ну какъ твой лѣсовикъ?.. Берегись, дѣвка. Андронъ точитъ на тебя ножикъ...

Неонила молчала. Но, вскинувъ васильковые открытые свои глаза, лихо тряхнула золотыми кудряшками:

— Кого хочу, того люблю. Андронъ мнѣ не указъ!.. Гуляй, знай!..

— Сердцо мое!.. Хо-хо!—лихачемъ подвернувшись, подхватывалъ ее на руки вихревой, гривастый лѣсовикъ.—Обожми! Хо!

Шевелилъ сѣрыми, нависшими надъ черными глазницами, какъ лѣсъ, бровями. Пурговую вскидывалъ, лохматую гриву, носясь съ Неонилою въ круговомъ плясѣ...

Тряслась хибарка. Передъ окнами суровымъ и темнымъ шумомъ шумѣли старыя, побитыя грозами березы. За ними медленно, словно нехотя, въ темнотѣ ворчалъ дальній громъ. Въ лѣсу росла и надвигалась гроза.

Въ тѣсной толпѣ, смѣшавшись съ зипунами и кожухами, отъ страха пригнувъ голову, юлилъ Вячеславъ юлой. Подслушивалъ мужиковъ да моталъ себѣ на усъ.

— Ну, што намъ съ тобой дѣлать?..—стискивали его мужики:—Говори, змѣево ты сѣмя...

— Какой энто змѣй?..—фыркалъ Вячеславъ,

крутясь волчкомъ и за бѣлесыми рѣсницами пряча ницые глаза:—Я—за васъ же... А вы не соображаете этого?..

— Каккой ента змѣй!..—кривлялись мужики:— Бытто не знаетъ, што... Гедевоновъ—отъ змѣя?..

— Какъ такъ?—прыгалъ чернецъ

— А такъ. Матка евонная подкинута была старому барину... А какъ выросла—съ змѣемъ спуталась... Отъ змѣя и родила Гедевонова-то... Вѣдь, онъ твой батька?.. Бытто не знаетъ!..

Кружились духини. Въ окна, вперемѣшку, били протяжные колдовскіе шумы березъ, острый кровавый свѣтъ молніи и гулъ отдаленнаго грома. Находила гроза.

Засокоталъ духъ.

Съ ревомъ и свистомъ громада понеслась вкругъ стола. А на столѣ вдругъ, вскочивъ выпрямилась во весь ростъ тонкая стройная дѣвушка, съ головы до ногъ завервутая въ бѣлыя покрывала, страстно облегавшія молодое вздрагивающее тѣло...

Увидѣвъ чистую, пали лѣсовики передъ ней ницъ въ жуткомъ, внезапно наступившемъ молчаньи.

Поцѣловалъ стопу ея Поликарпъ. И покрывала упали вдругъ съ ея плечъ. какъ жемчужная пѣна...

Вспыхнула чистая заревомъ наготы своей и бездоннаго, извнутри свѣтящагося взгляда. Надъ бѣснующейся, гудящей громадой затрепетала съ благословляющими бѣлыми нѣжными руками и черными кольцами волосъ, скатывающимися по розовой тугой груди. Знойное дѣвичье тѣло ослѣпляло, какъ молнія. Било въ глаза нестерпимымъ огнемъ...

Радостное что-то и жуткое запѣла громада. И, крѣпко и тѣсно сомкнувшись, огненнымъ понеслась вокругъ дѣвушки колесомъ...

Въ свирѣпомъ ревѣ и визгѣ, духини и ехи сбрасывали съ себя одежды. Въ плясѣ кидались на кормчихъ. И, сжигая ихъ огнемъ страстей, обвивались горячими потными руками и ногами. Гикали изступленно. Кроваво цѣловались, впиваясь острыми зубами въ щеки и губы мужиковъ...

Передъ дѣвушкой зажглись вдругъ свѣчи. Огненное тѣло закровавилось. Озарилось все до послѣдней тѣни. Даже тѣ, что, забившись въ далекій уголъ, не разглядѣли сперва дѣвушки хорошо за сумракомъ — теперь увидѣли ее всю, ярко освѣщенную, и узнали.

Ахнулъ Козьма: Марія!

Знать, не даромъ устрялъ за Козьмою и пролѣзъ въ корабль Поликарпа слѣдопытъ. Псу нужна Марія. Не сдобровать ей теперь. Утащитъ ее слѣдопытъ къ живоглоту. Пронюхаетъ же, дьяволово отродье?! Надо спасать Марію. А то осквернятъ живоглоты.

Но только что Козьма, пробившись къ столу протянулъ навстрѣчу Маріи руки, какъ лѣсовики схвативъ его за шиворотъ, отбросили къ порогу Со зла и боли, разбилъ Козьма ямошникомъ окно, впился кому-то зубами въ ягодицы, опрокинулъ на себя скамью...

Воздѣвь передъ Маріей руки, величаво и жутко громада загудѣла:

— Ра-аду-й-ся... дѣ-во Маріе... Радуйся Чи-и-ст-ая...

Потушили свѣчи. Оставили только лампаду.

Трепетно поднявъ руки, опустила ихъ надъ громадой Марія.

Подошелъ къ столу, дрожа, ощупью, Поликарпъ. Шаршавыми скользнулъ пальцами по атласистому тѣлу дѣвушки. Приникъ къ ногамъ ея страстными, обнесенными вьюгой сѣдыхъ волосъ, огненными губами.

За Поликарпомъ пошла и громада, припадая къ ногамъ Маріи страстно. И когда подошли послѣдніе—погасъ огонь.

Въ темнотѣ разразились нечеловѣческія рычанья. Толпа заметалась люто, закрутилась по моленной, заслоняя окна, чуть маячившія въ стѣнахъ. Ехи и духини падали уже на земь, визжа и крича безумно-дикимъ крикомъ.

Ударила молнія, страшнымъ алымъ огнемъ обливъ все также стройно, вѣще и неподвижно, какъ изваянье, стоявшую на столѣ Марію.

Въ хлынувшей за молніей темнотѣ ухнулъ громъ, точно земля провалалась въ таръ-тарары. А надъ ударомъ взвѣялись чернымъ крыломъ вопли лѣсного сладострастія, огня и мукъ.

Очумѣлый Вячеславъ, прыгая по горячимъ потнымъ тѣламъ, нащупалъ въ темнотѣ столъ. Волосатыми обхватилъ, холодными руками ноги Маріи, скуля тонко и нудно кошачьимъ своимъ голосомъ:

— Уходи, Марія!.. Вишь, какой тутъ адъ?.. Уходи!., Ать?..

Но, дрогнувъ, вскрикнула Марія хрупко:

— А мнѣ адъ то и любъ!

Какъ-то больно и надорванно прохрипѣлъ Козьма, услышавъ голосъ Маріи и голосъ слѣдопыта. Черезъ горы тѣлъ ринувшись, загремѣлъ кулаками по столу и завопилъ благимъ матомъ!

— А внимись, духъ!.. слѣдопытъ, скыть, Мар-рею уносить!..

Но сокоталъ духъ. Не унимались лѣсовики, духини и ехи. Не утихалъ шабашъ, а все больше разростался. Даже громъ не покрывалъ безпрерывнаго жуткаго рева и воя, свиста, регота, скрежета и хохота...

И вдругъ, раскаты грома и гулъ толпы покрылъ высокій, радостный и вдохновенный кличъ Маріи. Но не кличъ Града и свѣта, а кличъ тяготы, гибели...

Обхватилъ ее Козьма поперекъ. И она страстно, до боли, знойными обвилась вокругъ него руками и ногами. Въ жуткой жаждѣ страданія забилась кроваво... Вотъ когда только суждено ей принять тяготу!

Но вдругъ страшнѣе прежняго ахнула, ударила лютая молнія, превративъ все въ сплошное солнце. Увидѣла Марія, кто ее держитъ. Узнала Козьму-скопца, ненавистника плоти и гибели— смерти... Больно и глухо отшатнулась:

— Пусти-и!.. Погибели хочу... Затѣмъ и пришла сюда!..

Протяжный и всесокрушающій ухнулъ ударъ. Раскололъ землю на двое. Оглушилъ и безъ того обезпамятавшую Марію...

Козьма, завернувъ ее въ полы зипуна, выскочилъ съ нею изъ хибарки. И, не глядя на ревучій дождь, шалые колдовскіе скрипы и удары грозы, въ жуткую понесъ темь стараго мятущагося лѣса...

Дождь гудѣлъ въ вѣтвяхъ, словно ураганъ. Билъ въ мужика и извивающуюся въ его рукахъ обнаженную трепетную дѣвушку грознымъ водопадомъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

I.

Какъ-то шумѣли ветлы. Прорывалось сквозь серебряныя крылья жемчужныхъ тучъ копьеносное солнце. Шла по горѣ алая Люда съ сизыми, какъ потухающій закатъ, русалочьими глазами, таившими роковыя бездны. Въ грозовомъ солнцѣ встрѣтилъ ее Крутогоровъ. И сердце его ударилось больно, зловѣще и тяжело, заслышавъ зовы безднъ, ихъ роковой и неотвратимый полонъ. Но изъ синихъ огромныхъ русалочьихъ глазъ глядѣла на него кровожадная, смертельная ненависть, и нескончаемая жуть, и страхота, и пытка...

Безнадежно опустивъ голову, молча прошелъ Крутогоровъ мимо Люды. На крутую, затерянную въ дикихъ горныхъ цвѣтахъ и ясеняхъ, таинственную дорогу вышелъ. Но только больше

уже ничего не видѣлъ вокругъ себя, не слышалъ, не зналъ за пышными русыми косами, гибкимъ змѣинымъ станомъ и сизыми русалочьими глазами, маячившими, словно чернобагровыя зарницы... И цвѣты при дорогѣ—были все тѣ же огненные загадочные цвѣты: Люда.

Непонятное что-то поразило ее и роковое. И душу ея, ея огромные русалочьи глаза ненасытимая переполнила ненависть къ міру. На немъ срывала она эту ненависть, смѣясь чернымъ смѣхомъ, круша и убивая. Ходили слухи, что ею отравлялись ключеструи, колодцы и источники. И она же душила шелковымъ своимъ поясомъ всѣхъ, кого не встрѣчала наединѣ, хитростью, дьявольской улыбкой и ловкостью обезоруживая жертву. Но что удерживало ее губить Крутогорова?

Въ глазахъ ли ея—въ синихъ безднахъ, хранившихъ ужасъ и тайну, яды мести смертной тому, кто полонилъ ее и вселилъ въ нее ненависть,—не отстоялись? Въ сердцѣ ли? Но только она зачѣмъ-то ждала и молчала. Не затѣмъ ли, чтобъ внезапными огненными бурями сокрушить его?

А Крутогоровъ, кляня и благословляя любовь, мать ненависти и бурь, одиноко и недоступно жилъ въ старой башнѣ, на крутой горѣ.

Нога непричастнаго не ступала туда. Но тихими зорями, словно кровавый призракъ, приходила на гору Люда. Глядѣла съ высоты въ даль, за лѣса и рѣки. По чемъ то невѣдомомъ томилась. И пропадала въ лѣсу. И не знали, зачѣмъ она приходила на крутую гору. Знали только, что въ глазахъ ея—проклятіе и ужасъ.

Въ лѣсной расцвѣтъ бродилъ Крутогоровъ

по бѣлымъ медвянымъ травамъ, обнимавшимъ сердце свѣжимъ радостнымъ шумомъ и пѣвшимъ сладкую пѣсню. Въ глубокомъ черемуховомъ молоднякѣ встрѣтились съ нимъ хмельные, дикіе лѣсные хороводы. А изъ хороводовъ, гордую приподнявъ голову, глядѣла непонятнымъ, упорнымъ сизымъ взглядомъ русалочьихъ глазъ Люда. Ждала. А можетъ быть смѣялась и проклинала. Русые, пышные волосы ея тяжелыми вились, желтыми, цвѣта поздней ржи, плетями вокругъ головы и бѣлой лебединой шеи. Ложились на точеныя плечи литымъ золотомъ. Прикрытое короной ихъ алое наклоненное лицо кровожадной улыбалось улыбкой. Какъ будто проклинало и мстило. А и грозно лукавило жуткимъ, непонятнымъ лукавствомъ огромныхъ, дьявольскихъ, сизыхъ глазъ.

Въ древнихъ дикихъ поляхъ, въ степной землянкѣ жилъ Крутогоровъ, наединѣ съ Богомъ.

И по вечерамъ, въ спѣлый, желтый, сонноразливающійся океанъ ржи стройнозноймая приходила, гибкая Люда. Склонивъ голову, глядѣла въ закатную огненную даль. Жуткіе ловила предвечерніе зовы. Вздыхала безнадежно-тяжко: Крутогоровъ.

Литое золото волосъ ея сливалось съ кованымъ золотомъ заката и поздней ржи. Огромные же глаза все такъ же таили бездны, и ненависть, и тайну, и пытки...

За нею, кровожадной, недоступной и невозможной, издали слѣдилъ Крутогоровъ. Но такъ и не узнавалъ, зачѣмъ приходила она въ закатную степь? О чемъ были ея думы, чѣмъ полно было сердце ея? Видѣлъ только, какъ маячилъ

на закатѣ алый ея сарафанъ, ды пылали неутолимымъ огнемъ синія ея бездны, и кровавая улыбка...

Въ огненныхъ мукахъ любви, ненависти и проклятій шелъ Крутогоровъ, не помня, куда и зачѣмъ. А въ сердцѣ его цвѣли кровожадные цвѣты и пѣла, точно ураганъ, колдовская пѣсня: Люда.

Проклялъ ее Крутогоровъ страшнымъ смертнымъ проклятіемъ. Ушелъ въ пустыню. Но и въ пустынѣ, въ послѣдній разъ, приходила Люда. Пытала Крутогорова. Звала и вырывала изъ груди сердце, уходя недоступной и невозможной...

Только теперь догадался Крутогоровъ, отчего Люда, въ послѣдній разъ, встрѣтившись, не опустила, какъ прежде, лицо, не отвела огромныхъ сизыхъ глазъ — чернобагровыхъ зарницъ, — но долго, долго, недвижимо, въ лютой ненависти поглядѣла на него и отвернулась. Она уходила, эта смертельная, заклятая любовь навсегда...

Но тихо теперь въ сердцѣ, какъ въ саду, гдѣ лишь изрѣдка переплескивались съ вечернимъ свѣтомъ липы, да плылъ сладкой волной малиновый звонъ. Будто ходилъ кто то невидимый и нѣжный, скликая на землю ангеловъ. А на землѣ лазоревые цвѣли цвѣты и, что перлы, переливались по клейкимъ лепесткамъ росы. Малиновый звонъ манилъ за сизыя дали узывчиво, съ жемчужно-бѣлыми сливаясь далекими туманами... Надъ стройной, бѣлой сельской колокольней, овѣянной пухлыми темными липами бѣлокрылые вились ангелы. Звонили въ серебряные колокола.

А, зачарованный звономъ и зовами-снами,

зовами ночи, перешептывался Крутогоровъ съ цвѣтами.

— Кто зоветъ меня?

Но цвѣты шелестѣли лепестками:

— Не знаемъ.

Смутно Крутогоровъ чуялъ:

— Это она...

И шелъ, цѣпляясь за распустившіяся мокрыя розы, влекомый малиновымъ звономъ, къ синимъ жемчужнымъ туманамъ. А въ сердцѣ его цвѣли черные змѣиные цвѣты. Молчаливые бушевали, окованные демоны. И пѣлъ звѣздный ураганъ: Люда.

Крутогорова кто то окликнулъ. Въ аллеѣ звенѣлъ шпорами, пригинаясь, Гедеоновъ. Вострые, впалые, суженные глаза его въ сумракѣ неуловимо кололись, какъ концы иглъ. Продолговатая голова, качалась, какъ у змѣи, приготовившейся къ нападенію. Его билъ недугъ.

— Я... тебя не узналъ...—дымилъ онъ сигарой.

Плевалъ яростно на цвѣты. Скрипѣлъ зубами:

— Чер-ртъ... Не знаешь, куда и дѣться отъ этой дряни!

Ноги его тряслись.

— Отовсюду претъ эта гадость... Негдѣ вздохнуть!

Цвѣтныя почки разрывались подъ теплой росой. Лили ароматъ. А ночныя зори пылали голубыми пожарами. Но Гедеонова только мутило это. Ибо красотой зорь, цвѣтовъ, звѣздъ и міра наслаждались люди. Гедеонова же радовало только то, о чемъ не только прокаженные и рабы, но и сильные, подобные ему, Гедеонову—не знали, не догадывались и чего не видѣли никогда.

Красота цвѣтовъ, зорь, солнца, хоть и не

такъ остро, какъ одаренныхъ священнымъ огнемъ свыше, а трогала Гедеонова. Зажигала восторгомъ. Но тотчасъ же и подымала на огненныхъ копьяхъ зависти и ревности. Ибо не одному ему на свѣтѣ была дана...

Зацвѣтала ли голубая заря, вспыхивало ли свѣтлоалое, побѣдное солнце—Гедеоновъ забывъ про зависть, въ сладкомъ замиралъ восторгѣ... Но смертельно жаль ему было, что не на одного его брызнули златотканные лучи солнца. Лучи эти вливали ему уже въ сердце не наслажденіе, а смертный ядъ. Проклиналъ онъ солнце... Закрывалъ глаза и въ темноту бѣжалъ.

Кадилъ ли ароматомъ распустившійся обрызганный росой макъ, шумѣлъ ли протяжнымъ шумомъ лѣсъ, баюкая сладкой музыкой,—также, забывъ про зависть, трепетало сердце Гедеонова отъ нахлынувшей, словно сонъ, радости. Но пробуждалась зависть сатаническая и ревность всепопаляющая.

— Какъ проститутка, эта природа...—харкался Гедеоновъ:—Всѣмъ доступна... Но и проститутка рабу или прокаженному не отдается... А природа къ этимъ-то и благоволитъ больше...

Солнце Гедеоновъ клялъ и хулилъ непрестанно. И никогда не показывался на яркій солнечный свѣтъ, чтобы не унизиться передъ рабомъ, къ кому солнце благоволитъ больше, чѣмъ къ властителю міра.

Вотъ если бъ надѣть на земной шаръ этакое чехло — мечталъ Гедеоновъ, — чтобы скрыть отъ людей солнце, звѣзды, облака, дожди, да устроить бы нѣчто въ родѣ аренды-откупа на небо, солнце, звѣзды и дождь,— ну тогда бы другое дѣло!..

Тогда бъ ужъ Гедеоновъ не проклиналъ міръ, но благославлялъ бы. Подъ всемірнымъ-то колпакомъ облюбовалъ бы лучшее на землѣ мѣсто, насадилъ бы сады красоты невиданной, съ фантанами, озерами и водопадами, обнесъ бы ихъ высокой гранитной стѣной, открылъ бы солнцу и дождямъ, да и жилъ бы одинъ одинешенекъ, наслаждался бы единственной въ мірѣ, никому невѣдомой красотой, сколько душѣ угодно.

А если бъ кому захотѣлось взглянуть на солнце животворящее — въ темнотѣ-то, безъ солнца и влаги, подъ колпакомъ долго не проживешь— Гедеоновъ за дьявольскую пытку (безъ пытокъ ему и жизнь не въ жизнь и красота не въ красоту) открылъ бы надъ какой-нибудь ямой небо и солнце—любуйся, счастливецъ!

Но ужъ ни за какія пытки въ мірѣ никого не пустилъ бы къ себѣ за гранитную ограду...

Хорошее дѣло—колпакъ надъ землею и аренда откупъ на солнце!.

Но опять обжигало Гедеонова бурымъ огнемъ зависти неутолимой и ревности. Вѣдь, раньше-то, люди наслаждались красотой міра—какъ же быть съ тѣми? Съ нихъ ужъ откупа не возьмешь. Да и никакіе откупы не утушатъ всепопаляющей зависти къ нимъ...

— Положимъ,—размышлялъ Гедеоновъ:—тѣ, о комъ говорятъ, будто они наслаждались жизнью— только на самомъ дѣлѣ мучились... Можетъ-быть, это все фантазіи поэтовъ да историковъ...

Зато тѣхъ, кто живетъ и наслаждается красотой теперь — Гедеоновъ подушилъ бы подъ колпакомъ, ой, подушилъ бы! Ужъ отомстилъ бы за прежнее упоеніе красотой...

— А какъ же съ будущими..,—тревожился Гедеоновъ: — Вѣдь послѣ меня проклятая чернь все-таки найдетъ путь къ солнцу!?. Попередушить ее загодя?.. Но какже безъ пытокъ быть?.. Въ смертный страшный часъ на пыткѣ только и можно будетъ отвести душеньку,..

Эка!—утѣшалъ себя онъ—съ будущимъ можно будетъ покончить единымъ махомъ. Когда къ тебѣ придетъ смерть—нажми этакую кнопку, чтобъ отъ земного шара не осталось и слѣда, и чтобъ потомъ ничто ужъ не жило.

Но—грызло Гедеонова и сверлило винтомъ—чѣмъ отомстить той твари, что вотъ теперь, вотъ въ этотъ мигъ упивается зорями огненными, душистыми цвѣтами, звономъ звѣздъ и музыкой лѣсного шелеста и волнъ, испытывая отъ радости бытія, отъ священнаго огня, заложеннаго свыше, можетъ-быть, такое счастье, такой восторгъ, какого ни одинъ властитель міра не испытывалъ и не испыталъ бы, даже, если бы заставить солнце и звѣзды свѣтить, а землю цвѣсти и волнами пѣть—только для него одного.

Ибо тотъ царь, кто, хоть и одѣтъ въ рубище, хоть и задыхается въ грязи и ярмѣ, но глубже постигаетъ красоты міра, а не тотъ, кто носитъ драгоцѣнныя одежды, побѣждаетъ міры и царствуетъ надъ ними, но глухъ къ красотѣ.

Не отомстить презрѣннымъ! Не утолить зависти!

— Н-да... кое-что я про тебя слыхалъ—покосился на Крутогорова Гедеоновъ, и голова его закачалась, какъ у змѣи, приготовившейся къ нападенію, а правая кривая нога затряслась, гремя шпорой—мнѣ съ тобой надо поговорить,

II.

По берегу озера, запавшаго въ темную хвою горъ, лазоревый всплывалъ туманъ. Надъ горами, деревушки, скиты, дальній Загорскій монастырь, бѣлый мраморный дворецъ Гедеонова, обнесенный острыми, какъ копья, тополями, и приземистая бѣлая же каменная церковь въ шумѣ яблоневаго сада, тонули и гасли въ вечернемъ голубомъ сумракѣ, словно невѣдомые призраки или тайные стражи.

Когда-то скиты, моленныя и кельи были Гедеоновымъ заколочены. А жившіе въ нихъ пророки, подвижники, глашатаи Града и прозорливцы сосланы въ Сибирь.

Когда-то все Знаменское и окрестныя деревушки трепетали отъ одного имени Гедеонова. Теперь же мужики не боялись больше его. Ждали грозы.

Гедеоновъ, удалившись въ городъ, копилъ месть и пытки проклятому мужичью. Только изрѣдка пріѣзжалъ лѣтомъ изъ Петербурга въ Знаменское съ княгиней Турчанской, въ молодости отбитой имъ у мужа, и ея дочерью, семнадцатилѣтней русокудрой дѣвицей Тамарой.

Садъ, мелькавшіе подъ яблонями кресты, надмогильные камни, мраморные памятники и поросшіе папоротникомъ могилы оцѣпляла сбѣгавшая по крутосклону каменная ограда. Черезъ сквозной проходъ межъ могилъ широкой дорожкой сходилъ къ озеру Крутогоровъ молча. Гедеоновъ, не отставая отъ него, трундилъ:

— Да... Наслышанъ, наслышанъ... Тутъ къ тебѣ есть дѣло...

— Въ чемъ же оно?..—повернулъ лицо Крутогоровъ.

— А вотъ узнаешь...

Передъ мраморнымъ могильнымъ памятникомъ съ плачущимъ ангеломъ Гедеоновъ, упавъ вдругъ на колѣни, поднялъ голову кверху:

— Помяни, Господи, болярина Владимира...

Всталъ. Грустно покачалъ головой:

— Дѣдъ мой. Душа-человѣкъ былъ...

Но, тихонько захохотавъ, ткнулъ сапогомъ въ могилу остервенѣло. Медленно, со смакомъ выплюнулъ:

— Нравственность все наводилъ... Ну, я жъ его и навелъ. О, Боже, прости меня, окаяннаго! А его помяни, мать бы...

Вплотную подойдя къ Крутогорову, Гедеоновъ тронулъ его за плечо:

— Нѣ-тъ... Это что-то... невѣроятное!.. Видѣлъ я красивыхъ женщинъ... Но это что-то... невѣроятное!..

— Людмила?—дрогнулъ Крутогоровъ.

— Ха-ха! Затрясло?..—захохоталъ глухо Гедеоновъ, держа качающуюся, вытянутую голову на отлетѣ: — Ну, Людмилка это еще что... Вотъ Старикъ — да. Замучилъ Онъ людей! Заканалъ. И такъ-то молятся они Ему... И этакъ-то... Все Ему мало!.. Маклакъ! Жидъ! Плохо молятся? Такъ что жъ это за Богъ, коли молитвъ глупыхъ требуетъ!! Хвали меня, дескать. Ку-лакъ.

За липой, качаемой темнымъ вѣтромъ, вспыхнула вдругъ свѣча въ церкви. Гедеоновъ вздрогнулъ. Подскочилъ, вихляя кривыми ногами и

трясясь, къ кованой двери. Загремѣлъ замкомъ.

Свѣча потухла.

— Дверь заперта?.. — удивленный спрашивалъ Крутогоровъ: — А въ церкви кто же ходитъ?

Гедеоновъ вытянувъ впередъ приплюснутую голову:

— А вотъ увидишь.

И вдругъ, въ прикрѣпленную къ двери икону Саваоѳа харкнувъ, заскрипѣлъ люто зубами:

— Я развѣ мучу?.. Вотъ кто мучитъ!.. Я развѣ...

— Га-дъ, — тихо, какъ бы нехотя, бросилъ Крутогоровъ.

— Я?—подскочилъ Гедеоновъ:—Ого! Да ты, братъ, смѣлъ... Но не бойсь, я тебя не убью. Да. Гадъ. А кто не гадъ? Ты меня ѣшь, я—тебя... Мужиковъ тѣсню я, то да се... А меня мужики милуютъ?..

Качалъ медленно головой. Колючими водилъ, жеглыми глазами, чуть видимыми въ сумракѣ.

А сумракъ прилегалъ къ землѣ строже и гуще. Голубая ночь, притаившись, словно заговорщикъ, колдовала жемчужнымъ колдовствомъ. Протяжными пѣла шумами, травами и цвѣтами. Свѣтила алмазнымъ ожерельемъ звѣздъ и лазоревыхъ зорь.

— Развѣ это—красота?..—вздвигалъ плечами Гедеоновъ, харкаясь на цвѣты: — Да и вообще есть ли красота?... Никакой такой красоты нѣтъ. Это самообманъ такъ называемыхъ... поэтовъ. Фантазіи.

— Міръ — красота, — прервалъ его Крутогоровъ: — Да отъ васъ, гадовъ, красота скрыта... Вотъ вы и проклинаете міръ!

— Скрылъ еси отъ мудрыхъ...—подкивывалъ Гедеоновъ, кладя сухощавыя свои руки на плечи Крутогорову:—это вѣрно. Намъ пользы подавай... Хорошій обѣдъ, а не красоту. Красота мнѣ—зарѣзъ... Некуда уйти мнѣ отъ этого ножа души моей!..—странной дрожалъ онъ дрожью:—А вы всю жизнь рѣжете меня этимъ ножомъ!..

Голосъ его, гнусавый и тонкій глохъ, и все тѣло тряслось.

— Положимъ, всѣ сильные ненавидятъ красоту... — утѣшалъ себя Гедеоновъ вполголоса:— Такіе, какъ я. Іисусъ тоже ненавидѣлъ красоту...

Опустилъ голову. Махнулъ презрительно костлявой рукой:

— А все же — это только жидокъ средней руки... О, Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, прости меня окаяннаго!..—сокрушенно вздохнулъ онъ;—Для меня жиды—звукъ пустой... Но изъ-за одного этого жидка я бы всѣхъ ихъ поперерѣзалъ!.. Оставить цѣлый міръ въ дуракахъ— это...—осѣкся онъ, должно быть, испугавшись Крутогорова:—Ну, да, Іисусъ—Богъ... Но зачѣмъ онъ родился отъ жидовки?.. О, матерь Божія, прости окаяннаго!.. У-у-хъ, и не-нави-жу-жъ я жидовку!.. У-у-у-х-хъ... Жиды переняли меня... И не-нави-жу-жъ!..

Въ саду захохотали сычи, вѣщія совы. Подъ обрывомъ, ветлы, взрытыя чернымъ вѣтромъ, то ползли шевелящимися валами, а то, поднявъ свои дикія гривы, кидались на озеро, будто львы...

А пьянѣющій дальше и больше отъ злобы Гедеоновъ, уже не сдерживаясь, сжималъ трясущіеся кулаки:

— Кр-ро-вушка! Крровушка-матушка!.. Только

она и спасаетъ меня... Какъ напьюсь кровушки... солененькой... теплой, живой... липкой... Такъ душенька и отойдетъ... Не будь крровушки матушки—можно было-бъ съ ума сойти!.. Каждый—и жидъ! И прокаженный! И рабъ! Каждый цѣлитъ быть... Богомъ... Зарѣзъ! Зарѣзъ! Мать бы...

Гремѣлъ саблей. Харкалъ:

— Сво-лочи! А душонки то—трусливыя, сволочи. Спасибо, хоть кровушка то не по плечу, сволочамъ... А то—хоть ложись, да помирай.

Подъ церковью вдругъ глухо что-то загрохотало. Дикіе понеслись оттуда крики и топоты. Въ окнахъ замаячили смутные отсвѣты и огни... А свисты, хохоты неслись и неслись..

Гедеоновъ, прислушиваясь, захохоталъ и самъ—долго и протяжно, острымъ тряся, загнутымъ клиномъ бороды. Захохотали по ветламъ и совы.

Изъ-за поднявшихся на дыбы черныхъ купъ, опрокинутыхъ въ озерѣ, красная выглянула остророгая луна на ущербѣ. Свѣтъ ея, жуткій и неживой упалъ на горбатый носъ Гедеонова, на покатый его узкій лобъ и рыжіе волосы.

Въ красномъ свѣтѣ ущербной луны хохоталъ Гедеоновъ безотрывно, чѣмъ дальше, тѣмъ громче, раскатистѣй. Плечи его колыхались отъ гнуснаго, ехиднаго, кровожаднаго хохота. Жутокъ былъ этотъ хохотъ, и жестокъ, какъ ласка палача.

— Ей Богу, а вѣдь мы съ тобой какіе-же преступники?..—гнусилъ онъ:—Только сболтнешь другой разъ лишнее. Въ церкви то вонъ какъ запузыриваютъ черти!.. Завидно, ей Богу.

— Все?—подступилъ вдругъ къ нему Крутогоровъ.

Гедеоновъ, насторожившись, дернулъ кривой, въ звонкой шпорѣ ногой, вытянулъ впередъ качающуюся голову:

— Нѣтъ не все.

Притаились ветлы. Сразу какъ то умолкли совы. Тишина перемѣшивалась съ сумракомъ. Подкрадывалась къ сердцу.

— Я русскій человѣкъ, хоть мать моя и нѣмка... — подбѣжавъ вдругъ къ Крутогорову, схватилъ его за руки Гедеоновъ:—Вѣдь я вотъ генералъ... Жидка какого-нибудь я и близко не подпустилъ бы! А съ тобою вотъ за панибрата... Потому, что русскій ты... Самородокъ, можно сказать!.. Хоть ты и хлыстъ... Такъ вотъ, я хотѣлъ сказать... Хорошо бы открыть б... — въ церкви то! Раденіе, такъ сказать... Ты туда духинь своихъ приведешь... Хлыстовокъ то... И эту... какъ ее... Людмилку... Собирать дѣвчушекъ, да кровушку изъ нихъ, по капелькѣ хоть, и пить... Вѣдь тебѣ-то надѣюсь, какъ самородку, по плечу кровушка то?.. Это разнымъ тамъ сволочамъ не по плечу.

Протяжно и сладко вздохнулъ Гедеоновъ.

— Зна-ю, что ты и ска-жешь... Ну, да что-жъ дѣлать...

Но Крутогоровъ молчалъ.

А Гедеоновъ былъ самъ не свой. Голова его дергалась то вправо, то влѣво. Руки тряслись.

— Что? Что?—маялся онъ:—очень нужно! Въ каждомъ — огонь священный... Всѣ поэты!.. Всѣ вдохновенны!.. До послѣдняго идіота... Думаете, одни вы чисты сердцемъ?.. Только вамъ открыта красота?.. Всѣмъ!.. Всѣ тайновидцы и пророки!.. Нѣтъ нищихъ духомъ... Мы не нищіе духомъ, а

хранители духа... А вы торгаши духа!.. Думаешь, я не постигаю красоты міра?.. Да я молчу объ этомъ!.. Я великъ, а молчу, мать бы...

Вобралъ голову въ плечи. Отскочилъ отъ Крутогорова къ паперти.

— А Людмилку я давно бы отбилъ у тебя, да вѣдь какъ я помирюсь, что она была твоя?..

Крутогоровъ, спускаясь внизъ, отъ церкви къ озеру, все также молчалъ.

— Да. Ужъ видно весь я въ тлѣнѣ и смрадѣ... — гулко гнусилъ ему вслѣдъ Гедеоновъ:— Растерзать меня надо... Такъ и быть. Приготовлюсь. Выпью чашу сію... А пока—попьюсь кровушки... Солененькой... Горячей... Кр-ровушка-матушка!.. Ахъ вы мои дѣвчушечки голопузенькія!..

Отомкнулъ тяжелый, зловѣше гремѣвшій замокъ. Вошелъ въ притворъ, закрывъ за собою дверь наглухо.

Изъ подъ подземныхъ сводовъ, не переставая, глухіе неслись топоты, свисты, гики. Крутогоровъ молчалъ, опустивъ голову. Больно и тяжко билось озеро подъ обрывомъ. Въ саду черный вѣтеръ, взрывъ глубокія вершины, поднималъ шумъ и раздувалъ звѣзды...

III.

Какъ-то такъ вышло, что незнакомка съ лицомъ, завернутымъ въ покрывало, въ паркѣ, подкарауливъ Гедеонова, съ размаху пырнула ему ножомъ въ брюхо, да и скрылась

Гедеоновъ упалъ. Отъ страха чуть не отдалъ

Богу душу. Но, окровавленный, все-же приползъ въ дворецъ на коряченькахъ.

Въ домѣ, гости, ахая и убиваясь, перевязали ему рану и уложили его въ постель. Съ усиленно удрученными и старательно заплаканными лицами вздыхали горько, подперевъ щеки, подхалимы:

— Не пощадили, злодѣи... Гдѣ-же справедливость?.. На отца своего дерзнули!..

Отойдя-же къ двери, ворчали вполголоса:

— Живъ остался, подлецъ... О, чтобъ его черти ободрали!..

А иные, чтобъ отличиться, осторожно, шепоткомъ совѣтывали на ухо Гедеонову немедля-же взяться за розыски злодѣевъ. Но Гедеоновъ молчалъ. Только сжималъ кулаки да желтыми скрипѣлъ, гнилыми зубами.

Черезъ недѣлю рана зажила. Какъ будто ничего и не было. Казалось, незачто было мстить, да и некому. Но забрело Гедеонову въ голову, что незнакомку подкупилъ Крутогоровъ съ мужиками.

Въ подворье согнаны были черкесами селяки.

— Ага! Сволочи, мать-бы...—крутился и брызгалъ слюной передъ ними разсвирѣпѣвшій помѣщикъ:

— Заговоръ?.. Мятежъ?.. Сотру въ порошокъ! Законопачу! Загоню дальше солнца!.. Говорите, гдѣ эта шкуреха?.. Людмилка-то?.. Чтобъ сейчасъ была мнѣ представлена!.. Чтобъ сейчасъ, мать-бы... А не то — позакатаю!.. И... Крутогоровъ этотъ...

Но мужики, глядя въ землю и откашливаясь, мяли въ рукахъ шапки понуро.

— Нешто мы знаемъ?..

— Чтобъ сейчасъ!.. Шкуреху, и Крутогорова этого самаго... Ну! Маршъ!—командовалъ Гедеоновъ.

Вдругъ изъ толпы мужиковъ юркая вынырнула, суглобая попадья съ блѣдными щеками и синими кругами у глазъ. Повела густыми, черными бровями, вскинутыми, словно крылья. Топнула ногой, глядя исподлобья на Гедеонова:

Это я была! Ну? Я буду и отвѣтъ держать.

— Варвара...—шарахнулись мужики:—О, Господи!.. Чертъ съ младенцемъ... Связались жа!

Гедеоновъ, пряча глаза, остолбенѣлый, звенѣлъ шпорами. Мычалъ, мотаясь по подворью:

— М...м... И ножемъ, значитъ... М-меня?..

— И ножомъ значитъ:—развела Варвара руками:—А то какъ же?..

— За что, мать бы... — гремѣлъ шашкой и ежился Гедеоновъ:—Ахъ ты стерва!..

— За то...—подступила Варвара къ балкону, стуча себѣ въ грудь: — Кровь мою кто пилъ?.. Ты?.. А въ церкви подъ алтаремъ шабашитъ по ночамъ—кто?.. А невѣсты отчего сходятъ съ ума?.. Кто ихъ безчеститъ?.. Ты?.. Ты-ы?..—хрипѣла она:—Бери меня въ острогъ!... Ну! Бери! Вѣшай меня! Бей!

Гедеоновъ, ошеломленный, опрокинутый, крутясь и сжимая кулаки, шмыгнулъ за стеклянную дверь дворца. Тонкій долеталъ оттуда до толпы гнусавый голосъ его:

— Въ гробъ уйду, а не забуду стервѣ! Законопачу! Загоню дальше солнца, мать бы...

Мужики трясли бородами свирѣпо. Гулко, норовя, чтобъ услышали гости и челядь, лаялись:

— Рвань... Костоглотъ, сукинъ сынъ!.. Кровопивецъ!.. А еще генераломъ прозывается...

И окруживъ Варвару, пытали ее міромъ:

— Такъ, значитъ, шабашитъ?.. Подъ церковью то?...

— Шабашитъ, милые...—крутила головой попадья зловѣще и загадочно: —Шабашитъ, врагъ.

Но мужики знали и безъ нея, что шабашитъ.

Гедеоновъ — князь тьмы. Древнія сбылись, сѣдыя пророчества. Мать Гедеонова—тайная дочь царевны, и жида-нехристя. И зачатъ былъ ею сынъ ея отъ демона, летавшаго по ночамъ и дѣлившаго съ ней ложе черной, запретной любви.

Потому-то Гедеоновъ и колдовалъ на огнѣ и мракѣ, справляя шабаши, то въ монастыряхъ, то на кладбищахъ...

Въ молодости Гедеоновъ каверзничалъ и шабашилъ на міру. Открыто покупалъ въ Петербургѣ актершъ, публичныхъ дѣвокъ, курсистокъ, молодыхъ женъ чиновниковъ, бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ полночь везъ ихъ на кладбище. И тамъ, раздѣвъ до нага, мучилъ на могильныхъ плитахъ...

Монаховъ, сторожей и городовыхъ приходилось подкупать.

— За деньги — все можно купить — говаривалъ Гедеоновъ.

И дрожалъ, точно въ лихорадкѣ, заслышавъ звонъ золота...

Но надоѣдала любовь продажная. Да и жаль было денегъ. И Гедеоновъ местью, угрозами, звѣриной своей красотой бралъ великосвѣтскихъ красавицъ. Въ любви ему везло, какъ дьяволу. Княгиня Турчанская изъ-за него бросила даже мужа.

А все же, не забывалъ Гедеоновъ и дѣвочекъ. Пилъ кровушку.

Дѣдъ его, прознавъ про какую-то черезчуръ ужъ жуткую каверзу съ дѣвочками, отрекся отъ него. Отреклась и мать.

Отобраны были у Гедеонова дѣдовскіе особняки, фабрики, имѣнія, заводы. Мать оставила ему одно только Знаменское.

— Подковалъ меня старый чертъ, мать бы...— изливалъ душу Гедеоновъ единственному другу своему, Офросимову:—Безъ денегъ — какая это къ черту жизнь?.. Ни тебѣ дѣвчушекъ купить, ни тебѣ заграницу поѣхать... Зарѣзъ! Зарѣзъ.

Утѣшалъ его Офросимовъ. Но онъ, дрожа и крутясь, екоталъ люто:

— Де-нежки-и!.. Деньжу-шечки!.. Гдѣ теперь мнѣ достать ихъ?.. А ужъ и докажу-жъ я старому черту, коли достану денегъ... Докажу!..

Дѣлать было нечего. Удалившись въ Знаменское, жилъ въ дворцѣ Гедеоновъ одинъ-одинешенекъ. Копилъ месть всѣмъ и всему. Ждалъ молча смерти дѣда и матери. Боясь отравы да убійства, не выходилъ изъ дворца. Изрѣдка только въ ясныя ночи подымался на башню, откуда слѣдилъ въ телеокопъ за движеньемъ свѣтилъ, дѣлая какія то вычисленія. Ибо Гедеоновъ не чуждъ былъ наукѣ. Книга его „Проблемма мірозданія“ даже вызвала шумъ въ ученомъ мірѣ, какъ бахвалился самъ помѣщикъ...

Какъ-то ранней осенью, когда исходившее послѣднимъ свѣтомъ солнце обливало сады, подобные золотой сказкѣ и вышитый серебромъ рѣкъ бархатъ чернозема, Офросимовъ, проѣздомъ за границу, завернулъ въ Знаменское навѣстить

друга, а то и взять его съ собой попутешествовать въ дальніе края.

Обрадовался Гедеоновъ другу.

Но, узнавъ, что съ Офросимовымъ деньги, странной задрожалъ дрожью...

— Ой, де-нежки!—теръ онъ уже лихорадочно руки:—Жди того наслѣдства, мать бы...

Не могъ дышать ровно. Дождавшись вечера, потащилъ друга на прогулку.

За скрытыми черноклеиомъ бесѣдками, въ саду, подъ непроходимыми рядами жасмина, вдругъ, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ Офросимова.

Упалъ тотъ навзничь. Безнадежно раскинулъ руки. И умирающіе, помутнѣлые глаза его долгимъ уставились на Гедеонова упорнымъ взглядомъ... Непереносимо-страшенъ былъ этотъ взглядъ. Міръ содрогнулся бы отъ него... Гедеоновъ же только отвернулъ острое, перекошенное лицо. И чтобы скорѣй прикончить друга, хляснулъ его дуломъ револьвера но темени. Сѣрые мозги, перемѣшанные съ кровью, брызнули по травѣ...

Въ саду вырылъ Гедеоновъ тайкомъ яму. Закопалъ трупъ друга. Въ спѣшкѣ забылъ даже взять деньги.

Передъ разсвѣтомъ уже, преслѣдуемый странными голосами и призраками, вспомнилъ, что вѣдь деньги-то остались... Но откапывать трупъ было поздно. Впору было только заметать слѣды убійства...

Слѣды Гедеоновъ замелъ. Но его точило. Напрасно искалъ онъ, какъ бы избавить себя отъ пытокъ, странныхъ голосовъ, привидѣній и вѣщихъ знаковъ кары...

Поставилъ часовню съ неугасимой лампадой на могилѣ друга. Въ навьи проводы тайкомъ закопалъ крестъ. Но не помогло. Умирающіе, непостижно-страшные глаза преслѣдовали его и пытали лютой пыткой...

— Выстрою-ка церковь на крови... — надумалъ Гедеоновъ:—Говорятъ, помогаетъ...

И закипѣла работа...

Изъ подъ разобранной часовни, каменщики нечаянно, закладывая фундаментъ, вырыли полусгнившій трупъ Офросимова, изъѣденный червями и подземными гадами. Въ страхѣ разбѣжались рабочіе...

А Гедеоновъ, ощупавъ гнойный, зловонный трупъ, досталъ изъ подъ шелковаго жилета толстый кожаный бумажникъ. Подсчиталъ деньги— десять тысячъ. И обрадовавшись, что на постройку церкви какъ разъ хватитъ, зарылъ трупъ тамъ же. Каменщикамъ же строго на строго заказалъ шалтать о трупѣ.

— Это — утопленникъ... —твердилъ онъ перепуганнымъ рабочимъ: — Въ озерѣ утонулъ... Ну, а какъ утопленниковъ хоронить на кладбищѣ запрещено—его тутъ и схоронили...

Каменщики подмагивали:

— Какъ же они подъ комплицу его засунули то: Чудно что то...

— Не поймутъ, дураки! — кипятился Гедеоновъ—Часовня послѣ была поставлена, мать бы его...

Выстроили церковь. Освятили.

Но не помогла и она Гедеонову. Призракъ съ жуткимъ непереносимымъ взглядомъ неотступно ходилъ за нимъ и пыталъ люто.

Прослышалъ Гедеоновъ про злыдотниковъ,

пророковъ зла. Переодѣвшись странникомъ, пошелъ тайкомъ къ нимъ въ лѣсныя ихъ кельи. Но злыдотники велѣли не залѣчивать язвы духа, а растравлять ихъ.

— Нѣ-тъ, это не дѣло...—стискивалъ Гедеоновъ зубы, уходя отъ злыдоты:— Клинъ надо вышибать клиномъ...

Тогда же злыдотники по доносу Гедеонова высланы были въ Сибирь, а кельи ихъ заколочены. Самъ же Гедеоновъ уѣхалъ опять въ Петербургъ шабашить по старому, по бывалому. Но теперь уже скрыто и тайно.

Было открыто „общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“. Гедеоновъ, собирая на улицѣ приглянувшихся ему бездомныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, везъ ихъ къ себѣ въ домъ... И тамъ насиловалъ ихъ. А послѣ, строго-на-строго запретивъ имъ говорить, гдѣ были и что съ ними дѣлали, отпускалъ.

— Клинъ надо вышибать клиномъ!—скрежеталъ зубами Гедеоновъ, дрожа и сжимаясь.

Узнавшій о его пріѣздѣ дѣдъ-вельможа, боясь мести, смѣнилъ гнѣвъ на милость и пригласилъ внука къ себѣ въ дворецъ.

Но Гедеоновъ не очень-то шелъ къ дѣду. Только разъ какъ-то нечаянно залучилъ въ особнякъ къ нему съ молчаливой, странной какой-то дѣвочкой.

Старикъ-вельможа, больной и дряхлый, лежалъ уже въ постели. Приходъ внука его очень обрадовалъ.

— П... По-цѣлуемся...—шепталъ больной, подставляя Гедеонову посинѣлыя, полумертвыя губы:—Прощаю все... Прости и ты.. .Ради Бога...—молилъ онъ внука.

Но тотъ, не глядя на старика,—выслалъ сидѣлку и затворилъ въ спальню дверь.

— П... про-щаю...—бормоталъ вельможа.—Прости-ии ты... А?..

— Ага... старый хрычъ... — прошипѣлъ Гедеоновъ, задыхаясь.

Молча раздѣлъ передъ глазами больного дѣвочку до нага. Завязалъ ей платкомъ ротъ. Надрѣзалъ сосцы.

— Кр-ро-о-вушка!—хохоталъ Гедеоновъ, костлявыми стискивая, длинными пальцами хрупкое тѣльце глухо стонущей и бьющейся дѣвочки:— Ой, кро-овушка-матушка!.. Ахъ, дѣвчушечка жъ ты моя голопузенькая!..

Впившись, какъ пьявка, въ грудь дѣвочки, горячую сосалъ изъ нея, горькосоленую, обильнольющуюся густую кровь. Пилъ жадными глотками. Нылъ:

— Кровушка... Кровушка.

Разбитый параличемъ старикъ, вперивъ остановившіеся, расширенные, побѣлѣвшіе глаза въ Гедеонова, непонятное что-то промычалъ. Шевельнулъ чуть замѣтно синими непослушными губами, да такъ и застылъ...

Вытеръ Гедеоновъ залитыя кровью губы. Подошелъ къ дѣду. И зеленые острые глаза его налились сукровицей...

— Я-я т-тебѣ покажу, какъ нравственность наводить...—екнулъ онъ, трясясь и брызгая ядовитой слюной.

Схватилъ старика за горло внезапно и емко, какъ удавъ. Понатужившись и грузно навалившись на него грудью, безпощадно, точно обвалившійся камень, придавилъ его, онѣмѣ-

лаго, синяго, увидѣвшаго свой конецъ, къ стѣнѣ...

Руки Гедеонова были крѣпки, какъ желѣзо.

Сгорѣлъ старикъ. Тѣло его, посинѣлое и закостенѣвшее, скомканной валялось на постели, поломанной грудой подъ шелковымъ одѣяломъ...

Гедеоновъ поднялъ съ ковра нагую, окровавленную, тяжко и глухо стонавшую дѣвочку. Одѣлъ ее, обезсиленную, нѣмую. Вышелъ съ нею молчаливо и безшумно изъ спальни черезъ ряды раззолоченныхъ комнатъ на улицу. И, усѣвшись въ ожидавшій его у подъѣзда закрытый безшумный автомобиль, укатилъ глухими переулками въ загородный вертепъ...

Ночью у высокаго цинковаго, отдѣланнаго подъ золото гроба шла панихида. Гедеоновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, суетился уже у гроба, разставлялъ свѣчи. Хлопоталъ около вельможъ, сослуживцевъ дѣда, пріѣхавшихъ отдать послѣдній долгъ... Утѣшалъ убивающуюся мать свою—дочь вельможи.

Три дня и три ночи Гедеоновъ, при зажженныхъ свѣчахъ самолично читалъ у гроба дѣда псалтирь... Только изрѣдка чтеніе прерывалось чуть слышнымъ, тонкимъ хохотомъ, страннымъ и глухимъ:

— Ха-а... ха... Клинъ надо вышибать... клиномъ...

За защиту дѣтей отъ жестокаго обращенія Гедеонову дали званіе камергера.

IV.

Темно и тревожно расползались по Петербургу слухи о камергерѣ-дѣторастлителѣ.

Наряжено было тайное слѣдствіе. Но изъ этого ничего не вышло. Гедеоновъ замелъ слѣды. Самъ же уѣхалъ за границу.

Годъ Гедеоновъ, веселясь, провелъ въ заморскихъ странахъ.

Въ какомъ-то чужестранномъ городѣ встрѣтилъ онъ красавицу-землячку. Влюбился въ нее. А она—въ него.

Влюбленные, обручившись, уѣхали въ Россію, въ Знаменское — вѣнчаться. Гедеоновъ спѣшилъ съ свадьбой, такъ какъ ему нужно было гдѣ-то, кому-то доказать, что и онъ чтитъ святость брака и вѣритъ въ Бога...

Былъ заданъ въ Знаменскомъ свадебный пиръ. Съ сумерокъ, надъ озеромъ, въ саду зажигались разноцвѣтные китайскіе фонари. Огненнымъ взвивались ключемъ ракеты.

Гедеоновъ на хрустальномъ балконѣ розоваго китайскаго домика, обрызгиваемаго свѣтлыми фонтанами, передъ невѣстой своей, одѣтой въ голубой и бѣлый шелка, мечтательно и томно раскинувшейся въ креслѣ блѣдной дѣвушкой опустившись на колѣни, цѣловалъ ей ноги больно и сладко:

— Ой, сладость моя!.. Не утолю любви я. Не утолю!..

Въ голубомъ странномъ свѣтѣ фонарей и выглянувшей изъ-за каштановъ полной луны, словно кукла, дрожала и вскрикивала дѣвушка, лукаво-испуганные вытаращивъ на Гедеонова, шальные глаза. Но что-то не дѣвичье, много-извѣдавшее было въ улыбкѣ губъ ея. Страстно и гибко разметавъ ноги, руки, свѣтлокудрую откинувъ назадъ голову и выставивъ юную, тугую, какъ мячъ,

грудь, глядѣвшую изъ-подъ тонкаго шелка острыми сосцами врозь—дразнила дѣвушка собой сгоравшаго отъ похоти Гедеонова. Пьянымъ глядѣла на него, безстыднымъ взглядомъ. Улыбалась томно-дерзко. Медленно и протяжно вздыхала:

— Охъ, скоро ли!..

А Гедеоновъ обхватывалъ ее поперекъ длинными костлявыми руками. Точно переломить ее хотѣлъ. Худой прижимаясь, шаршавой щекой къ ея блѣдной нѣжной щекѣ, рычалъ изступленно:

— Съѣмъ!.. Съѣмъ!.. Наслажденіе ты мое!.. Ог-г...

Сжималъ дѣвушку, такъ что та задыхалась и стонала отъ боли. Бралъ ея полудѣтскую кукольную головку трясущимися руками. Къ тонкимъ подводилъ, кривымъ губамъ. Цѣловалъ до крови, прикусывая губы и дрожа. Шепталъ задыхаясь:

— Не вытерплю... Не утолю любви! Какъ вспомню, что голенькой... тебя буду держать... дѣвственницу... такъ духъ и захватитъ!.. Никто-то тебя не видѣлъ еще голенькой... А я буду держать и... Сладость моя!..

Мялъ ее остервенѣло. Теръ въ рукахъ. Но она. измученная, не отбивалась. Только стонала:

Перестань... ахъ Господи... Перестань, больно...

Да не переставалъ Гедеоновъ, и ломалъ тонкіе ея дѣтскіе пальцы. И цѣловалъ кровожадно, словно звѣрь. Сладкую сосалъ, разжигающую кровь ея изъ красныхъ прокусанныхъ губъ... Только когда уже сестра невѣсты, услышавъ стоны, прибѣжала на хрустальный балконъ—Гедеоновъ утихъ съ безжалостными своими ласками. И взявъ на руки невѣсту, сошелъ съ нею къ озеру.

Изъ верхняго сада музыка лилась. Вѣтеръ ка-

чалъ шапки каштановъ, обливаемыя синимъ огнемъ луны.

Въ лодкѣ, подплывъ подъ черное крыло каштана, цѣловалъ Гедеоновъ, мучилъ дѣвушку ненасытимо. А та стонала, блѣдная и измятая...

Въ дворцѣ пылали огни. Гремѣла музыка. Страстно и влюбленно перешептывались увядающія осеннія травы и цвѣты, разливая пьяные ароматы и росы. Хороводы горячихъ бредящихъ женщинъ носились, словно одержимые, въ огненной языческой пляскѣ по дорожкамъ...

Въ церкви, подъ вѣнцомъ, всенародно Гедеоновъ, упавъ на колѣни передъ невѣстой, убранной въ свѣтлый шелкъ и алмазы, цѣловалъ подолъ ея платья. Вскрикивалъ яростно:

— Сладость ты моя!.. Вотъ когда утолю я любовь!..

Въ дворцѣ ночь напролетъ пиршествовали и веселились гости. Гедеоновъ и невѣста ликующіе, слегка утомленные, вскруженные плясками и виномъ, съ горячими, затуманенными страстью глазами, сыпали улыбки, радость, искристый, звонкій смѣхъ.

Передъ разсвѣтомъ молодыхъ проводили въ розовый китайскій домикъ.

Два-три смѣльчака, пробравшись тайкомъ черезъ хрустальный балконъ въ верхній этажъ домика, подслушивали припавшими къ полу ушами за Гедеоновымъ...

Съ часъ было тихо. Какъ вдругъ, внизу, въ спальнѣ что-то зашумѣло, оборвалось. Раздались хрипы и стоны...

Перепугавшіеся смѣльчаки, подхватившись, кинулись черезъ балконъ внизъ, въ цвѣтникъ. А

тамъ уже метался выскочившій изъ окна въ садъ въ одной рубашкѣ, обезумѣвшій Гедеоновъ. Глухо шипѣлъ, корчась около фантановъ, словно передавленный колесомъ гадъ:

— Про-бу!.. Объегорили!.. Околпачили!.. Подержанную дѣвченку всучили... Въ дамки, сволочь, прошла... И это въ семнадцать лѣтъ!..

Въ отцвѣтавшемъ саду, полномъ странныхъ шумовъ и осенняго бреда, взвивались ракеты. И музыка неистовствовала. Жутко маячилъ на горѣ, при свѣтѣ зари, залитый огнями дворецъ. А у фантановъ, свирѣпо рыча, метался дикимъ звѣремъ, полуголый скрипѣлъ зубами Гедеоновъ.

Свадьбу все-таки доиграли. Гедеоновъ назавтра о томъ, что его объегорили, молчалъ, точно въ ротъ воды набравши. А смѣльчаки боялись разсказывать.

Но скоро молодая захирѣла.

Ее Гедеоновъ мучилъ каждоночно, допытываясь, кому она отдала дѣвственность? Упорно молчала истерзанная, разбитая женщина.

Не прошло и полгода, какъ она отдала Богу душу. И никому не вдомекъ было, что ее доконалъ Гедеоновъ. Вѣдь онъ такъ горевалъ и убивался по ней!

Но горевалъ и убивался Гедеоновъ не по женѣ. А оттого, что его объегорили. Всучили ему въ жены подержанную дѣвченку.

— Не потер-плю-у обиды!—рвалъ онъ на себѣ волосы:—Вознагражу себя!..

Кусалъ себѣ руки и дикимъ стоналъ, свирѣпымъ стономъ...

Въ алтарѣ Знаменской церкви, подъ престоломъ выкопалъ Гедеоновъ пещеру, сдѣлавъ кры-

тый ходъ съ клироса. Перенесъ туда чудотворный престольный образъ. Двѣнадцать неугасимыхъ лампадъ возжегъ передъ нимъ...

Мужики только диву давались: притихъ Гедеоновъ, пропалъ гдѣ-то, словно его и не было.

А онъ въ подпрестольной жилъ кельѣ.

Старый попъ, обрадовавшись, что Гедеонова, безбожника и святотатца, осѣнила благодать, отслужилъ благодарственный молебенъ. Мѣсто же, гдѣ жилъ Гедеоновъ, назвалъ: святая святыхъ.

Туда опускались на поклонъ только больные, за чудомъ.

Также опускались въ подпрестольную келью къ чудотворному образу изъ подъ вѣнца невѣсты, за благословеніемъ.

И однѣ. Благодати больше.

Только красивыя невѣсты выходили оттуда смертельно блѣдными, шатающимися и разбитыми...

V.

За старымъ запущеннымъ садомъ, раскинувшимся вокругъ бѣлой каменной церкви, надъ крутосклономъ низкая хилилась, крапивой заросшая и бурьяномъ, хата. Въ окнахъ ея желтыя цвѣли анютины глазки. А стекла были выбиты.

Въ Знаменскомъ велось такъ ужъ съиздавна. Каждая хата была низка, коса, а въ окнахъ были выбиты стекла. Ничѣмъ одну хату отъ другой нельзя было огличить. Но хату стараго попа Сладкогласова можно было отличить тѣмъ, что въ окнахъ ея вѣчно цвѣли анютины глазки, а

около воротъ постоянно вертѣлась шустрая, жеглая, мутноокая Варвара, что наводила на все Знаменское страхоту своими заговорами, нашептами и приворотами. Варвара была пріемышъ попа.

На зиму уѣзжала она учиться въ епархіальное.

Но какъ только расцвѣтало красное лѣто и Варвара, вернувшись въ Знаменское, бралась за свое—мужиковъ, а особенно бабъ опять жуть охватывала. Томила смертнымъ томленіемъ.

Когда же какая-нибудь напасть или приклюка вваливалась во дворъ, волей-неволей приходилось идти къ суглубой молоденькой ворожеѣ. Варвара, будто бы, зналась съ нечистью и по ея напущенію черти бѣдокурили среди мужиковъ. Мужики просили ее избавить ихъ отъ бѣдъ и напастей.

А она закатывалась низкимъ недѣвичьимъ смѣхомъ... Строго и мутно глядя въ глаза мужикамъ, наливала краснаго вина въ чарку и отламывала ломоть хлѣба. Дула и плевала подъ ноги. Давала мужикамъ хлѣба съ виномъ.

— Ѣшь тѣло... Пей кровь!..—строго шептала она, низко и жутко.

Все шире и шире, все дальше и дальше толки расползались по округѣ и пересуды, будто поповна заставляетъ мужиковъ ѣсть тѣло и пить кровь Іисуса Христа. Наводитъ на селяковъ жуть и страхоту. Насылаетъ напасти, порчи, приклюки, болѣзни, глады и моры.

Кабы не призналась Варвара, что сномъ-духомъ не знаетъ про колдовство и порчи, а вовсе—отводитъ отъ мужиковъ бѣды отговоромъ на хлѣбѣ и винѣ, подходомъ, выливомъ и заломомъ—громада разнесла бы ее. И костей не оставила бы.

Бѣдокурилъ, стало быть, Гедеоновъ. Недаромъ же прошла слушка, что онъ отмаливаетъ грѣхи въ подпрестольной кельѣ. Наколдуетъ, да и отмаливаетъ...

Въ бурю деревья въ его саду, шла слушка, не качались. На посѣвы его не падалъ градъ. Огонь не бралъ лѣсовъ, гуменъ и дворца Гедеонова. Ему покорялись тучи, огонь и бури. И служило солнце.

Гедеоновъ хотѣлъ—звалъ холодъ. Хотѣлъ—жару̀. Заговаривалъ дождь и росу, отчего травы засыхали, вяли цвѣты и хлѣба. Накликалъ и укрощалъ ураганы, вихри, водовороты. Завидѣвъ чертову крутню — метель,—бросалъ въ нее ножъ. Вихорь пропадалъ, а на ножѣ оставалась кровь зарѣзаннаго черта...

Въ полночь выходилъ Гедеоновъ на озеро. Вызвавши Водяного, заводилъ съ нимъ разговоръ и бралъ ключи отъ пекла

Также улеталъ Гедеоновъ съ вѣдьмами на тысячелѣтній дубъ. На вѣдьмовскомъ шабашѣ бѣды мужикамъ стряпалъ. Бѣдъ этихъ было столько, что и не перечесть...

Какъ мужики не догадались объ этомъ раньше? Все нашепты эти да наговоры понапутали. Сколько было шептунихъ на Руси, а не слыхивано, чтобъ на хлѣбѣ и винѣ шептали. Ну, и пошло, будто ѣстъ тѣло и пьетъ кровь Іисуса Христа поповна, да и мужиковъ заставляетъ.

Отводить-то бѣды наговорами Варвара и отводила. А только не спроста. Можетъ, Гедеоновъ надумалъ какую-нибудь каверзу на мужиковъ. Вотъ и научилъ поповну отговорамъ. Темно все и путано. Врагъ ли Варвара или другъ мужикамъ?..

Хорошенько-то ее никто и не знаетъ. На народъ она не показывалась.

Жутко было ея лицо. Не лицо, а смерть. Щеки блѣдны. Извилистыя, сомкнутыя плотно губы тонки и строги. Взглядъ подъ черными крылатыми бровями суглубъ и мутенъ.

Въ глаза поповна никому никогда не глядѣла. И никто не зналъ, какіе у ней глаза. Чуялось только, что мутны они, и черны, какъ туча, и остры. Въ зрачкахъ ея, будто бы, люди и звѣри отражались вверхъ ногами. Знакъ, что она вѣдьма и продана дьяволу...

Будто и веселилась Варвара. Носилась, какъ жесть, изъ дому въ лѣсъ, изъ лѣсу въ домъ. Низкимъ хохотала недѣвичьимъ смѣхомъ... Пѣла мужицкія пѣсни... А все-таки жутко печальное было въ ней что-то и зловѣщее.

То лютая на нее находила грусть. То смерть сердце вѣщувало. Обставляла она себя иконами, крестами. Окуривалась ладаномъ. Загадочныя твердила молитвы...

А то охватывала вдругъ Варвару ненависть. Кляла она мужиковъ. Божилась, что кабы власть да сила—поперѣцала бы ихъ всѣхъ...

Когда старый попъ Сладкогласовъ умеръ, къ Варварѣ прислали молодого бурсака. Михайло долженъ былъ занять мѣсто Сладкогласова.

Вѣнчали Михайло и Варвару въ Знаменской церкви пріѣзжіе попы. Вѣнчали вечеромъ.

Изъ-подъ вѣнца, радостная, трепетная спустилась по каменнымъ ступенямъ Варвара въ глубокую, душную, двѣнадцатью зелеными лампадами освѣщенную, келью. Упала передъ чудотворнымъ образомъ ницъ...

А къ ней, вдругъ, выскочивъ изъ за перегородки, олютѣлый подбѣжалъ Гедеоновъ. Опрокинулъ ее, ошеломленную, жутко молчавшую. И, трясущейся навалившись на нее, задыхающейся грудью, заткнулъ ей ротъ платкомъ. Скрутилъ ее ѣдкими, крѣпкими и тяжелыми, какъ желѣзо, руками. Сжегъ.

Въ черной и смрадной пыткѣ раздавленная лежала Варвара, не шевелясь, слыша только, какъ горячая захлестнула ее, жгучая, какъ варъ, волна стыда и срама...

По голымъ ея ногамъ, по всему открытому беззащитному тѣлу холодныя скользили, костлявыя руки. Мацали ее... Жгли, словно раскаленное желѣзо...

Все закрутилось у Варвары... Искрометнымъ колесомъ пошло... Огненный мечъ пересѣкъ ее пополамъ... Но и острое далъ, крѣпкое, какъ ядъ, наслажденіе...

Въ жгучемъ, кровавомъ огнѣ подняла она мутные косые глаза свои, черные, какъ туча. Широко раскрыла вѣки. Узнала въ чудищѣ, мучившемъ ее—Гедеонова...

И вдругъ, захохотавъ зловѣще и дико, стиснула зубы... Обхватила гибкими молодыми руками, обвила собой трясущагося Гедеонова, какъ лоза... Черная сладострастная колдунья разгадала князя тьмы...

Передъ темнымъ образомъ горѣли кровавымъ, жуткимъ зеленымъ свѣтомъ двѣнадцать лампадъ..

VI.

Ни много, ни мало, десять лѣтъ шабашилъ такъ Гедеоновъ, наѣзжая на лѣто изъ Петербурга, въ подпрестольной кельѣ.

Селяки, прознавъ про гедеоновскія каверзы, унесли чудотворный образъ въ лѣсной скитъ. Въ церковь же перестали ходить.

А это то Гедеонову и нужно было Зато, что ему всучили въ жены подержанную дѣвченку— онъ себя вознаградилъ. Невѣстъ - дѣвственницъ ему уже не нужно было. Шабашить любо было съ гулящими дѣвками.

И Гедеоновъ шабашилъ по ночамъ. Ключъ отъ подпрестольной кельи всегда былъ у него. Да и днемъ Гедеоновъ все чистилъ что-то съ дѣвками въ церкви и мылъ... Попъ Михайло боялся его, какъ огня, и не устревалъ. А можетъ, попу и не вдомекъ было...

Только селяки дозоляли Гедеонову. Въ глаза звали его гадомъ, кровопійцей и живоглотомъ. Справили бы его и въ Сибирь. Но при Дворѣ у него была рука. И начальство все таки боялось трогать генерала, хоть и шла про него жуткая молва..

Копилъ Гедеоновъ, копилъ кровавую месть на мужиковъ... Но молча ждалъ до поры. до времени.

Черная подошла гроза. То здѣсь, то тамъ, словно волны разгнѣваннаго чернобуруннаго моря, вахлатые и обомшалые мужики подымались. Глухо и жадно, въ смертельной къ вѣковымъ обидчикамъ ненависти, ночныя бросали въ небо зарева огня. И пылали высокія скирды хлѣбовъ надъ осенними полями, какъ зловѣщія свѣчи надъ гробомъ...

Гедеоновъ, самъ того не вѣдая, насытилъ лютую свою, годами копленную месть. Рѣками крови насытилъ..

Въ молчаливомъ, багровомъ ураганѣ вставала

Русь. Погорала на нескончаемомъ огнѣ обиды и гнѣва. Вѣщіе, роковые клики звали ее на кровь. И кровь лилась рѣками...

Передъ кликомъ свободы —былъ кликъ мертваго ужаса. И Русь, закрывъ глаза, какъ зачарованная шла отъ смертельной тишины въ бездну, въ войну,—не все ли равно! Но то не война была съ бѣднымъ правдой и душой, но хитрымъ, кровожаднымъ и вѣроломнымъ татемъ—Японіей. Нѣтъ! то боль была неугасимая, боль тишины смертной, и всепопаляющая тоска...

Кощунственно поднявъ знамя Восходящаго Солнца, пыталъ тать Русь, сожигая сыновъ ея отравленнымъ свинцомъ. Въ ночи люто подкрадывался и вѣроломно къ уже сраженнымъ, къ раненнымъ и безоружнымъ. И одна ужасающая бойня смѣняла другую ужасающую бойню...

Русь. Родина! Неужели же ты простишь все это? И отравленный свинецъ, и бойни раненыхъ, и смертельную, кровавую обиду?.. Неужели сердце твое не полно неукротимой, вѣчной ненавистью, зловѣщимъ, навѣки ненарушимымъ обѣтомъ мести?!

Запомни, Русь, Родина! Запомни! Отомсти Японіи.

Полмилліона растерзанныхъ отравленнымъ свинцомъ сыновъ твоихъ, горячей, смертной напоившихъ кровью досыта поля Манчжуріи, стучитъ изъ могилъ костьми: отомсти!

Полмилліона сыновъ твоихъ, изуродованныхъ, ослѣпшихъ, сошедшихъ съ ума, съ оторванными руками и ногами ползаетъ по площадямъ и дорогамъ, нѣмой посылая тебѣ, отчаянный крикъ-вопль, смѣшанный съ кровью: отомсти!

За обиду смертную! За отравленный свинецъ! За бойни раненыхъ и безоружныхъ! Милліоны отцовъ, матерей, сиротъ, вдовъ, въ тоскѣ и горѣ неизбывномъ клянутъ тебя, Русь. Зачѣмъ, зачѣмъ простила поруганіе, проклятая родина?!

О, Русь, такъ отомсти же! Кровью отомсти, солнцемъ Града, муками! Подобно Христу, неслыханными муками своими отомстившему поругателямъ своимъ...

За грозой ужаса и тишины—шла освобождающая гроза гнѣва и свѣтовъ. Алая разрасталась гроза. И небывалыя загорались надъ Русью, животворящія зори...

Но, какъ дыханіе мора, ядовитыя проносились надъ ней, смертоносныя ехидны. И трупами несчастнаго, поруганнаго Израиля запруживались рѣки, овраги и рвы. И костьми завоевателей свободы бутились дороги...

Сатана, багряныя раскрывъ крылья, правилъ надъ Русью кровавый свой шабашъ. Грозового же солнца Града, полуослѣпшіе сердцемъ и духомъ, слишкомъ долго томившіеся въ темницѣ лжи и тлѣна люди, не увидѣли, не узнали...

Глухо, неслыханнымъ пораженный кощунствомъ, замыкалъ народъ душу свою навѣки. А его кляли и проклинали одни, мучили, пытами и казнили смертью другіе...

По градамъ и весямъ разползшіяся ехидны разрушали дома, убогія поразвалившіяся хибарки селяковъ... Сметали скиты, моленныя—корабли и кельи взыскующихъ Града. Жгли часовни и сборни. Вѣшали, разстрѣливали и обезглавливали побѣжденныхъ...

Гедеоновъ посланъ былъ изъ Петербурга по-

корять возставшія села. И онъ покорялъ, сѣя вокругъ себя смерть. Рѣками крови утолялъ смрадную душу свою. Насыщалъ зависть и непонятную лютую месть жадно!.. А двуногіе, ликуя служили молебны.

Когда, сплошнымъ застигнутое грозовымъ шкваломъ, поднялось съ дрекольемъ древнее Знаменское, Гедеоновъ, нагрянувъ съ черкесами, открылъ по хибаркамъ огонь. А поджегши село, ловилъ опальныхъ мужиковъ...

Связанные, обезпамятовавшіе, падали тѣ на колѣни. Приносили повинную.

Но Гедеоновъ еще пуще свирѣпѣлъ. Пыталъ мужиковъ на гвоздяхъ и пеплѣ.

Прикрутивъ веревками шею къ ногамъ, клали черкесы каждаго на дыбу. Рубили, что есть мочи, лозой, перепаренной съ солью и битымъ стекломъ...

Съ дыбы изсѣченныхъ, черныхъ отъ руды мужиковъ тащили на ворокъ. Въ длинную шеренгу клали. По проломленнымъ, орудѣлымъ мужичьимъ головамъ тупыми били желѣзными каблуками. И черная кровь клейкими густыми потоками сплывала по загорѣлымъ лицамъ и растрескавшимся шеямъ...

— Что жъ вы нэрэвэтъ?..—усталые, ворочали бѣлками палачи-черкесы:—Мы устэлъ... Рэвэтъ, чорты!..

Но мужики молча лежали. Только жилы ихъ передергивались смертно.

— Нэ рэ-вэ-ть?!..

Разсвирѣпѣвшіе, озвѣрѣлые черкесы забивали имъ въ пятки гвозди. Концами кинжаловъ вырѣзали на спинахъ кресты. А горячую, бьющую

ключемъ кровь затаптывали пепломъ, битымъ стекломъ и солью...

— Теперь-то вы у меня не зафордыбачете, мать-бы...—топалъ тряскими ногами Гедеоновъ.

Въ застѣнкѣ Гедеоновъ теперь дневалъ и ночевалъ. Самолично рубилъ мужиковъ нагайкой съ желѣзнымъ наконечникомъ. А изрубленное тѣло заливалъ известью и разсоломъ...

Красивыхъ и статныхъ, поставивъ на раскаленную до бѣла, шипящую сковороду, дыбила челядь, приговаривая:

— Вы пригожи? На господъ похожи?.. Хороши, сахары-медовичи!.. Господъ бить намъ раете, а сами жъ въ господа... норовите попасть... Статочное ли дѣло?.. Это только господамъ милостивымъ полагается красота... А мы не имѣемъ никакой полной правы...

— Вѣ-р-но!.. Дыби ихъ, мать-бы... Я царь вашъ и Богъ... Я не по-позволю... Не позволю красивыхъ рожъ носить, да еще ра-ба-мъ!..— обдавалъ мужиковъ Гедеоновъ пѣной, пьяный отъ пытокъ.

И распиналъ ихъ на деревѣ, ѣдкой скручивая веревкой и рубя висячихъ желѣзными прутьями, пока хватало силъ...

Въ ночь пытокъ, лядащій какой-то мужичишка въ рваномъ кожухѣ и латаныхъ, набайковыхъ портахъ, подбѣжавъ вдругъ къ балкону, кинулся на Гедеонова съ концомъ косы, обернутымъ въ тряпку.

У Гедеонова была только пробита шинель. А зато мужичишку черкесы, схвативъ, посадили на заостренную рогатину. Перебили ему суставы на рукахъ и ногахъ и скрутили веревкой черепъ...

Кровавая забила у мужика пѣна. Черная руда потекла изъ-подъ него по рогатинѣ густыми запекшимися шматьями. Взбухли на вискахъ и сдѣлались черными жилы. Налившіеся сукровицей глаза полѣзли на лобъ... А черкесы скручивали голову все крѣпче и крѣпче...

Мужиченка уже хрипѣлъ смертнымъ хрицомъ... Но крутить не переставали.

Когда черепъ, не выдержавъ каната, затрещалъ, какъ разбитый горшокъ, разломился, и сѣрые вывалились изъ него, окровавленные мозги, Гедеоновъ, ткнувъ сапогомъ въ дымящуюся, кровавую чашу черепа, захлюпалъ:

— Ну, чѣмъ онъ виноватъ?.. Подстрекли его... Онъ и пошелъ... Господи, прости ему... Не вѣдалъ бо, что творилъ...

За ночь покончили черкесы съ мужиками. А на утро сгоняли уже въ застѣнокъ молодухъ и дѣвушекъ...

Лютой вламывались въ мужичьи хаты ватагой. Лѣзли на палати, гогоча, точно жеребцы:

— Хады за намъ!.. А то абажгэмъ!..

Старики, забившись въ уголъ, жуткій подымали вой. Острые, полосующіе сердце крики, вырываясь изъ тѣсныхъ хибарокъ, катились по улицѣ дикимъ клубкомъ...

Въ закоулкахъ штырхали черкесы шашками дѣвочекъ. Тянули ихъ за голыя ноги. И хрипѣли тѣ, какъ затравленные, обезумѣвшіе звѣри. Выпучивъ остекляненные глаза, хватались за концы шашекъ. Рѣзали себѣ руки, груди, лица... Но не унимались двуногіе, а пуще свирѣпѣли.

Гедеоновъ клалъ дѣвочекъ въ рядъ. Загаливалъ ихъ, сгорающихъ отъ стыда и срамоты. И,

упершись руками въ колѣна, съ причмокивающими, отвислыми губами пригинался надъ трепетными бѣлыми тѣльцами...

— Ух-м... дѣвчушечки мои голопузенькія!..— глотая слюну, чмыхалъ Гедеоновъ:—Ну... Вотъ эту... Сочна!.. И эту... Огурчикъ, чертенокъ!.. Груденка-то, пупочекъ... И-ихъ!..

Черкесы брали въ охапку дѣвочекъ, несли въ дворецъ. Тамъ Гедеоновъ, раздѣвъ ихъ донага, надрѣзывалъ у нихъ груди. Липкую пилъ, соленую, горячую кровь, захлебываясь и причмокивая:

— Кр-ровушка!.. Кровушка-матушка...

А челядь, согнавъ во дворъ и подѣливъ молодухъ, скручивала ихъ веревками да мучила.

Съ балкона, опьянѣвшій, обезумѣвшій отъ крови Гедеоновъ кричалъ своимъ алахорямъ, сжимая костлявые кулаки:

— Я желѣзное кольцо государства!.. Кого сожму—тому крышка!.. Вали въ мою голову!..

Скрученныя веревками молодухи хрипѣли порванными глотками:

— Будь про-клятъ!.. окаянный!.. Про-клятъ!.. Проклятъ!.. Богъ!.. Ха-ха-ха-а!..

Но, опомнившись, дико, жутко водили побѣлѣвшими зрачками. Каялись, безъ надежды на прощеніе...

— Согрѣшили .. Про-сти-и...

Гедеоновъ, хватаясь за животъ, долгимъ закатывался чернымъ смѣхомъ. Скалилъ гнилые свои, желтые зубы. Кивалъ головой черкесамъ:

— Каково... А?.. Правовѣрные!.. Слышите, какъ поносятъ Аллаха?.. Всыпать имъ по сто горячихъ!..

И, засучивъ рукава, мочили въ разсолѣ черкесы свои нагайки. Сѣкли скрученныхъ, полу-

живыхъ молодухъ медленно и дико. И не хрипѣли уже пытаемыя. Но ревѣли, какъ прирѣзанныя животныя. Жилы ихъ, взбухшія, черныя выбрасывали запекшуюся кровь горячими струями, обагряя сапоги черкесовъ...

— До-вольно!—лѣниво махнувъ рукой, бросалъ Гедеоновъ съ балкона:—Хорошаго понемногу...

Въ нѣмомъ, неукротимомъ приливѣ гнѣва и ярости, мстя за поруганныхъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, дочерей, сыновъ, жгли мужики, жгли помѣщичьи дома, дворы, гумна. Разоряли, крушили управы и суды: это былъ судъ огнемъ надъ судами...

Но переловилъ огненныхъ судей Гедеоновъ.

И нарядилъ свой судъ...

Въ душномъ темномъ застѣнкѣ, за обмусленной старыми рыжими кровями кривой дыбой собирались вокругъ связанныхъ и сваленныхъ въ кучу мужиковъ суглобые молчаливые судьи: казачій полковникъ, пристава и гедеоновская челядь. Гедеоновъ, ерзая на дубовой скамьѣ, мутясь отъ тоски и злобы, держалъ передъ ними рѣчь:

— Итакъ, господа, разговоръ коротокъ... Кто посягнулъ на священную... собственность, тому... мм... Такъ, что, этихъ вотъ эк-земпля-ровъ,—кивнулъ онъ на кучу мужиковъ:—придется отправить въ мѣста о-чень отдаленныя... откуда, вообще, не возвращаются... Я настаиваю, го-спо-да, чтобы казнь была публичной, въ полѣ... Для назиданія, мать-бы... Но вотъ вопросъ, какъ казнить?.. По моему, лучше всего — оттяпать головы! Нужна кровь... Можетъ-быть, господа, вамъ не по плечу кровь... Ну, а я не изъ таковскихъ!

— А я думаю, можно обойтись... безъ крови... Помилуйте, ваше превосходительство...—робко приподнялся полковникъ:—Европа и все такое... Вотъ висѣлица... Чего ужъ лучше! А то какъ бы въ газеты не попало... Помилуйте, это въ Китаѣ тамъ какомъ-нибудь...

— Экъ, хватили!.. — захохоталъ Гедеоновъ хрипло: — Газеты!.. Да наплевать мнѣ на всѣхъ газетныхъ жидковъ!.. Оттяпать!..—стукнулъ онъ кулакомъ по скамьѣ.

Полковнинъ покряхтѣлъ, погромыхалъ шашкой и, тревожно озираясь, козырнулъ:

— Не смѣю прекословить, ваше — превосходительство...

— То-то и оно-то...—буркнулъ Гедеоновъ сердито.

Судьи поспѣшно и тревожно, точно за ними слѣдилъ невѣдомый мститель, разошлись.

Передъ разсвѣтомъ въ полѣ ревѣли зловѣщія хриплыя трубы. Изъ селъ и деревень вываливали на острые обомшалые холмы пораженныя нѣмыя толпы. Глядѣли на древнее каменистое поле...

За старой разбойничьей дорогой, средь дикихъ, отверженныхъ, провалившихся могилъ удавленниковъ, отцеубійцъ и колдуній, сколоченъ былъ высокій, стесанный гладко, помостъ...

Въ бѣлыхъ саванахъ, изъ потайныхъ подваловъ гедеоновской усадьбы къ разрытому, древнему отверженному кладбищу вели огненныхъ судей, смертно поникшихъ головами... За ними несли черные раскрытые гробы...

На помостѣ исповѣдывалъ попъ мужиковъ. Крестилъ ихъ тяжелымъ желѣзнымъ крестомъ...

Гремѣли гулкіе мечи глухо. Съ плахъ катились, стуча по помосту, дымныя окровавленныя головы...

Палачи, поскальзываясь на гладкихъ густо-смоченныхъ горячей кровью доскахъ, подбирали трупы казненныхъ мужиковъ торопливо тряскими руками... Клали въ гробы...

Въ жуткой предразсвѣтной тишинѣ, въ зеленомъ лучѣ затеплившейся зари, опускали гробы въ свѣжевырытыя, заклятыя, отверженныя могилы... И битый, красный дикій кремень-суровецъ грохоталъ въ гулкія пустыя крыши, какъ вѣщій, роковой кличъ съ того свѣта.

А угрозныя нѣмыя толпы расходились по деревнямъ, унося съ собой смертную, священную месть...

VII.

Въ трупномъ смрадѣ задыхалась полоненная Русь. Билась надъ одинокими могилами разстрѣлянныхъ, обезглавленныхъ и повѣшенныхъ и маялась смертельно...

А древнія дикія поля строгой наполнялись, неслыханной тишиной. Нѣмые и страшные отстаивались въ обители Пламени голоса бурь.

Грозно и жутко падалъ изъ старой башни темный, кровавый свѣтъ. Крутогоровъ бросалъ въ міръ вѣщіе зовы ночи... Манимые грозными огнями, шли на крутую гору толпы гнѣва и ярости...

Шли на судную ночь.

Судною ночью, въ маетѣ въ смерчѣ любви,

страсти, ненависти и крови, встала передъ Крутогоровымъ вѣщая Люда, словно изъ подъ земли выросла. Дико звеня ножомъ, раскрыла синія свои бездны:

— А я иду продаваться... Крутогоровъ!.. Я уже продалась—ты и не знаешь?.. Я—гулящая!.. Ну, кричи, убивай же меня!.. Вотъ ножъ.

Но Крутогоровъ молчалъ. Ибо невѣдомо, молчаливо и страшно убилъ въ сердцѣ своемъ Люду. Похоронилъ навѣки и безвозвратно.

— Ха-ха-а!..—рыдала Люда, больно и настырно хватаясь за руки Крутогорова и падая передъ нимъ на колѣни:—Все это я выдумала!.. Я люблю тебя, Крутогоровъ.

Страшна любовь: ибо она мать ненависти и бурь. О, любовь, любовь, не ты ли черными молніями проносишься надъ безднами, разрушая и сожигая міръ? Не ты ли взрываешь на днѣ души хаосъ и смерть?.. Ибо Крутогоровъ проклялъ, вырвалъ изъ сердца Люду, огненную и кровавую свою любовь... Но и благословилъ ее?

Въ судную же ночь Гедеоновъ, почуявъ недоброе, отыскалъ въ лѣсной черетняной хибаркѣ Феофана. Выложилъ передъ нимъ смрадную свою душу, жалуясь и скуля:

— Душатъ. Душатъ, мать бы... Мертвецы. Покойники. Сволочи!.. Отправилъ я мужиковъ на тотъ свѣтъ не мало... Съ кѣмъ не бываетъ?! Ну, а теперь они меня душатъ по ночамъ... Кровавые... Что дѣлать, а?..

И вдругъ, выпрямившись, стукнулъ себя кулакомъ въ грудь гулко:

— Я желѣзное кольцо государства! Какая тебѣ забота?.. Твори волю прославшаго. Ты что ска-

жешь, дядя, а?.. — подмигнулъ онъ гнусно Феофану:—Скажи что нибудь-ка.

Но Феофанъ только покачалъ головой, глядя строго въ ночную даль.

Отъ князя тьмы исходили законы, страшные тѣмъ, что они охраняли зло, какъ нѣкій запретный плодъ. А у людей, похитившихъ зло, страхъ кары тѣлесной заслонялъ лютѣйшую кару духа.

Законы дѣлали сверхъ-зло. Стало быть, Гедеоновъ долженъ былъ понести тяготу вдвойнѣ. А онъ не только не понесъ тяготы, но—зло сдѣлалось для него наслажденіемъ, не страданіемъ.

— Молчишь?..—затошновалъ и замаялся Гедеоновъ въ смертельной нудѣ, заслышавъ странные отдаленные голоса.—Что это?.. А?.. Что это?..

Глухо отозвался изъ сумрака Феофанъ:

— Заступаетъ судная ночь...

— Какой же это судъ?

— Судъ земли.

— А я?..—Гедеоновъ, вывернувъ ладони, согнулъ пальцы крючками и впился въ Феофана колючимъ, ѣдкимъ взглядомъ:—Вѣдь я творилъ волю пославшаго... И меня—судить?..

— Поздно,—качнулъ головой Феофанъ.

— Ой ли?—подвелъ Гедеоновъ къ глазамъ Феофана свои колкіе глаза.

Но вдругъ отскочилъ назадъ: взглядъ Феофана незримымъ горѣлъ, голубымъ свѣтомъ.

— Свѣтитъ!—въ ужасѣ крутнулъ приплюснутой головой Гедеоновъ, вскинувъ костлявыя свои руки, словно дьяволъ крылья:—А вѣдь онъ отверженецъ!.. Вѣдь онъ проклялъ все!..

Можетъ-быть, Феофанъ, проклявшій Сущаго, теперь, заслышавъ голоса и знаки судной ночи,

непостижные, невозможные, невидимые для взора, но видимыя для духа безсмертнаго—принялъ и благословилъ свѣтъ?

До этого Феофанъ шелъ только за солнцемъ Града. А солнце Града не свѣтило ни Богу, ни дьяволу. Ибо родилось оно отъ встрѣчи доначальнаго хаоса съ творящимъ чернымъ свѣтомъ жизни, какъ отъ удара стали о кремень рождается огонь.

— Ха-ха-ха!..—откинувъ назадъ голову, затрясся Гедеоновъ медленно: — Онъ думаетъ, я боюсь покойниковъ!.. Гадота несчастная! Да знаешь ли ты, дохлая собака, на что я способенъ?!.. Не стереть въ порошокъ могу я васъ, дохлыхъ, червивыхъ крысъ... Нѣтъ! я могу васъ жечь, варить въ смолѣ... И буду варить въ смолѣ, мать бы... Я буду четвертовать, колесовать... Ррубить—терзать-терзать-терзать!.. — хрипѣлъ онъ, дрожа и извиваясь:—Да!.. Губить проклятое стадо... гу-би-ть!.. Огнемъ, ядомъ, язвами, мечемъ!.. Все въ прорву! Въ брорву! Въ прорву.

Рвалъ на себѣ погоны, сгибаясь въ кольцо, словно гадъ. Гремѣлъ шашкой. Замахивался ею на Феофана...

Вдругъ, въ дверь хибарки, глухіе вломились красносмертники, злыдотники, побирайлы. Окруживъ Гедеонова грознымъ кольцомъ, зловѣще и молчаливо навели на него свирѣпыя свои, напохмуренныя лица.

— Кто это?.. А-а?..—ощерились они:—Говори!

— Кто смѣетъ спрашивать!..—вытягивалъ впередъ длинную, судорожно трясущуюся голову Гедеоновъ, гулко стуча себѣ кулакомъ въ грудь!.. Меня, Геде-онова?..

— Молчи-и, елазука проклятый, змѣй-горыничъ...—ворчали мужики люто:—Погоди, выведемъ мы тебя на точекъ...

— Да вы знаете ли, сиволапые черти, кто я?—юлилъ Гедеоновъ и грызъ себѣ руки.

Глухо смыкалась толпа:

— Ну, говори, кто.

— Конечно, намъ нечего ссориться...—подкатывался уже мелкимъ бѣсомъ къ мужикамъ, хихикая, Гедеоновъ:—это не важно, въ сущности, что я генералъ... Что самъ царь удостоилъ меня своей благодарности... Это не важно, мать бы... Я простой!.. я и мужиковъ люблю... Ей Богу... Всѣ мы, слуги царскіе, должны любить мужиковъ... Потому что ихъ больше ста милліоновъ... И армія наша—кто же это, какъ не мужики?.. Кто охраняетъ насъ и кормитъ, какъ не они же?

— То-то оно-то... — зловѣще скалила зубы злыдота:—А земли дали кормильцамъ-то этимъ да хранителямъ, много?... Отвели глаза нашему брату Государственной Думой этой самой... Жулики жуликовъ поскликали... За жидовъ тамъ распинаются, да за поляковъ, а мы какъ жили безъ земли, да такъ и остались.

Заплясалъ Гедеоновъ, зашелся въ долгомъ злорадномъ хохотѣ:

— Да вѣдь это ваши жъ печальники!.. Ха-ха!.. Ай да мужички... Удружили, нечего сказать?.. Вотъ что...—кивнулъ онъ головой.—Не видать вамъ земли, какъ своихъ ушей... А вѣшать и разстрѣливать васъ будутъ за первый сортъ.

— Это еще бабушка на двое гадала... ухмыльнулись бородачи ѣдко.—Теперь-то вы держите землю, да плахуете насъ... А что тады-то запоете?

какъ японцы съ нѣмцами, али китайцы пойдутъ на Рассею? Да запасныхъ ежели тронутъ?.. Будетъ буча... буза... Бу-детъ!

— Фю!—свистнулъ Гедеоновъ и захохоталъ лихимъ, гнусавымъ хохотомъ:—забратаютъ голубчиковъ—и не пикнете!

— Не дадите земли—погибнетъ Рассея!

— Враки!—фыркалъ Гедеоновъ.

— Погибнетъ! Чтобъ провалиться—погибнетъ! Туда ей и дорога! Коли земли не даютъ мужикамъ?.. Да и лучше съ нѣмцами жить, чѣмъ съ вами... Нѣмцы, по крайности, ученые: земли дадутъ.

Гедеоновъ, присѣвъ, хихикнулъ въ носъ. Подмигнулъ Феофану, строго молчащему въ углу:

— На что имъ земля?.. Три аршина достаточно, чтобъ закопать, когда повѣсятъ... Вотъ, меня ругаютъ, душегубъ, то да се... А я справедливость люблю... Въ тебѣ горитъ... священный, такъ сказать, огонь?.. Ну, такъ нужно потушить его, мать бы... Чтобъ всѣ равны были!..

Въ сумеречной, странной тишинѣ подступали къ нему мужики вплоть, тряся бородами:

— Молчи-и... душегубъ окаянный... Головорубъ... А то прикончимъ... Нехай тады насъ вѣшаютъ... Али голову отрубаютъ...

— Не... подсту-пать!..—хрипѣлъ, точно звѣрь, Гедеоновъ, выхватывая шашку.

Молчаливо и грозно толпа ринулась на него стѣной. Но, сгибаясь, словно гадъ, бросился Гедеоновъ клубкомъ въ слюдяное, ветхое окно. Шмыгнулъ за хибаркой въ ельникъ. Загрохоталъ по отвѣснымъ каменьямъ подъ обрывъ.

— А-сп-и-дъ!..—смятенная гудѣла толпа вслѣдъ.

Въ тѣсной глубокой расщелинѣ, забившись въ

колючій глухой терновникъ, лежалъ Гедеоновъ, грудью къ землѣ, не дыша. Надъ нимъ вѣщіе проносились голоса судной ночи...

VIII.

Въ ночи шелесты и запахи цвѣтовъ и травъ, шумы и всплески волнъ перемѣшивались съ синимъ свѣтомъ и чарами сумрака.

Златокрылая выплывала ладья съ бѣлыми ангелами. Сладко и нѣжно сыпались, словно жемчуга, свѣтлыя искры струнъ,·.

Пѣли ангелы. А изъ священныхъ рощъ съ зажженными свѣчами выходили сыны земли: чистые сердцемъ, пѣснопѣвцы-поэты.

На лазурныхъ волнахъ качалась, словно лебедь, златокрылая ладья. Ангелы сплетались съ хороводами. Сады заливалъ нѣжный голубоалый свѣтъ...

Въ тѣсной же, черной расщелинѣ маялся Гедеоновъ. Пряталъ отъ свѣта лицо. Скрежеталъ зубами.

Зависть лютая жгла. Не было силъ изничтожить сыновъ земли. Непонятны и далеки были любовь, красота... Но если бъ и понятны онѣ были Гедеонову—сердце его не обрадовалось бы чуждой, не имъ добытой красотѣ. Оттого-то его и беретъ нескончаемая, гложущая зависть и жуть...

Только сничтоживъ чистыхъ сердцемъ, и съ ними — красоту, любовь, свѣтъ — утолишь зависть... Но нѣтъ силъ!

А пѣсни расцвѣтали незримыми бѣлыми цвѣ-

тами... Сладкой плыли, голубой волной. Переплескивались съ листвою сада...

Отверзалась горняя. И алые распускались за лазурнымъ заливомъ цвѣты, цвѣты земли. И бѣлокрылые ангелы собирали ихъ къ тресвѣтлому Престолу...

Отъ усыпаннаго цвѣтами и обрызганнаго росами берега шла до Престола лѣстница Свѣта. Надъ лазурнымъ тихимъ заливомъ, словно свѣтлыя стрѣлы солнца, подымались и отпускались херувимы—словно свѣтлыя стрѣлы солнца...

Качаясь и кропя росой, сплошнымъ пѣлъ темнымъ шумомъ величественную свѣтлую пѣснь лѣсъ. Передъ лѣстницей свѣта, замирая въ священномъ трепетѣ, смыкались хороводы....

Крутогоровъ, въ бѣлыхъ льняныхъ одеждахъ, грозноизступленный, молнійный, взойдя на лѣстницу свѣта, обнажилъ свое, опаленное чернымъ огнемъ, сердце. Кликнулъ надъ цвѣтнымъ доломъ кличъ:

— Братья! Отъ исхода земли не зналъ человѣкъ огня жизни... Даже Единородный Сынъ Божій не былъ огненнымъ, но—холоднымъ... А какъ жаждалъ Онъ Огня!.. Братья!.. Огонь низвелъ я на землю. Небо и землю слилъ въ солнцѣ Града... Горите! Цвѣтите!

Жутокъ и страшенъ былъ ликъ Крутогорова, искаженный нечеловѣческой пыткой огня. А отверженный, расширенный взоръ инымъ горѣлъ, потустороннимъ свѣтомъ.

— И ненавидьте, братья мои, чтобы любить!..—гремѣлъ онъ надъ цвѣтнымъ домомъ:— Не у васъ ли землю отняли—родимую мать?.. И душатъ—не васъ ли?.. Братья! Нѣтъ любви безъ

ненависти!.. Къ гнѣву зову я васъ!.. Вставайте! Се, творю судъ: двуногимъ съ ихъ логовищемъ—городомъ—смерть!

— Сме-рть!.. — протяжно и глухо грохотали толпы мужиковъ.

— Клянитесь!.. Клянитесь, что отымете у двуногихъ землю—родимую мать!

Гремѣли жутко и вѣще толпы, поднявъ тысячи рукъ:

— Кляне-мся!.. Сме-рть.. Клянемся: отымемъ!..

Согнувшись, словно опужило, люто крутилъ головой въ терновникѣ Гедеоновъ. Въ сердцѣ его лютая была тьма. И гложущая зависть, и смрадъ. Не изничтожить чистыхъ сердцемъ. Не осквернить непонятной красоты и любви. Не загасить свѣта...

Осторожно, на цыпочкахъ, кривыми путаясь въ колкомъ терновникѣ, тряскими ногами, заковылялъ онъ въ глубь расщелины—чтобъ не увидѣли его да не подумали, будто красотой плѣнился и онъ.

Передъ глазами мелькнулъ вдругъ стройный дѣвичій станъ... Гедеоновъ оглядѣлъ дѣвушку жадно. А та, застывъ, какъ вкопанная, схватила себя за косы, заметалась:

— Ха-ха... Ра-дость?.. О-хъ!.. Пытайте!.. Тошно мнѣ отъ благодати... Мучьте!..

Голосъ, низкій, недѣвичій ударилъ по темному сердцу Гедеонова. Это былъ голосъ кликуши. Тонкій станъ, выгибаясь, манилъ, какъ драгоцѣнный сосудъ. Откинутая назадъ голова съ черными качающимися кольцами волосъ, высокая подъ полотномъ острая грудь, плечи — тянули къ себѣ неудержимо Гедеонова... Трясясь

и шатаясь отъ похоти, словно пьяный, подошелъ онъ къ дѣвушкѣ. Костлявыми обхватилъ ее, крѣпкими руками. Сжалъ ее всю такъ, что кости ея захрустѣли...

— А.. а.. а-хъ!..—задыхаясь, глухо и больно вскрикнула Марія, увидѣвъ передъ своими глазами горбатый носъ и узкія впалыя глазницы Гедеонова.

— Огг...—дрожалъ и стучалъ тотъ зубами:— Я... чуть съ ума не сошелъ было тогда... Помнишь, какъ ты ушла отъ меня?.. А теперь— сама... Огг...

Но когда Гедеоновъ, трясясь, повалилъ хрупкую, онѣмѣвшую дѣвушку—засочилось сердце его гноемъ зависти и неутоленности: не одному ему дано это тѣло...

Убить дѣвушку, чтобъ никому больше не досталась? Но раньше то были точно такія же, еще и лучше, да и будутъ?.. Неисчислимое множество людей наслаждалось до него тѣлами красавицъ; сердце же его жаждетъ тѣлъ и наслажденій, невѣдомыхъ міру и даже Богу...

Махнулъ рукой на дѣвушку глухо стонавшую на травѣ. Сгорбившись, поплелся къ озеру...

Въ камышахъ гудѣли и бились волны. Наполняли сумракъ шалыми голосами. Надъ озеромъ, взрываемымъ голубыми вѣтрами, полнымъ загадокъ, стоялъ Гедеоновъ недвижимо. А на головѣ его волосы подымались дыбомъ...

Говорилъ ему невѣдомый, несуществующій, говорилъ изъ темноты:

— Надо найти то, что за Сущимъ... Или создать.

Бездонна, темна и жутка была душа князя тьмы. Но и эту темь-жуть перешибъ незвѣри-

ный, нечеловѣческій и небожескій голосъ несуществующаго. Смертельно тошно Гедеонову было не оттого, что въ тайники души его чуждый западалъ голосъ, но оттого, что голосъ этотъ былъ какъ будто—его собственный: а можетъ ли быть его голосомъ—голосъ дерзновенія, разрушенія и созиданія?.. Душѣ князя тьмы близки только небытіе да смрадъ.

— Кто это?—екнулъ, сгибаясь въ кольцо, Гедеоновъ.

Въ терновникѣ гаденькій плюхнулъ вдругъ, гнилой смѣхъ. Разлились мертвые смрады...

— А это что?.. Этожъ мое, родное... ничье больше!.. Кто смѣлъ?.. Ограбили!.. Карраулъ!..

Застылъ Гедеоновъ. Небытіе да смрады—это единственное его, никому доселѣ невѣдомое достояніе—похитилъ несушествующій...

А въ душу князя тьмы западалъ, заливая сердце его черной расплавленной смолой, невѣдомый кличь дерзновенія — такой близкій, казалось, произносимый рядомъ, но и такой далекій и непостижный, словно это былъ голосъ замірнаго, досущаго:

— Раз-руша-ть!.. Жить надъ безднами!.. Доллой фальшивые векселя... Въ родѣ непорочнаго Агнца... Создадимъ сверхъ-міры!. Сверхъ-царства!..

— Что за чертъ...—нудовалъ Гедеоновъ глухо и сумасшедше, весь въ холодномъ поту, все еще боясь, что невѣдомый голосъ—его собственный:— Или и впрямь я спятилъ съ ума?.. Брр.... Эй, ты, кто тамъ, гевори толкомъ, сволочь, мать бы!..— затопоталъ онъ остервенѣло.

— Я—чертъ,—отозвалось изъ темноты сухо.

Отвалило у Гедеонова отъ сердца. Обыкновенный чертъ, что безъ толку скулитъ въ вѣкахъ о

покореніи и разрушеніи вселенной да о созданіи сверхъ-міровъ, не такъ ужъ былъ страшенъ.

Ибо ему, Гедеонову, мучительны и жутки были только близкіе къ воплощенію зовы сверхъ-дерзновенія, сверхъ-разрушенія и сверхъ-созиданія, какъ и голоса красоты, жизни творящей и предвѣчнаго пламени. Но скучны и смѣшны были мечты.

— Ну, такъ по рукамъ? — стукнулъ чертъ въ темное сердце Гедеонова:—Чего жъ воловодить?

Но загнусилъ Гедеоновъ съ ядомъ, крутясь волчкомъ и костлявыми размахивая, длинными, словно жердь, руками:

— Ахъ, ты облѣзлый!.. Ахъ, ты шарлота несчастная! А еще цѣлишь быть царемъ жизни... Да ты и въ подметки не годишься хлыстамъ этимъ куцопузымъ... Тѣ, братъ, не на словахъ, а на дѣлѣ создаютъ міры... А ты что создалъ за всю свою чертовскую жизнь?.. Попусту болтать—это ли называется творить?.. Мать бы... Нѣтъ.. одно намъ осталось: душить да гадить!.. — харкнулъ онъ яростно:—Ни на что мы больше не способны, нужно сказать правду! Одно осталось... Мстить за красоту! За радость! За солнце! Ахъ! Если бъ я создалъ міры... да наслаждался бъ ими одинъ-одинешенекъ. А такъ—лучше ничто! Но и въ этомъ нѣтъ мнѣ утѣшенія... Ни въ чемъ не было мнѣ утѣшенія... И не будетъ!.. А будетъ только одно—какъ загасить солнце?..

Въ звонѣ волнъ, звѣздъ и цвѣтовъ златокрылая качалась ладья. Пѣли хвалу разсвѣту сады. Гудѣли лѣса и водопады.

А хороводы мужиковъ, къ горнымъ подымаясь вершинамъ, воздѣвали ликующе руки:

— Солнце!..

Яркій свѣтъ, ринувшись грознымъ прибоемъ на горы, лѣса, гналъ въ темные провалы, непролазныя дебри и глухія заросли сгибающихся въ кольца, шипящихъ, разливающихъ ядъ гадовъ, жутко хохочущихъ съ желтыми мертвыми глазами совъ.

Въ тьмѣ проваловъ верещала люто, корчилась нечисть, киша подъ темными навѣсами глыбъ. И скрежеталъ зубами въ смертной нудѣ, забившись въ глубь расщелины, Гедеоновъ.

А свѣтлый гулъ и хвалы гремѣли все ярче и величавѣе. И бѣлокрылые ангелы сыпали нетлѣнные цвѣты...

Неприступный ударилъ въ загорѣлыя лица мужиковъ огонь. Съ высоты, отъ Престола сходилъ по алой лѣстницѣ свѣта Крутогоровъ, неся зажженное въ ночи Солнце.

— Свобода!.. — ликовали хороводы: — Радость—Солнце!..

Охваченные грознымъ трепетомъ, падали ницъ люди, птицы и звѣри, склонялись сады и лѣса, привѣтствуя ярко-алое Солнце, зажженное въ ночи...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОКЛЯТЬЕ И СМЕРТЬ ГОРОДУ!

I.

Загорская пустынь—древняя пустынь.

Въ высокой, замшѣлой, съ грозными бойницами каменной оградѣ, по дикимъ крутымъ срывамъ старыя тѣснились облупившіяся башни, часовни, кельи, обросшія глухой крапивой и бурьяномъ. Подъ ними перепутывались подземные, полуобвалившіеся потайные ходы. Въ древнемъ, низкомъ узкооконномъ соборѣ надъ литого серебра царскими вратами висѣла на широкой шелковой лентѣ темная чудотворная икона Спаса Нерукотворнаго въ золотой, убранной драгоцѣнными каменьями, ризѣ, съ двѣнадцатью хрустальными неугасимыми лампадами передъ старымъ рѣзнымъ кивотомъ.

Прозорливцы схимники и старцы въ пустыни не переводились съ изстари.

Но въ монастырь, заброшенный въ непроходимыхъ глухихъ лѣсахъ, среди отверженцевъ и язычниковъ, никто не заглядывалъ. Туда только ссылали провинившихся монаховъ.

Прежде хоть изъ дальнихъ краевъ приходили богомольцы на поклоненіе древнему Спасу. А теперь и они, прознавъ, что игуменъ монастыря—сатанаилъ, перестали ходить.

Вячеслава забубенная братія Загорскаго монастыря избрала-таки игуменомъ: по Сенькѣ и шапка.

Но злыдота не давала покою Вячеславу даже и теперь. На міру жгла, клеймила его курвелемъ, хабарникомъ, чертовымъ прихвостнемъ. Харкала ему въ глаза всюду, гдѣ бы ни встрѣтила.

Чернецъ билъ челомъ Гедеонову.

И въ старую лѣсную келью по ночамъ врывались стражники, черкесы. Разоряли амвоны, престолы. Ломали двери, били окна. А злыдоту гнали на всѣ четыре стороны: тюрьмы были попереполнены, забирать некуда было.

Какъ неприкаянные, бродили злыдотники по глухимъ дебрямъ, нигдѣ не находя себѣ пристанища...

Феофанъ погибъ. Ибо, если бы былъ живъ, стражники побоялись бы трогать его келью, чтобы не накликать на себя бѣдъ, не разозлить мужиковъ и не раздуть пожара. Безъ Феофана же расправа съ злыдотой была легка.

Ушелъ Феофанъ изъ міра. Открывать солнце Града толпѣ двуногихъ—для него было все равно, что отдавать пьянымъ и смраднымъ блуд-

никамъ чистое тѣло дѣвушки. И онъ ушелъ въ скалы, замкнувъ душу свою навѣки...

За нимъ ушли изъ міра и Дѣва Свѣтлаго Града.

А Неонилу, духиню Феофана, Вячеславъ, отыскавъ тайкомъ въ моленной лѣсовика, увезъ въ монастырь.

Говорилъ, что къ мужу. Но Неонила хоть и знала, что въ монастырѣ Андронъ былъ звонаремъ и сторожемъ собора,—не вѣрила все-таки Вячеславу. И ждала отъ него каверзъ.

Такъ и вышло.

Въ первую же ночь игуменъ, справляя въ потайной каменной подземной кельѣ, вдѣланной въ древнее основаніе собора, по Феофанѣ тризну, задалъ съ забубенной своей братіей и гулящими дѣвками такую пирушку, что чертямъ стало тошно.

Какъ вѣдьмы, крутились по кельѣ и топали лихо красныя, потныя пьяныя дѣвки. Хватали на перегибъ монаховъ. Падали съ ними на полъ. Лазили на корячкахъ, гогоча дико и ярясь...

Только недвижимая Неонила сидѣла въ углу пригорюнившись и низко опустивъ голову.

— А-а ..—потягивался на диванѣ Вячеславъ лѣниво: — Аль по старику взгоревала?.. Издохъ вѣдь, песъ—коломъ ему земля!.. Ать?.. Да и развѣ не знашь?.. Стражники забиратъ въ тюрьму, кто за него... Брось его!.. Право... А то гляди... Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Забудь, а?.. Лучше Тьмяному поклоняться... Тоже Богъ—не хуже другихъ...

Но горѣла въ сердцѣ Неонилы незаходящимъ свѣтомъ древняя радость.

— Чтобъ я да отреклась?..—вставъ, подступила она строго къ деверю и суровые вскинула

на него гнѣвные глаза:—Да ты въ своемъ ли умѣ?.. Нѣту благодѣтеля... Такъ что жъ?.. Мнѣ ли, полонянкѣ, горевать?..

Грузный какой-то, саженный монахъ, схвативъ ее въ охапку, пустился съ ней въ дикій громовой плясъ, ахая желѣзными каблуками о полъ, словно десятипудовыми гирями и выкрикивая какую-то присказку, подъ шумъ и визгъ свирѣпой оравы...

— Отвяжись, курвель!..—хляснула его Неонила наотмашь:—Постылы вы всѣ мнѣ, обломы!.. Съ вами только вѣшаться, а не любиться...

— А Поликарпъ не постылъ?..—подскочилъ къ ней осклябившійся Вячеславъ, скосивъ на нее узкіе глаза потаскушки:—Чѣмъ нашъ братъ хуже хлыстовъ, а?..

Толстый монахъ, наахавшись вволю, бросилъ Неонилу на диванъ. И уже разстегнувъ воротъ и длинныя подхвативъ полы мантіи, пошелъ въ лихую присядку, загрохоталъ и закрякалъ:

Экъ, ты жъ меня сподманила,
Экъ, ты жъ меня сподвела!
Д' молодова полюбила,
А за старова пошла!

— За Поликарпа пошла, шкуреха!..—скрючившись и вцѣпившись въ подолъ Неонилиной рубахи, прохрипѣлъ Вячеславъ.

— Это я вовсе про тебя, батя... ухмыльнулся толстый монахъ:—Ты ей не пара, ей Богу.

И загремѣлъ, подскакивая къ Неонилѣ:

Ой, ты жъ моя писаная,
Ой. на что жъ ты меня высушила!
Привязала сухоту къ животу,
Разсыпала печаль по ночамъ!..

— Отъ такъ сухота!—реготали валявшіеся на полу пьяные монахи: — Въ десятокъ-то пудовъ, почитай, и не уберешь?..

А толстякъ, не унимаясь, трясъ пузомъ:

Эхъ, хорошо тово любить
Кто жалобно проситъ!
Праву ногу поддѣваетъ,
Лѣвую заноситъ!

Вячеславъ тормошилъ Неонилу. Пыталъ ее:

— Ты скажи-ка хоть... тяготу маешь ли, а?..

Блѣдная и напохмуренная, дрожала та медленной дрожью, колотилась люто.

— Маешь?..—приставалъ игуменъ.

Неонила молчала упорно, безумѣя и ярясь.

Тогда Вячеславъ, какъ тать, обхвативъ трясущіяся ея ноги, смялъ ее всю, сдавилъ въ потныхъ волосатыхъ рукахъ туго. И, впившись въ вишневыя, горячія губы ея кровожаднымъ своимъ, широкимъ слюнявымъ ртомъ, хмыкнулъ:

— Порадуемъ Тьмянаго!..

Черная остервенѣлая орава, вихремъ носясь вокругъ онѣмѣвшихъ, смертно бьющихся въ судоргахъ Вячеслава и Неонилы, дико и жутко пѣла Феофану анафему...

За монастыремъ, въ глухомъ лѣсу, въ душномъ безоконномъ скиту, обнесенномъ высокой оградой, въ полночь чистаго четверга, послѣ страстей Господнихъ, кровавую правили монахи литургію сатанѣ.

Смертно, истошно выли въ тишинѣ, взрывая безуміе и хаосъ. У черныхъ, съ черепами стѣчъ, на высокихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ чадили

сѣрыя, топленыя изъ человѣческаго жира свѣчи... Мутная, тяжелая плавала подъ низкимъ закоптѣлымъ потолкомъ удушливая гарь.

Въ запсиневѣвшемъ кругломъ придѣлѣ, передъ высѣченнымъ изъ суровца, перевернутымъ внизъ распятіемъ, на окровавленномъ каменномъ жертвенникѣ колдовскіе возжигалъ Вячеславъ ересные корни, выкрикивая свирѣпо какія-то заклинанія, ворожбы и хулы.

Изъ щелей захарканнаго грязнаго пола, зачуявъ гарь человѣческаго жира и заклятыхъ, острыхъ, дурманящихъ травъ и подсухъ, глухой, истошный вой чернеца заслышавъ, выползали бурыя, покачивающіяся лѣниво змѣи. Окруживъ жертвенникъ сатаны, сцѣплялись острозелеными, сыплящими мутныя искры, глазами съ прожженымъ взглядомъ чернеца, шипя на своего заклинателя...

А тотъ ближе и ближе подводилъ къ змѣинымъ непонятнымъ глазамъ заплеванные, сумасшедшіе свои зрачки. Каменѣлъ надъ головами гадюкъ, перекликаясь съ ними страшными молчаливыми голосами бурь и хаосовъ...

Но вотъ, зрачки Вячеслава съузились, пропали. Вѣдовской, истошный вой затихъ. Змѣи, разсыпавъ мутныя зловѣщія искры, припавъ головами къ полу, медленно поползли въ тѣсныя щели...

Изъ-за черныхъ завѣсъ, повисшихъ надъ черепами, нагую выводили Неонилу. На бурый отъ шматьевъ запекшейся крови жертвенникъ сатаны клали, Рубили, полосовали пышное ея, тугое бѣлорозовое тѣло желѣзными прутьями до кровавыхъ фонтановъ. Жгли ей сосцы горящими свѣчами. Запускали иглы подъ ногти... Зубчатыми рвали ей клещами плечи и грудь...

Безропотно и молча, лишь вздрагивая и вздыхая нѣмо, окровавленная лежала на жертвенникѣ Неонила. Терпѣливо возносила огненнымъ рѣжащимъ прутамъ страстное свое тѣло, боль и кровь свою непереносимую...

Въ маетѣ, ужасѣ и безуміи закрывъ глаза-ножи, глаза - бури, голубые бездонные омуты, надъ головами зловѣщіе вскинувъ остромья рукъ и въ жуткихъ, сладострастныхъ окаменѣвъ выгибахъ, крутились сатанаилы вокругъ жертвенника черными языками огня... Охватывали Неонилу гремящимъ смертоноснымъ буруномъ...

— Тяготу—маешь?.. — глухо, сквозь жуть и вихрь припадалъ къ разметавшимся грудямъ Неонилы, крѣпкимъ и жаркимъ, Вячеславъ.

Совалъ ей въ руку ножъ, крича свирѣпо:

— Крѣпче держи!..

Молча та брала косой смертный ножъ. Гремѣла имъ грозно, сыпля огонь. И колотилась, сотрясаясь въ кровавомъ бурунѣ страсти... А надъ изгибающимся крестомъ ея рукъ бѣлыхъ, застывъ въ ледяномъ огнѣ, ангелоподобный маячилъ отрокъ, готовый принять страсть и смерть...

Когда, черные надъ головами взметнувъ саваны, завихрились, зазмѣились сатанаилы сладострастными сверлами-взглядами и жуткими выгибами, въ объятья огненныя крестообразныхъ Неонилиныхъ рукъ, сгорая, нѣжный упалъ овѣянный желтой пѣной кудрей отрокъ.

И вскрикнула страшно и страстно Неонила, смертно замкнувъ въ сады свои знойное отроческое тѣло... И застогла:

— А-ахъ... Ме-рть мо-я-а!..

Передъ поруганнымъ, опрокинутымъ распяті-

емъ, на жертвенникѣ сатаны, подъ лютый вой, шопотъ и маету сатанаиловъ, огненноблѣдные слились отрокъ и духиня, въ предсмертномъ трепетѣ страсти закрывшіе глаза.

Неонила, кривой держа въ правой рукѣ ножъ, смертельно жгла кровяными своими ласками, объятьями и поцѣлуями замученнаго отрока... Въ хаосѣ огня и крови корчилась...

А Вячеславъ, передъ жертвенникомъ упавъ на колѣни, завылъ псомъ жуткій вой полночи:

— Хва-ла-а!..

Те-бѣ,

Ма-ти—пусты-ня—но-очь,

Ма-ти—воля...

Хва-а-ла-а...

Когда Вячеславъ и монахи притихли Неонила, дрогнувъ, со всего размаха ударила любимаго своего въ сердце. И раскинулась передъ нимъ мертво...

Встрепенулся чистый, бездыханный отрокъ подъ ножомъ, простерши руки вытянулся во весь свой юный ростъ да такъ и застылъ...

Желтый зловѣщій свѣтъ отливалъ на свѣтлыхъ кудряхъ его жженымъ золотомъ...

Безумный Вячеславъ и суглобые, чадные, зловѣще молчаливые друзья его — сатаинилы, подставивъ низкую желѣзную чашу подъ хлещущій изъ подъ отрока кровавый потокъ, собирали кровь. И выли:

— Здра-вствуй, воля безмѣрная!..

Отецъ!.. Кровь тебѣ приносимъ! Сокруши, отецъ, окаяннаго!.. царя рабовъ... и свѣтъ... отецъ!.. Побѣди!..

Изъ щелей бурыя выползали змѣи. Окунувъ юркія головы въ чашу, лакали кровь...

А за ними, припавъ съ оскаленными зубами и сухими высунутыми языками остервенѣло къ чашѣ, пили горько-соленую липкую кровь сатанаилы...

Черезъ два дня, въ пасхальную ночь, торжественно и величаво, въ древнемъ соборѣ, въ бѣлыя облачившись ризы, правилъ Вячеславъ свѣтлую заутреню. Свѣтъ и побѣду жизни надъ смертью пѣлъ... Но сердце его полно было зововъ тьмы.

II.

За потайнымъ чертовымъ скитомъ, въ дремучемъ лѣсу, въ пещерѣ, охраняемой красносмертниками и злыдотой, загадочный жилъ прозорливецъ-затворникъ.

Потому-то и прятались сатанаилы въ чертовомъ скату. Откройся тайна Загорской пустыни — имъ не сдобровать: красносмертники-душители съ злыдотой разнесутъ монастырь въ пухъ и прахъ, монаховъ же попередушатъ отъ перваго до послѣдняго.

Точило Вячеслава... Такъ ли ужъ страшенъ затворникъ? Не бабьи ли это только росказни?..

Набравшись храбрости, поѣхалъ игуменъ, переодѣтый послушникомъ, на мужицкой телѣгѣ, въ дремучій лѣсъ взглянуть на ненавистнаго прозорливца хоть мелькомъ.

Въ проходѣ передъ глухимъ окномъ толпились мужики. Низкій, юркій, растолкавъ посохомъ толпу, подошелъ къ окну Вячеславъ. Подалъ сладкій голосокъ:

— Какъ спастись... отче праведный?..

Но, смутно маяча въ пещерѣ, за окномъ темной тучей волосъ, молчалъ заросшій мхомъ затворникъ зловѣще и грозно.

Извиваясь, отскочилъ согнутый Вячеславъ отъ окна. Спряталъ сучьи глаза подъ бѣлесыя рѣсницы... Пробурчалъ робко:

— Я ничего... Я такъ.

А затворникъ молча раздавалъ толпившимся у окна мужикамъ ломти чернаго хлѣба и крынки ключевой живоносной воды.

Въ глушь дикаго лѣса шли отъ пещеры потайные подземные ходы, соединявшіе затворника съ далекой лѣсной пашней, затерянной въ непроходимомъ темномъ бархатѣ хвои, заросшую травами ароматными тучную свѣжую землю взрывалъ затворникъ тяжелымъ заступомъ. Разбивалъ бивнемъ глыбы и сѣялъ озимь—рожь и ячмень.

Хлѣба выростали обильные, пышные и чистые, словно золото. Затворникъ убиралъ рожь и ячмень. Обмалачивалъ цѣпомъ и мололъ на ручномъ жерновѣ. Въ пещерѣ пекъ хлѣбъ. Въ весеннія зори раздавалъ его изъ глухого окна приходящимъ, исцѣляя болѣзни и недуги.

Подъ крѣпкими вѣковыми кореньями сосенъ у пещеры билъ живоносный бѣлый ключъ. Изъ ключа черпалъ затворникъ воду цѣлебную. И, разливъ въ тыквины, раздавалъ изъ окна страждущимъ и недугующимъ.

Источника живой воды, какъ и хлѣбодатной цѣлины, никто не зналъ. Міръ не вѣрилъ, что и хлѣбъ жизни и живоносная вода — суть плоды родной людямъ земли, а не безстрастнаго и безвѣстнаго неба. Не вѣрилъ-же міръ земли оттого, что затворника почиталъ сыномъ неба, дерзнув-

шимъ соединить небо и землю, земныхъ съ небесными.

Когда въ гнѣвѣ и ярости Сущій повелѣлъ навѣки умертвить Сына земли, Сына Человѣческаго, спасавшаго міръ любовью, вѣстникъ неба, ослушавшись Сущаго, пощадилъ великаго праведника. И, взявъ его воскресшимъ отъ земли, соединилъ небесныхъ съ земными, духъ съ плотью, любовь съ ненавистью. За дерзновенное ослушаніе, свергнулъ Сущій сына неба на землю, гдѣ оставилъ его безсильнымъ и отверженнымъ...

Но это только и нужно было ему. Ибо липкую, росную полюбилъ онъ ароматную землю и ея низины.

Въ весеннія зори, въ пещеру уходящую подъ корнями вѣковыхъ сосенъ въ неизслѣдимыя нѣдра земли стекались къ затворнику кликуши, недужные, больные, разслабленные, отверженные, нищіе, калѣки.

Подъ обрывами въ душныхъ приходахъ пещеры толпы кишѣли, словно муравейники. Въ толчеѣ больные задыхались, падали въ обморокъ. Но надъ ними, вверху молодые туманы цвѣли, ароматы хвои съ зеленымъ свѣтомъ смѣшивались и багряныя надъ вершинами кровавились зори...

Изъ сумрака смерти нетлѣннымъ загоралась жизнь свѣтомъ...

Въ навьи проводы въ гулкій подземный сводъ затворниковой пещеры разстроенный и больной пришелъ Никола. Могутными растолкалъ широкими плечами недужную, охающую толпу.

Гукнулъ рѣзко и гнѣвно, такъ что стѣны прохода зазвенѣли, словно мѣдь:

— Душно!.. Никто меня не успокоитъ!.. Ни-

какіе затворники!.. Га! Гдѣ гнѣвъ Бога?.. Гдѣ месть?.. Эй, жулье!.. Отвѣчайте!.. Хорошо вамъ жить или нѣтъ?.. Пойдете въ битву съ двуногими?..

Въ кучкѣ стариковъ у стѣны вѣялъ пургой Поликарпъ, вѣще и слѣпо улыбаясь въ широкую. длинную, ниспадающую на грудь, словно каскадъ, бороду.

— Микола?..—шаршавыя протягивалъ онъ, пахнущія полынью и рыбой руки:—Хо-хо!.. Все къ радости сердцо!.. Ненилу украли, а я радуюсь... Марія ушла, а я веселюсь... Мукамъ веселюсь, такъ-тось!.. И некому мене и мстить... Микола... Плюнь!.. Я и пошелъ бы въ битву какую, да на кого пойду?.. Хо-хо!.. Менѣ равнаго подавай!.. А объ шушеру не хоцца рукъ пачкать... Пропадаетъ сила моя задаромъ, сердцо!.. Ты ча тутъ?..

Обнималъ радостно и горячо Николу. Трясъ его за плечи любовно. Цѣловалъ въ макушку. А Никола, горько опустивъ голову, маялся:

— Гдѣ Люда?.. Нѣту Люды!.. А безъ Люды мнѣ и жизнь не въ жизнь, дѣдъ!.. И не жалко было бъ, коли бъ съ Крутогоровымъ однимъ она путалась... А то... Эхъ!.. Дѣдъ!.. Душно!.. Нѣту мнѣ мѣста на землѣ!..

— Хо-хо! Огонь мой?.. Людмила?..—блестѣлъ бѣлыми крѣпкими клыками лѣсовикъ:—Никому ей не понять, Микола... Земля—радость?.. И Людимила радость!.. А и муки... Кого полюбитъ Людимила, того и замучитъ... Такъ-тось!.. А ты какъ хотѣлъ?.. Безъ мукъ—штотъ то за радость! Шалтаютъ, на небѣ радость... рай... Нѣ! такого рая, какой даденъ на землѣ, не получить ужо на небѣ... Безъ мукъ ежели это для мене будетъ не рай... а тошнота!.. Такъ-тось... Земля—веселіе! Хо-хо!

— Дыть, земля у госпотъ уся?.. — фыркнулъ сзади оборванный какой-то, свирѣпый мужикъ:— Ить насъ не пускаютъ по госпотской землѣ ходить!.. А коли ежели земли нѣту, какая тутъ жись, а?..

— Земля—будетъ!..—лихо взметнулъ бѣлой гривой Поликарпъ:—Хо-хо! Будетъ гладъ, трусъ, моръ, война... а потомъ земля!.. Ей, хлѣборобы... Радуйтесь, Веселитесь!.. Земля—радость!

Низкая, юркая старуха съ горящими, выжженными солнцемъ глазами, подвернувшись молчкомъ, вцѣпилась въ широкую лѣсовику бороду. Заверещала:

— У-у, слѣпой чертъ... грѣховодникъ!.. У раю хрустальны дворцы... золоты палаты... Молочны да медовы рѣки... А туто што?.. Што мы туто видимъ, а?..

— Хо-хо-хо!..—захохоталъ Поликарпъ, поднявъ густыя сѣдыя брови, нависшія надъ черными пустыми ямками, словно лѣсъ:—Выжги сабѣ глаза... Вотъ и увидишь... Чудо увидишь!.. Такъ-тось. А золото ето да хрусталь вылетитъ у тебе изъ головы... Како тако золото?.. Хрустальны палаты?.. Слышь, шумитъ-гудетъ уверху?.. Вотъ те и палаты!.. А запахи чуешь сердцомъ?.. Тутъ тебѣ и рай...

Свѣтло и радостно улыбаясь, посадилъ старуху, бережно къ стѣнѣ. Взялъ сѣдую ея крохотную голову въ огромныя свои мозолистыя руки. Поцѣловалъ ее въ макушку, закрывая лицо ея бѣлой широкой бородой, пересыпанной рыбьей чешуей и тминомъ...

— Такъ-тось, старухъ!.. А и то хорошо, што ты на небѣ рая ждешь... Хорошо!.. Коли люди

маются, тоскуютъ опъ царствѣ... иншемъ... Хо-хо! Тутъ радость есть... Ухъ. И радъ же я!.. Всему радъ... Ухъ!..—ухалъ неугомонный, веселый, вешній кудесникъ, древней землей вѣя и запахомъ дикихъ лѣсовъ.

За проходомъ, толпы кликушъ смятеннаго, бушующаго Николу облѣпивъ, рвали его за ковнерь остервенѣло. Бредили:

— Ай!.. Красавчикъ!.. Царевичъ!.. Ай, цалуй!.. Горячѣй!..

— Га-а!.. Жулье!.. — гремѣлъ, люто метаясь подъ душными срывами и глузжа кулакомъ кликушъ, Никола: — Все кровопивство!.. Собрались идить на двуногихъ... А идить не съ кѣмъ!.. Всѣ рабрелись... Эхъ, Крутогоровъ, Крутогоровъ! Затѣялъ ты, да... эхъ... Земли!.. Земли! чертъ вахлатый!..—совалъ онъ въ грудь соннаго косматаго мужика:—Земля, думаешь, сама къ тебѣ придетъ?.. Землю надо взять!.. Коли пойдутъ мужики на города... сокрушатъ живоглотовъ—будетъ земля!.. А такъ, не будетъ до скончанія вѣка!.. Чего губы развѣсилъ, мурло? Мѣдюлянъ! Га! Съ бою, говорю, надо взять, землю-то!.. Ракло!

— А ты ча лаешься?—сонно водилъ мужикъ впалыми, мутными глазами: — Ето бъ надо вумственно... Што бъ безъ смертовбивства... безъ озорства... може земля и досталась бы намъ... А то, баютъ, и въ Думѣ таперь собрались озорники... На царя лаются... Ну, царь оттово земли и не даетъ... Надо бъ тишкомъ да ладкомъ... А ужо, коли ладомъ не дадутъ... можно и съ смертовбивствомъ... Вумственно надо только ето...

Никола, въ упоръ глядя на мужика, молчалъ,

угрюмый. И вдругъ, сорвавшись, загрохоталъ, словно громъ:

— Га-а... Его душатъ, а онъ тишкомъ да ладкомъ... У-у, шишига лѣсная! Кру-ши-ть! Га-а!.. Взорвать проклятую эту планиду!.. Сжечь!..

Въ далекой и темной глуби пещеры рдяный вспыхнулъ огонь. Больные и одержимые, задыхаясь, давя другъ друга и карабкаясь по уступамъ пещеры, двинулись къ глухому окну затворника.

А изъ-за окна, сквозь сумракъ, прорѣзываемый красно-зеленымъ свѣтомъ лампадъ, изъ невѣдомой застѣнной пещеры, откуда слѣпымъ и жуткимъ несло холодомъ, вахлатый, черный, обросшій мхомъ затворникъ подавалъ древній невѣдомый голосъ:

— Кто мнѣ вѣритъ?.. Кто меня любитъ?.. За мною!.. Въ низины!.. То-то любо будетъ!.. Въ сердцевину земли!..

Толпы, притаивъ духъ, молчали сокрушенно. Не шевелились. Только сонный мужикъ сзади робко и низко кашлянулъ:

— О-о-о... На небѣ былъ... Въ самомъ, что ни на есть, Божьемъ чертогѣ... А и въ землю прострунулъ... Къ нашему брату мужику... Вумственно надо объ этомъ говорить!..

— Любите сердце земли!—суровый и вѣщій раздавался въ глубинѣ пещеры кликъ:—Кто не познаетъ земли, тотъ не увидитъ и неба... Не бойтесь зла! Не бойтесь ненависти! Это зажигаетъ любовь... Вы мнѣ вѣрите?.. Дѣти!.. Вѣрьте всему и всѣмъ... То-то любо будетъ!.. То-то вѣрно...

Неугомонный Никола могутными ломалъ, крѣпкими руками острые выступы камней во-

кругъ окна, брызгая на стѣны горячей раскрытой кровью..-

— Га-а!,. Не в-ѣрю!..—маялся онъ:—Все кровопивство!.. Ты тутъ пособралъ къ себѣ народъ... А Крутогоровъ... съ кѣмъ пойдетъ!.. Ты слыхалъ про Крутогорова?.. Живоглотовъ идетъ Крутогоровъ крушить!.. Двуногихъ... Тебѣ это любо, али нѣтъ?..

— Крутогоровъ—сынъ мой родной!..—дрогнувъ сердцемъ, вскрикнулъ затворникъ глухо:— Крутогоровъ и я—одно. Благословляю его на битву! Духъ мой съ нимъ всюду...

Уткнувшись русой окровавленной головой въ окно, впился Никола раскаленными налившимися кровью глазами въ чернаго обросшаго затворника:

— А Люда?.. Жонка Крутогорова? Не вѣрю!.. Кто ты такой, штобъ тебѣ вѣрить?..

Въ блѣдномъ сумракѣ ближе земляной, замшѣлый затворникъ подступалъ къ окну, застя собой зеленый свѣтъ лампадъ и вѣя древними снами:

— Я—предтеча Свѣтлаго Града!.. А путь ко Граду—черезъ низины... Я—духъ низинъ!

Больные, встреценувшись, вздохнувъ тяжко, отхлынули отъ глухой стѣны съ окномъ. Никола же, круша крѣпкими руками каменья, просовывалъ взвахлаченную голову въ окно. Сверлилъ раскаленнымъ синимъ своимъ взглядомъ черный взглядъ затворника — что-то вѣще знакомое и близкое чуялось ему въ этомъ взглядѣ—и пыталъ страхоту, обросшую мхомъ и землей:

— А ты вѣришь?.

— Вѣрю...

— Въ Сущаго... вѣришь?.. Въ Бога?..

— Въ Него, можетъ, и не вѣрю... — жутко и древне вѣщувалъ затворникъ:—Но Ему—вѣрю!..

Гремѣлъ Никола изступленно, и страшно, обводя толпу гнѣвнымъ горящимъ взглядомъ, а пальцами указывая на затворника:

— Га-а... Не вѣритъ и самъ... Жуликъ!.. Отцомъ Крутогорова называетъ себя... Убью-ю!..— Метался онъ у окна и рвалъ на себѣ волосы, перепачканные кровью: Эй, отвѣчай! Кѣмъ намъ быть?..

— Богами! — древній шелъ изъ глубины пещеры глухой голосъ.

Притихъ вдругъ Никола. Отошелъ отъ окна, сраженный. Сжалъ голову.

Въ брахлѣ, въ вонючихъ лохмотьяхъ копошились по уступамъ прохода больные, разслабленные. Мужики подымали ихъ. Подносили къ окну, откуда подавалъ вѣщій затворникъ ломти хлѣба и кринки живоносной воды.

Въ толпѣ все также корчились и бѣсновались кликуши. Никола молчалъ. Ибо вѣщая поразила его, великая тайна затворника...

Съ тревожнымъ, что-то роковое заслышавшимъ Полакарпомъ Никола вышелъ въ чертополошье поле. За глухимъ старымъ терновникомъ, съ ними разставалось сонное растрепанное мужичье.

— Крутогорову отъ насъ поклонъ всѣмъ міромъ!—кланялись въ поясъ бородачи:—Да. И Людмилѣ Поликарповнѣ! Кабы то землю отбить у животоглотовъ!

Дикій вѣтеръ, вырвавшись изъ-за терновника, рвалъ на нихъ спутанные, пыльные волосы, трепалъ свирѣпыя бороды, развѣвалъ полы зипуновъ...

— Эхъ! Россія!..—махнулъ гнѣвной рукой Никола:—Не сдобровать тебѣ съ твоимъ мужичьемъ...

И повернулъ на шляхъ, не простившись съ земмяками.

— Серцо!.. Куды жъ ты!..—шагалъ за нимъ, вѣя сѣдой вьюгой, лѣсовикъ:—Хо-хо! Менѣ тулько до монастыря... А тамъ Егорка ждеть... поводырь! Не знашь, будемъ говорить, чѣмъ обрадовалъ ты... а коли бъ узналъ...—улыбался въ бѣлую, развѣваемую вѣтромъ, бороду Поликарпъ, догоняя Николу:—Хо-хо! Ты не устрашился того, кого и Богъ устрашился!.. А?.. Богъ сложилъ оружье духа... Такъ тось. А ты—нѣтъ!.. Передъ затворникомъ-то.

Шли по берегу шляха, заросшаго боярышникомъ, молочаями и чертополохомъ. Поликарпъ, спотыкаясь о засохшія старыя колеи и стуча грушевымъ посохомъ, клокоталъ глухо:

— Тулькъ тебѣ, серцу мому открою ето... Тайна сія велика есть... А, чать, затворникъ и тутъ тяготу эту распускаетъ... Хо-хо! Зло грыть дѣлають, вольно аль невольно—всѣ... Не вольно, можетъ, больше, чѣмъ вольно... Иншіе и не знаютъ о злѣ сномъ-духомъ... а дѣлають... Вотъ и долженъ грыть всякъ муки отъ духа несть... Тади Градъ обряшшемъ... А всешь, мудруетъ онъ больно. Глаза бъ ему нужно выжечь себѣ... Зрячъ больно!..

Но все же затворника любилъ Поликарпъ. Только вѣрилъ неколебимо, что никакого зла, какъ и блага, нѣтъ. А есть нутро, жизнь. Это-то и нужно брать. Безъ жизни, съ благомъ-то, добромъ, или зломъ—тошнота, смерть... А все—отъ губящей жизнь зрячести. Ее-то и нужно искоренять.

Тревожно молчалъ Никола и вѣще. Поликарпъ все также глухо клокоталъ что-то позади, стучалъ о сухую землю посохомъ. Весело да лихо покрякивалъ.

Когда уже темнымъ вечеромъ подошли путники къ оградѣ Загорскаго монастыря, на старой зубчатой бойницѣ караульщики заколотили въ чугунную доску. За воротами тревожные вспыхнули огни. У каменной стѣны вкрадчивыя зашмыгали согнутыя фигуры монаховъ.

— Кто идетъ?.. Говори, эй, не спи!..—грозно окликалъ изъ-за воротъ стражникъ: — Изъ Знаменскаго?.. Назадъ!

Загрохоталъ глухо замокъ. Желѣзную клѣтку стражникъ заперъ наглухо.

Въ сумракѣ, на-ощупь, подъельникъ разбитые побрели путники. Но лихо стучалъ о коренья костылемъ лѣсовикъ:

— Эка! Таперь кажный кустикъ ночевать пуститъ...

Подъ елями въ темнотѣ возилось что-то и кряхтѣло, тупо и гнусно переругиваясь. Должно быть, укладывались побирайлы.

Въ рваномъ зипунѣ и разбитыхъ лаптяхъ на мягкомъ сѣдомъ мху раскинувшись, задралъ на еловый сукъ Поликарпъ ноги. Гикнулъ и свистнулъ,—матерой залихватъ, да и только:

— Хо-хо! Экъ! Тутъ тебѣ и хоромы!.. Тутъ тебѣ и рай!.. А завтря откутаютъ и ворота... Утро вечера мудренѣе!

Въ ельникѣ, жутко развѣвая полами чекменя, пропалъ Никола.

А около Поликарпа шмыгали уже монастыр-

скіе слѣдопыты. Настырно что-то жужжали ему въ уши. Тащили за полы зипуна.

— Да отлѣзь, погань! — огромными бодаясь осметками, гудѣлъ лѣсовикъ:—А? Што?..

— Откеда, дѣдъ?..—суетились слѣжки:—Опрашивать велѣно... Давно ты тутъ?.. А пачпортъ есть?.. На что! На что! Надо!.. Встань-ка!.. Тебѣ говорятъ?

— Отлѣ-зь!..—гукнулъ Поликарпъ сердито:— Рас-шибу!..

Завернулъ въ зипунъ голову. Зажмалъ уши корявыми пальцами И, путаясь въ ускользающихъ обрывкахъ яви, поплылъ въ голубой провалъ сна...

Въ полночь въ еловомъ лѣсу загудѣла буря. Подъ темными, лапчатыми, подвѣваемыми ночнымъ вихремъ, вѣтвями, раздѣтое, въ замашной рубахѣ тѣло Поликарпа тряслось и костенѣло отъ холода... Въ лицо било колкое что-то и мокрое: шелъ липкій снѣгъ...

Гдѣ-то вблизи глухо барахтались охая и кряхтя, пьяные какіе-то хрипачи, должно быть побирайлы, застывшіе на бую...

Въ воѣ вершинъ, съ пыткой, а поднявшись, ощупью набрелъ Поликарпъ на стволъ огромной ели. Припалъ отъ бури къ стволу. Растеръ о кору окостднѣвшія руки.

Въ лѣсу протяжный и страшный ахалъ буюнъ. Поликарпу чудилось, что сонъ все-таки не прошелъ: весна, цвѣты, лѣсные запахи и—снѣгъ...

III.

За день передъ тѣмъ, какъ придти Поликарпу въ Загорскую пустынь, въ глухую полночь въ

безоконномъ чертовомъ скиту черную служилъ Вячеславъ литургію на живой человѣческой крови...

Кровь разжигала монаховъ-сатанаиловъ. Изъ чертова скита перли они прямо въ слободку къ гулящимъ дѣвкамъ.

Вячеславъ же, пьяный отъ крови и отъ человѣческаго жира, шелъ къ себѣ въ монастырь, въ потайную келью...

Въ кельѣ, увидѣвъ его, ярыя потаскушки въ дикомъ порывѣ похоти бросались на него, донимая кровавыми своими ласками и поцѣлуями взасосъ, да въ прикуску, языкъ подъ языкъ...

А трясущійся, разгоряченный Вячеславъ, остервенѣвъ, сразу же, на порогѣ кельи схватывалъ оголенныхъ барынекъ поперекъ. Валялъ на полъ. Съ дикимъ ревомъ сѣкъ ихъ, извивающихся, розгами изъ засушенныхъ березовыхъ вѣтокъ—сладострастно и яростно, до густыхъ кровавыхъ потоковъ...

Подъ ѣдкими огненными ударами въ смертной палящей боли корчась, грызли себѣ потаскушки руки... Рвали свое тѣло, изсиня-красными, кровавыми шматьями повисшее на ляжкахъ и ягодицахъ... Но молчали, судорожно сжимая стучащіе зубы...

Кровь ручьями текла по ягодицамъ, по спинамъ... Но потаскушки терпѣли, да и было за что: монастырскую казну давно уже посулилъ имъ игуменъ, а сегодня былъ послѣдній срокъ. И онѣ старались...

А Вячеславъ, съ засученными руками и высунутымъ языкомъ, рубилъ и рубилъ, глухо, свирѣпо рыча. Жадно ловилъ нѣмые, протяжные хрипы... Насыщалъ слизлую душу свою навѣки: вѣдь сегодня былъ послѣдній срокъ...

— Добирай!..—сипло гнусили дѣвки:—Ну, и мздужъ выставляй на конъ! Сейчасъже...

Передернуло вдругъ Вячеслава, холоднымъ обдало потомъ: а гдѣ жъ взять мзду потаскушкамъ? Казна монастырская у казначея, да и пуста она. Повѣрить дальше не повѣрятъ... Удушатъ, стервы, коли узнаютъ, что платить ничѣмъ... Надо улепетывать.

Бросивъ подъ столъ красные отъ крови прутья и узкіе закативъ подъ лобъ мутные зрачки, юркнулъ, точно воръ, Вячеславъ въ порогъ... Но дѣвки, все также душно хрипя и ползая на корячкахъ, загородили голыми своими, изсиня-багровыми тушами дверь, будто нечаянно, а вовсе нарочно, чтобъ не выпустить игумена. И уже прижимались къ нему ласково, облизываясь. Подставляли наперебой, не жалѣя, еще не окровавленныя плечи, руки, груди. Богатой ждали мзды и не шевелились, не дышали: старались. И только, когда Вячеславъ, пригнувшись и сжавшись въ комокъ, прыгнулъ козломъ черезъ тѣла къ щеколдѣ, вздыбились дѣвки:

— Эй, батько, деньги! Не уйдешь! На днѣ моря достанемъ.

Глухо Вячеславъ охнулъ, хватаясь за бокъ и присѣдая:

— О-охъ... Мзды нѣту...

— Ага, чертъ долгогривый!..—понесли потаскушки, вцѣпившись въ полы игуменовой мантіи.—Срокъ-то пришелъ!.. Жи-во!.. Казну монастырскую!..

— Деньги! А то сейчасъ на дворъ выбѣжимъ! Голыя!

— Пришли молъ... на исповѣдь .. А онъ—сѣчь?..

— На висѣлицу молъ его!.. Жульничать, курвель?..

— Я ничего... Я такъ...—чмыхалъ Вячеславъ, тревожно и юрко озираясь.

Жгло у него подъ сердцемъ, точило: некуда уйти. А и уйдешь, такъ повѣсятъ. Подымутъ дѣвки бузу, голыя выбѣгутъ на народъ—съ нихъ сдѣется! А отъ мужиковъ, извѣстно, спасенья нѣтъ.

— Казну!—напирали потаскушки.

— Деньги?.. А ежели... брильянты?—трусился Вячеславъ:—Чего взъерепенились?.. Мзду достану... У казначея... у черта... а достану! Подождите тутъ...

Осторожно, прячась отъ дѣвокъ, досталъ въ сундуку громадный ключъ отъ собора. Взялъ въ углу желѣзный посохъ и вышелъ, прикрадаясь, изъ кельи. Дѣвки слѣдили за нимъ зорко.

Когда въ тусклоосвѣщенную каменную сторожку, придѣланную къ собору сбокъ алтаря надъ низкой чугунной потайной дверью, вошелъ Вячеславъ, навстрѣчу ему лежавшій на лавкѣ краснобородый Андронъ загудѣлъ спросонья:

— Хто тамъ? Аль дубины отвѣдать захотѣлось?.. Што тебѣ?

— Поговорить съ тобой надо...—стрѣльнулъ Вячеславъ сучьими своими щелками по стѣнамъ:—Ты не спалъ?.. Ать?..

— А соборъ караулить кому жъ?..—сердито гукнулъ Андронъ:—Подковыривай!

— Яжъ тебѣ кусокъ хлѣба далъ... Перезвалъ сюда... — зафыркалъ Вячеславъ, стуча желѣзнымъ посохомъ о полъ...—А ты... все фордыбачишь!

Темнымъ и недобрымъ сверкнувъ взглядомъ, загрохоталъ Андронъ глухо, отрывисто:

— Песъ!.. Кусокъ хлѣба!.. Ты думаешь... счево я пошелъ въ монастырь?.. Съ жалости къ табѣ! Смердь. Тяжко на твоей хваленой волѣ то вижу... Ну, да я облегчу!..

— Ты потише то! Душитель!.. Я давно до тебя добирался!.. — ощетинившись, загремѣлъ вдругъ Вячеславъ желѣзнымъ костылемъ:—Вонъ отюда...

Андронъ, поднявъ голову, тряхнулъ мѣдной широкой бородою грозно. Бѣлые уставилъ на Вячеслава, острые какъ буравцы зрачки. Подскочивъ на аршинъ и крякнунъ, схватилъ вдругъ его за плечи. Притиснулъ желѣзными корявыми руками къ дивану, давя за горло.

— А-а... — задыхаясь, пустилъ подъ лобъ мутные глаза Вячеславъ.—Подожди-жъ... Духъ жив...

И, взметнувшись, нырнулъ подъ диванъ, оставивъ въ рукахъ Андрона гряную желтую косичку.

— Соборъ хотѣлъ обчистить? Я те обчистю!.. глухо дыша, грохоталъ Андронъ:—Ну, да это-жъ твоя красная смерть. Все равно прикончу!..

— Духъ... живетъ, гдѣ хощетъ...—стучалъ изъ подъ дивана Вячеславъ зубами:—Я ничего... я такъ... Не губи! Андронъ... Ты жъ мнѣ братъ...

Грузно Андронъ полѣзъ за нимъ, держа на готовѣ свернутую изъ полотенца петлю и гудя глухимъ гудомъ:

— Пошла душа въ рай... Такъ и надо, штобъ въ рай... Брыкайся, песъ!.. Объ тебѣ жъ пекусь!..

Вячеславъ, словно мячъ, выскочилъ изъ-подъ дивана. Съ оскаленными залитыми кровью зубами и высунутымъ языкомъ, посинѣлый, дико кося глаза, размахнулъ гулкій свой костыль и со всѣхъ рукъ ахнулъ по головѣ Андрона. Глухо тотъ какъ

то и сипло, коротко крякнулъ. И притихъ. Подломившись упалъ навзничь... Побѣлѣвшее, веснущатое съ пустыми раскрытыми глазами лицо и огненная борода бурой облились рудою.

Подобравъ костыль, прислушавшись, не идетъ ли кто, уткнулъ Вячеславъ въ брата узкія щелки глазъ... Кровь била изъ расколотой головы черной пѣной. Острые бѣлые глаза еще горѣли, но уже были неподвижны. Дрогнуло что то въ сердцѣ слѣдопыта... Брата убилъ! Но и потухло... Эка! Не на товѣдь волю вольную далъ. Тьмяный чтобъ разбираться, что можно, а что нельзя... Все можно!.. Не Вячеславъ бы убилъ Андрона—такъ Андронъ удушилъ бы Вячеслава. Не Вячеславъ бы прикокошилъ брата—такъ все равно красносмертники повѣсили бы его. Не вынесъ бы онъ тяготы. Задушилъ бы десятокъ-другой, а и его задушили бы... А теперь Вячеславъ рѣшивъ Андрона, спасъ его отъ пекла, себя же—отъ рая,—этого страшилища, этой тюрьмы свѣта, куда сатанаилъ попадетъ развѣ за особыя провинности передъ Тьмянымъ...

Бѣлые мертвые глаза Андрона вдругъ повернулись. Въ груди что то прохрипѣло, оборвалось... Залитыя рудой подъ мѣдными усами синія губы раскрылись шире и мертвѣе, показавъ бѣлые крѣпкіе зубы.

Шибко забормоталъ надъ нимъ Вячеславъ отходную, крестя его и поднося къ губамъ его выхваченную изъ-за пазухи какую то ладонку...

Перешагнувъ черезъ трупъ, отомкнулъ низкую чугунную дверь. Вошелъ въ алтарь, прикрадаясь и не дыша...

Темные низкіе своды давили, какъ могильный

камень. Одинокіе шаги глухо и жутко отбивались въ пустомъ, душномъ придѣлѣ. Въ сумномъ, почти подземномъ низкомъ соборѣ странныя какія-то ходили тѣни, укутанныя въ саваны... А на престолѣ, чернозеленыя раскрывъ крылья, облитыя едва зримымъ адскимъ багровымъ огнемъ, возсѣдалъ Тьмяный.

Слизлое сердце Вячеслава колотилось, задыхалось въ нудѣ смертной... Но и отходило: Тьмяный сильнѣе Сущаго—съ Тьмянымъ можно смѣло ходить по святому собору въ страшный полуночный часъ...

За колонной тихій блеснулъ вдругъ голубой свѣтъ лампады. И изъ-за него строгій выглянулъ ликъ Спаса Нерукотвореннаго въ терновомъ вѣнцѣ, надъ царскими вратами...

Похолодѣли у Вячеслава жилы... Ноги подкосились... Скорбный страдный ликъ, чудилось, настигалъ его, чтобы наказать смертною и ужасною карою... Но лампадка тихо и кротко теплилась голубымъ огонькомъ и подъ сводами плавала тишина.

Полночныя шепча Тьмяному хвалы, подошелъ Вячеславъ, не помня какъ къ вратамъ. Окинулъ икону въ ризѣ съ драгоцѣнными каменьями... И чтобы видѣлъ возсѣдавшій на престолѣ зеленокрылый, что не пѣть хочетъ, а хулить образъ—плюнулъ въ него остервенѣло, отрекшись отъ Сына свѣта трижды.

— Отрекохся!.. Никто мнѣ ничего не сдѣлаетъ... Я—на вольной волѣ...—трясясь отъ собственнаго жуткаго голоса, вылъ Вячеславъ:—А-а-а-а... Отреко-хся!.. Тьма—выше свѣта! отрекаться!

Кружась, бурой извиваясь гадюкой спустилъ

на лентѣ старый рѣзной кивотъ... Досталъ тряскими, какъ бы чужими руками ликъ... Ломая крючки и обрѣзывая пальцы, содралъ съ него золотую съ каменьями ризу. А ликъ швырнулъ на полъ...

За престоломъ, въ темнотѣ, завернулъ ризу въ полы подрясника. Вкрадчиво, дробной кошачьей поступью шмыгнулъ въ низкую дверь, въ сторожку, и перешагнувъ черезъ валяющійся на порогѣ, залитый рудою трупъ брата, ушелъ, никѣмъ не увидѣнный, какъ будто его въ сторожкѣ никогда и не было.

Въ кельѣ, потаскушки, окровавленный увидѣвъ въ рукахъ Вячеслава посохъ, переполошились. На спѣхъ, кое-какъ одѣвшись, разбѣжались, куда попало...

А Вячеславъ впервые, должно быть, понялъ, что сдѣлалъ что то непоправимое, за что, точно, повѣсятъ... Кровавый костыль, ризу, разодранный, забрызганный кровью же подрясникъ сунулъ онъ въ подземный, задѣланный въ углу люкъ, куда прятались награбленныя деньги, лики, Тьмянаго и свертки съ записанными ему хвалами. И уткнулся въ диванъ, пытаемый черными давящими кошмарами...

За глухой каменной перегородкой спала битымъ сномъ больная, изрубленная Неонила.

На завтра монастырскій лѣсъ охватили кутившіе въ слободкѣ стражники, шныряя по логамъ и ища убійцъ-разбойниковъ.

Монахи ободранный ликъ Спаса вложили въ кивотъ. Отслужили слезный молебенъ, да обращется риза...

Днемъ не нашли ризы.

За полночь, передъ разсвѣтомъ поднялась лютая буря. Надъ монастыремъ, клубясь, ползли безъ конца сѣробурыя тучи... Повалилъ снѣгъ. Засыпалъ сочную молодую мураву.

А на разсвѣтѣ монахи на чистой нетронутой скатерти снѣга отъ собора до кельи игумена нашли свѣжій слѣдъ.

Кинулись къ Вячеславу. Тотъ передъ лежащимъ на аналоѣ ликомъ Спаса Нерукотвореннаго исповѣдывалъ Неонилу. Остолбенѣли монахи.

— Откуда... Спасъ?.. Соборъ вѣдь запертъ...

— Не видѣте, исповѣдую?..—буркнулъ Вячеславъ, глядя исподлобья на монаховъ.

— Давно пришла, каяться-то?—схватилъ Неонилу за рукавъ осадистый какой-то схимникъ:—Ризу съ любовниками-бродягами содрала... мужа укокошила... А теперь каяться?.. Подобрала ключи... такъ думаешь, и Спаса обведешь?.. Анъ Спасъ то и проложилъ слѣдъ... Вѣдьма проклятая!..

— Къ иродову столбу стервугу!..—заревѣли монахи.

Подхватили израненную, оглушенную, поблѣднѣвшую, какъ смерть, Неонилу. Поволокли на дворъ, топча ее колѣнями.

— Охъ, да чито жъ ето...—затряслась несчастная духиня, расползаясь на снѣгу въ крови и холодномъ поту:—Да што жъ ето... Уби-ла.. Батюшки!.. Што жъ ето?.. Кого жъ я убила?

А Вячеславъ, ощипанный, сумасшедшій, подкатившись къ сѣдому востроглазому казначею, шалталъ ему вкрадчиво на ухо, закрываясь ладо-

нями отъ Неонилы и косясь на нее желтыми кошачьими глазами:

— А я ломаю голову... чего въ неурочный часъ пришла на исповѣдь?.. Гляжу, тутъ же на амвонѣ и Спасъ... Но не она принесла!.. Нѣ-тъ!.. Ать?.. Хто?.. Невѣ-домо!.. Духъ живетъ гдѣ хощетъ...

Нагрянули стражники.

— Гдѣ риза?.. Говори, стервуга!.. — понесли они на кулакахъ Неонилу: — Мы такъ и знали, что ты содрала ризу... и мужа убила... съ кѣмъ, говори... Весь день стерву искали, а она ишь— исповѣдуется!..

Дико глядѣла истерзанная Неонила на пьяную, остервенѣлую ватагу стражниковъ, все еще не зная, за что ее бьютъ... Но, понявъ, всплеснула безнадежно руками:

— Голу-бчики!.. Не я!..

— А передъ Спасомъ каялась — не ты?.. А Спаса вытащила... не ты?

— Не она!.. Не она-а!..—заверещалъ вдругъ Вячеславъ, кидаясь то къ одному монаху, то къ другому:—Ать!.? Самъ Спасъ явился должно!.. Невѣдомо какъ!.. И слѣдъ по снѣгу... Богъ, видно навелъ на нее... Духъ живетъ, гдѣ хощетъ'.. Ать?.. Можетъ, и не она содрала ризу, а она только подводила... Допрашивайте ее!.. Охо-хо... грѣхи...

Но больше уже не допрашивали Неонилу, не пытали. Мужа убила, Спаса разорила—она. Скрутили ее туго ѣдкими веревками. Вывели на лобное мѣсто. Прижгли къ крѣпкому дубовому столбу—иродову столбу.

Сбившаяся сбродная толпа, бѣснуясь и гудя, кинулась кровожадно на отверженную жуткую

духиню. Но, встрѣтивъ ея отрѣшенный, нечеловѣческій синій взглядъ, дрогнула... Отвалила отъ столба, боясь навожденья и порчи... И только харкала издали въ страдное лицо Неонилы...

А подъ вечеръ изъ окрестныхъ хуторовъ и деревень придвинулись кучи мужиковъ, что давно уже зарились разнести черное гнѣздо сатанаиловъ.

Гнѣвнымъ разметавшись по двору потокомъ, понесла громада бить кельи да лавки. Сбродная толпа метнулась врозсыпь.

Тутъ то къ Неонилинымъ ногамъ, вдругъ, вырвавшись откуда-то изъ тревожной расползающейся толпы одинокій упалъ, протяжный кликъ, какъ будто это былъ кликъ стараго мятежнаго лѣса:

— Да Нени-лушка!.. Хо!.. Серцо мое!...

Учуяло вѣщее сердце духини, чей это кликъ... Затрепыхалась она смертно, кровавымъ забилась недугомъ, не двинувъ прикрученными къ столбу руками и только качнувъ безнадежно головой...

— А-а-а...

Поликарпъ, топча кишащій у столба сбродъ, ринулся на вопль возлюбленной своей... И вѣщей прогремѣлъ бурей зовъ нѣжной его великой любви:

— Люба моя!.. Айдѣ-жъ ты!.. Серцо мое!.. Пойдемъ!.. млада!

Но грузные навалились на него, обезумѣвшіе монахи. Скрутили его, глухо клокочущаго и смятеннаго. Потащили за ограду...

А громада крушила кельи, металась по двору и гудѣла грозно у иродова столба, съ прикрученной къ нему Неонилой. И съ гуломъ громады перемѣшивался тревожный шумъ стараго монастырскаго лѣса.

IV.

Жизнь—это звонъ звѣздъ и цвѣтовъ, голубая, огненная сказка...

Но окаменѣвшіе, озвѣрѣлые кровожадные двуногіе погасили ее. И на мертвой, проклятой Богомъ землѣ воздвигли каменные гробы—города.

Какъ капища сатаны, высились они надъ доломъ, залитые багровымъ, адскикъ свѣтомъ. И нечисть всей вселенной справляла въ нихъ свой черный шабашъ...

Передъ яснымъ высокимъ солнцемъ, въ знойный полдень, по разожженному дорожному камню, къ городу призраковъ приблизившись, кровной клялись сыны земли клятвой:

— Солнце! Ты видишь? Земля—наша мать—полонела двуногими... Солнце! Клянемся передъ тобою! Помоги намъ! Ты видишь наше сердце.

Краснымъ нестерпимымъ жаромъ обдавало прогнѣванное солнце сѣрые пустыри, мостовыя, закоптѣлыя горы домовъ и далекіе провалы улицъ... Въ раскаленной бурожелтой мглѣ чахлые вяли, больные сады. Выбившаяся межъ каменьевъ трава въ хрупкія сухія кольца сворачивалась. Ломалась кострикой — такъ немилосердно палило прогнѣванное солнце...

На берегу рѣки, передъ городомъ, мучимый жаждою, подошелъ Крутогоровъ къ волнамъ. Нечаянно взглянулъ подъ валявшуюся на песку гнилую колоду. И окаменѣлъ: изъ-подъ колоды, покачиваясь и водя приплюснутыми шаршавыми головами, ползли на него черные клубки мате-

рыхъ змѣй... Сиплымъ обдавали его и жуткимъ свистомъ... Зачарованный, глядя расширенными, таящими ужасъ зрачками, какъ черные холодныо гады раскрытыми пастями нацѣливаются въ лицс, Крутогоровъ отпрыгнулъ въ сторону, на камень. Но сердце его похолодѣло, остановилось: подъ камнемъ на солнцепекѣ ворочались кругомъ и сонно водили раскрытыми пастями сплетшіяся бурожелтыя змѣи... Подкатывали подъ него свистящими кольцами. Обвивались уже вокругъ ногъ...

Но, отряхнувъ ихъ съ ногъ, выбрался Крутогоровъ изъ западни смерти на крутой обрывъ.

Поднялъ отдыхающихъ на камняхъ у дороги земляковъ. Черноземной несокрушимой силой двинулъ ихъ на сѣрый мертвый городъ двуногихъ и призраковъ...

Въ рабочемъ кварталѣ сняли землеробы флигель. Въ первую голову обзавелись планами города.

Черезъ двѣ недѣли Крутогоровъ зналъ уже всѣ входы и выходы въ сборищахъ двуногихъ.

Въ раззолоченомъ, гранитномъ дворцѣ былъ сборъ ехиднъ. Готовились козни на мужиковъ. Крутогоровъ, перекупивъ у какого-то красноносаго дружинника пропускъ, прошелъ въ дворецъ.

Грознымъ всталъ сынъ солнца передъ сборищемъ ехиднъ вѣстникомъ мести, поднявъ гнѣвный свой голосъ, какъ власть имѣющій:

— Вы веселитесь... Но вы заплачете, когда мы будемъ мстить! За муки, за кровь... За землю—мстить! Не отдаете земли—такъ ждите!..

У колоннъ, сидѣвшіе на мраморномъ выступѣ главари, подхватившись, вытаращились на Круто-

горова тупо. Забурчали что-то, кивая одинъ на другого.

Поднявшіеся грохотъ, шумъ, свитъ—смѣшали все въ какой-то адъ... Откуда-то изъ-за колоннъ выгрузились дружинники — пьяные ковыляющіе уроды: у одного не доставало ноги — передвигался на какой-то деревяшкѣ, въ родѣ лѣстницы; у другого горбъ былъ наравнѣ съ головою; у третьяго кисли, какъ язвы заплывшіе гноемъ глаза. Безъ конца лоснились мясистые, изсиня - багровые носы...

— Дозвольте... ваша-сясь... морду побить?..— козырялъ толстому какому-то купцу куцый хромоножка:—За первый сортъ... отчищу!..

— К-ка-къ?.. Какъ ты смѣешь?.. — выпятивъ грудь, встряхнулъ кулакомъ купецъ:—Да я т-ебя... Въ порошокъ и по вѣтру!..

— Нѣ-тъ, ваша-сясь...—окружили купца уроды, громыхая костылями-лѣстницами:—Тому вонъ, што шкандалъ поднялъ... А хоть бы и тебѣ?..—ухмыльнулись они, ворочая свирѣпо бѣлками.

Купецъ размахнулъ кулакъ. Но дикій хрономоногій, вцѣпившись, какъ клещъ, въ его кафтанъ, такъ изловчился, что откусилъ ему острыми зубами носъ...

Разсвирѣпѣлъ купецъ. Хватилъ со всего размаха хромоногаго. Но тотъ и ухомъ не повелъ.

Дружинники насѣдали на купца. А тому было уже не до нихъ: кровь хлющила изъ носа фонтаномъ. Надо было замывать. Но обросшій, волосатый горбунъ, перегородивъ проходъ, тузилъ своими руками-обрубками въ толстое пузо купца такъ, что пузыри летѣли изо рта.

Когда купецъ, взявъ пару-другую дружинни-

ковъ подъ мышки, понесъ ихъ въ боковую комнату, хромоногій, держась за воротъ купеческаго кафтана, брикаясь, заверещалъ:

— Убери-те его!.. А то я за себя не ручаюсь... Уберите эту пузатую сволочь!..

А кругомъ крутились уже, топая каблуками и горланя, обнявшіеся красные носы: плясали.

Не ходи бочкомъ,
Ходи ребрушкомъ!
Не зови дружкомъ,
Зови зернушкомъ!—

подсвистывали, нося зобы, ехидны.

Въ углу Крутогорову вязала руки стража. Барыньки и дѣвицы въ красныхъ парчевыхъ сарафанахъ и высокихъ кокошникахъ—въ гнѣздѣ ехиднъ такъ любятъ все русское, даже одежду!—всплескивали руками:

— Негодяй!.. Подлецъ! Какъ онъ смѣлъ?—Кто его пустилъ?.. Скажите, кто?!

— Н-да... Невелика птичка, а ноготокъ востеръ. Ну, да мы его сейчасъ... — прошмыгнулъ, косясь на Крутогорова, какой-то военный туда, откуда лилась музыка.

Бѣлоснѣжный заливалъ электрическій свѣтъ хрустали, колонны изъ малахита, позолоту, шелка, парчу и бархатъ... За колоннами рыдала, съ нѣжными арфами и скрипками переплетаясь, томная віолончель: серебряная луна плыла въ жемчужныхъ тучахъ, голубой пѣлъ вѣтеръ...

Изъ-за колоннъ, оттуда, гдѣ томилась и безумствовала віолончель, въ красныхъ трубочкахъ, туго обтягивающихъ ляжки, и въ красныхъ же мундирахъ вышли подъ руку съ легкими, хруп-

кими, какъ лиліи, женщинами военные. И навстрѣчу имъ багровые носы, махая руками, свирѣпо что-то загорланили и дико...

Крики стихли. Выскочившій изъ толпы военныхъ, высокій, сухой, зеленокожій Гедеоновъ окинулъ толпу ницымъ взглядомъ. Увидѣвъ въ углу связаннаго Крутогорова, вздрогнулъ. Но, набравшись храбрости, кинулся сломя голову къ нему съ выступа.

— Эт-то... что?.. Это, наконецъ... Что за чер-ртъ!?

Вылинявшіе зеленожолтые глаза торчали-изъ подъ жесткихъ рыжихъ бровей, какъ ножи.

Толпа смыкалась все тѣснѣе и тѣснѣе, пытая Крутогорова:

— Ты одинъ сюда пріѣхалъ, а? Что вы затѣваете?.. Умремъ, а земли мы не отдадимъ вамъ.

— Что затѣваетъ солнце, когда оно всходитъ?..— откинулъ назадъ голову Крутогоровъ мѣряя двуногихъ взглядомъ.—Но не одно солнце обрушится на васъ... Вамъ, гадамъ, будетъ мстить и земля... Черезъ землю вы погибнете.

Круто повернувшись на каблукахъ, трясясь, вытянулъ длинную жилистую шею Гедеоновъ. Выскалилъ гнилые зубы:

— Ого!.. Да онъ... не робкаго десятка! А еще говорятъ, что мучили... мужичье-то... Нѣтъ, когда бъ взаправду вымуштровать... не заговорили бы больше! А договорятся!.. Чѣмъ бы это ихъ поподчивать, а?

— В-ѣшать!.,—подхватили двуногіе:—Вѣшать сиволапую сволочь! Висѣлицей ихъ подчивать...

— А работать кто будетъ на васъ?.. — жегъ ихъ Крутогоровъ чернымъ огнемъ:—Ну, да все

равно... Чѣмъ больше повѣшенныхъ, тѣмъ скорѣе месть... И лютѣе... Все изъ за земли, знайте!..

Орава кинулась на него съ простертыми скрюченными руками и свирѣпыми криками. Схватила его за шею.

— Рѣшить!

Гедеоновъ, обнажая гнилые желтые клыки, уговаривалъ ехиднъ:

— Не горячитесь. Какой прокъ, если мы его убьемъ сразу?.. Надо его немножко поподчивать... Въ секретку его!..

Но хрупкая, нѣжная и свѣтлая, словно сказка, вышла откуда-то дѣвушка.

— Я прошу... не трогать его...—повернула она пылающее лицо къ Гедеонову.

—Ты-ы?..—воззрился на нее Гедеоновъ грозно.

Дѣвушка, нѣжно и свѣтло улыбаясь, взяла подъ руку отца. Увлекла его въ сосѣдній залъ.

За колоннами тяжко зарыдала и забилась віолончель. Луна, точно смерть въ бѣломъ саванѣ, мчалась за черными разорванными тучами разбрасывая блѣдный серебряный свѣтъ по дорогѣ, устланной гробами...

А орава, бросивъ Крутогорова, таращила вослѣдъ хрупкой Тамарѣ гнойные глаза съ ужасомъ...

Въ углу же шушукались и судачили холеныя тупыя барыньки: что это за дѣвица, что и Гедеонова укротила?

Какой-то старичекъ - генералъ, придворный, подскочилъ, шаркая подметками, къ дамамъ. Закрутилъ старый храбрый усъ: это весьма понятно-съ, княжна Тамара, видѣте ли—дочь Гедеонова. Оно, хоть Гедеоновъ и давній бездѣтный

вдовецъ, ну, да вѣдь княгиня Елисавета — хе! хе!—женщина съ темпераментомъ-съ, не одному придворному пришлось убѣдиться въ этомъ,—и Гедеоновъ живетъ съ ней, какъ съ женою, уже восемнадцать лѣтъ... Съ мужемъ, княземъ Сергѣемъ у княгини были нелады съ первыхъ же годовъ супружества и она тогда же сошлась съ Гедеоновымъ—поразилъ ее, знаете ли, необыкновенный характеръ генерала. Свяжется же чертъ съ младенцемъ! Отъ Гедеонова у ней и родилась дочь, хотя Тамару и знаютъ, какъ дочь князя Сергѣя...

Віолончель смолкла—серебряная луна упала и разбилась на острыхъ скалахъ...

Но что-то свѣтлое цвѣло въ сердцѣ Крутогорова и пѣло... Не хрупкая ли огненная Тамара, воздушная и нѣжная, какъ сонъ, окутанная свѣтлымъ газомъ?

Тамара прошла около: лебяжья поступь, медленный долгій взглядъ. Маячилъ и манилъ хрупкій огненный кубокъ счастья... Кто выпьетъ? Кто возьметъ огненную красоту?

Ибо не знала Тамара красоты своей, богатства своего.

Изъ-за толпы на нее взглянулъ Крутогоровъ. Она вздрогнула и опустила голову.

И лишь слегка приподнявъ багряное пылавшее лицо, повела искоса сѣрымъ медленнымъ взглядомъ, невѣдомымъ, какъ судьба. И, остановившись, шире раскрыла рѣсницы, глубже заглянула въ солнечные глаза Крутогорову, погрузилась въ нихъ. И вздохъ ея былъ—вздохъ шумныхъ вершинъ, омоченныхъ весеннимъ дождемъ, всплескъ ночныхъ волнъ...

Изъ раззолоченнаго гранитнаго дворца Крутогорова ночью же увезли въ старую облѣзлую крѣпость.

Везли Крутогорова шумными улицами. Жуткіе вились за нимъ, съ горящими глазницами, призраки. Острымъ западали въ сердце ножомъ предсмертные ночные голоса и зовы: городъ гудѣлъ и вылъ, какъ стоголовое чудовище... заливалъ багровымъ заревомъ небо, кровавымъ заревомъ. Выбрасывалъ изъ своихъ пастей тучи смрада. И жралъ, жралъ молодыя трепетныя жертвы, разбросанныя по заплѣсневѣлымъ мертвымъ каменнымъ трущобамъ...

Только двуногіе веселились, разодѣтые, въ раззолоченныхъ, пропитанныхъ кровью дворцахъ и капищахъ... Изъ-за огромныхъ зеркальныхъ оконъ, изъ-за дверей кабаковъ неслись визги, крики и пѣсни скомороховъ, публичныхъ дѣвокъ и актершъ, пьяные голоса и гулы... А по улицамъ, чернымъ развертываясь свиткомъ, текли рѣки все тѣхъ же праздныхъ, сытыхъ, тупыхъ и хищныхъ двуногихъ...

О, городъ, логовище двуногихъ, проклятье тебѣ!

Проклятье, проклятье тебѣ, палачъ радости, красоты и солнца! Проклятье тебѣ, скопище человѣкодавовъ, кровопійцъ и костоглотовъ, грабящихъ, насилующихъ и убивающихъ, не какъ разбойники, дерзко и смѣло, а какъ тати—исподволь, скрытыми отъ глазъ путями, во всеоружіи знанія и закона...

Проклятье же тебѣ, ненасытимый кровожадный вампиръ, вытачивающій теплую кровь изъ жилъ трепетныхъ юношей и дѣвъ. Проклятье

тебѣ, гробъ повапленный, смрадное торжище, гдѣ каждый кусокъ человѣческаго тѣла расцѣненъ на мѣдяки. Проклятье тебѣ, растлитель дѣтей— цвѣтовъ земли...

Проклятье! Проклятье тебѣ, городъ...

Но откуда эти цвѣты жизни, цвѣты любви-русалки? Кто отнялъ у нихъ зори и росы? Плѣнницы города, грезятъ въ неволѣ онѣ о невозможномъ... А тайная печаль отравляетъ ихъ сердца: не увидѣть имъ лѣсного яркаго солнца— вѣченъ ихъ плѣнъ! Придетъ синяя весна, въ далекую цвѣтущую степь поманитъ, и уйдетъ въ лазоревую даль, оставивъ только синій туманъ и грусть...

А любятъ же русалки солнце и радость! Любятъ же зори, шелестъ лѣса. Любятъ въ знойный полдень мчаться въ свѣжіе луга, въ океанѣ цвѣтовъ тонуть и вольной, сладкой и грозной отдавать себя бурѣ!..

Пройди города и страны. Ты найдешь царицу-русалку, страстную и гордую. Увидишь плѣненнаго и неразгаданнаго сфинкса. Но не найдешь и не увидишь вольной русалки...

А онѣ ли не вздыхаютъ по волѣ? Онѣ ли не тоскуютъ по невозможной всесожигающей любви, не зовутъ юношей въ тайномъ и знойномъ одиночествѣ, не грозятъ имъ гибкими тонкими руками и не обнимаютъ ихъ наединѣ страстно?

Ахъ! Русалки! Русалки! Одарены вы сердцемъ нѣжнымъ, огненнымъ и любвеобильнымъ. Но кто отнялъ у васъ зори и росы?

Подъ солнцемъ и въ электрическомъ свѣтѣ улицъ проходили передъ Крутогоровымъ вереницы русалокъ стройныхъ, юныхъ и гордыхъ, въ

И лизалъ подметку.

Теперь, въ кабинетѣ Гедеонова, у него затряслись, какъ въ лихорадкѣ, руки и ноги...

— Ну, какъ дѣла, батя?.. — скалилъ гнилые клыки развалившійся въ бархатномъ халатѣ Гедеоновъ: — Что тамъ такое у васъ?.. Чего ты пріѣхалъ?

— Голодъ... помилосердствуйте! — упавъ на колѣни, лопоталъ попъ:—Помираютъ прихожане... И хлысты... Я такъ думаю... ежели накормитъ ихъ правительство... Они всѣ перейдутъ въ православіе... хлысты-то. Ну, и мнѣ ѣсть нечего...

— Дохнутъ?—пыхнулъ Гедеоновъ сигарой.

— Помилосердствуйте... Похлопочите передъ казной...

— Фю-ить!..—свистнулъ Гедеоновъ: — Держи карманъ шире!.. Мнѣ самому скоро будетъ матъ... Новыя вѣянія теперь, знаешь... Я—въ опалѣ... А своего у меня ничего нѣтъ, мать-бы...

Нахмурился. Зажевалъ уныло губами, соображая.

Вдругъ, видно, вспомнивъ что-то давно извѣстное и рѣшенное, хлопнулъ себя ладонью по лбу. Захохоталъ скрипуче и ѣдко. Острые бросилъ на попа сѣро-зеленые глаза, буркнулъ, какъ бы шутя, хоть и видно было, что ему не до шутокъ:

— А моя мать...—ты развѣ не слыхалъ? собирается подписать все... швейкѣ этой... Стешкѣ... А меня оставить на бобахъ.

Попъ, дрожа и дергая быстро бороденку, лопоталъ свое:

— Помогите... Ради Бога!.. Смерть... коситъ... Какъ-нибудь помогите... Для себя же.. Для Бога...

Глухо какъ-то отозвался Гедеоновъ и зловѣще сверкнулъ колкими невидимыми зрачками:

— Я то на все готовъ для Бога... А вотъ ты, батя, готовъ ли?

Не понялъ его попъ.

— Ты вникни...—заглядывая въ самую глубь боязливой Михайловой души, властно околдовывалъ ее Гедеоновъ:—Ежели ты возлюбилъ Бога всѣмъ сердцемъ... То ты не только можешь, но и долженъ пойти для него на все... Хотя бы, допустимъ, на преступленіе.. Допустимъ, Богъ испытываетъ твою любовь... посылаетъ голодъ... и требуетъ, чтобы ты спасъ голодныхъ отъ смерти... и отъ грѣха... вѣдь клянутъ же они сейчасъ всѣхъ и вся—грѣшатъ, стало быть?.. Н-да... Ну, такъ чтобы спасти, для Бога-то, требуется преступленіе, мать бы... Но это будетъ не преступленіе! А жертва Богу!..—вѣяли вокругъ попа длинныя, какъ жердь, генеральскія руки.— Въ родѣ той, что хотѣлъ принесть Богу Авраамъ... Такъ вотъ, говорю... чтобы спасти тысячи людей отъ голода и тѣмъ прославить Бога — согласенъ ли ты, батя, убить одного только человѣка?

Каждый разъ, когда нужно было сразу же подчинить себѣ, ошеломить попа, Гедеоновъ загадочно возвышалъ гнусавый свой, властный, глухой голосъ. Не смѣлъ попъ противиться этому голосу. Безъ ропота, какъ обреченный, отдавалъ онъ всего себя во власть Гедеонову.

Но теперь, вдругъ и непонятно, робкая заячья душа его возстала противъ властнаго дьявольскаго голоса. Чтобы онъ, Михайло, да попалъ въ западню, откуда нѣтъ выхода и возврата?

Холодный потъ выступилъ у него на лицѣ... Да не будетъ же этого!..

Но въ столбнякѣ, цѣпенѣя отъ зеленаго неподвижнаго взгляда Гедеонова, съ неотвратимой ясностью Михайло видѣлъ, что падаетъ въ пропасть... И молчалъ.

А вѣдь въ гибели, въ страшной и неутолимой тяготѣ, завѣщанной попу еще загадочнымъ Феофаномъ—Солнце Града? Вѣдь, не несъ еще Михайло того, что долженъ понести каждый взыскующій Града—лютой самоказни, неукротимаго самомучительства. Не проходилъ еще черезъ очистительный огонь несчастный іерей, взыскующій Града, тайный ученикъ непостижнаго и неразгаданнаго Феофана.

Быть-можетъ, это сама судьба велитъ дерзнуть на великое зло и принять за него тяготу, безъ чего нѣтъ солнца Града. Но все-таки, какая пагуба: Феофанъ проповѣдывалъ зло безкорыстное, содѣянное только ради тяготы и открывающагося черезъ нее солнца Града, а не ради корысти, хотя бы и Божьей!..

Какъ надмірное, древнее свѣтило маячилъ въ душѣ Михайлы заклятый Феофанъ съ его жуткимъ завѣтомъ объ очистительномъ огнѣ, о тяготѣ низинъ и солнцѣ Града... И звалъ его изъ глубины:

— За мною!.. Помнишь? Помнишь? Дерзай!.. Очищайся!..

Украдкой торкнулъ попъ Гедеонова...

— Кого?.. А?

Жутко и просто Гедеоновъ, роясь въ бумагахъ, какъ будто не его и спрашивали, бросилъ:

— Кого. Да хоть бы мою мать.

— Не могу!—отскочилъ вдругъ попъ.

— Фу, чертъ, мать бы...—сломалъ карандашъ Гедеоновъ, хмурясь и кривясь:—Не мо-гу-у!.. Этакъ и всякая сволочь скажетъ, не способная ни на что... Нѣ-тъ! Ежели любишь Бога всѣмъ сердцемъ, долженъ ты итти для него на все?.. Н-да... Допустимъ, нашей святой родинѣ,—обители избранныхъ, достоянію Бога—грозитъ гибель... А я не однимъ какимъ-нибудь убійствомъ, а милліономъ убійствъ спасаю ее отъ гибели... Развѣ я тогда не святой человѣкъ?.. Святой!.. Скажу тебѣ по совѣсти, я во время бунтовъ поперевѣшалъ и обезглавилъ столько мужиковъ, сколько на моей головѣ волосъ нѣтъ, мать бы... Ну, конечно, этимъ и спасъ родину... и я—святой!..

Попъ протянулъ глухимъ упавшимъ голосомъ:

— О-о-о... Для Бога убить мо-ожно... Для человѣка нельзя, а для него... все-о можно!.. Но гдѣ божеское... а гдѣ человѣческое... не дано-о намъ знать!..

— Тьфу, мать бы...—плюнулъ свирѣпо Гедеоновъ:—Пойми, ты спасешь не только тѣла, но и души заблудшихъ овецъ... хлыстовъ-то.. Безсомнѣнно, они перейдутъ въ православіе—стоитъ только помазать по губамъ саломъ... А кромѣ того, ты спасешь и ту, которую убьешь... Вѣдь, мать-то моя вѣдьма! А принявши мученическій вѣнецъ, она спасется, мать бы... Да и вѣдь, говорю тебѣ это—жертва Богу!.. можетъ, даже Богъ пошлетъ ангела... Ну, идетъ, мать бы... Не пошлетъ ангела—на швейку все свалимъ!.. Получимъ наслѣдство и накормимъ... хлыстовъ...

Хныкалъ Михайло, дрожа, какъ былинка:

— Боюсь.

— Для Бога вѣдь! Да постой, постой!—схватился Гедеоновъ:—Ты, кажется, Феофана зналъ? Слыхалъ про тяготу?.. Ну, вотъ. Согласенъ?

— Тягота?.. О! Это... это...—расцвѣлъ вдругъ Михайло.

Ибо древнее осѣпило его надмірное невѣдомое свѣтило небывалымъ свѣтомъ... Жертва будетъ невинная, тягота безкорыстная. Убить, и пройти черезъ очистительный огонь золъ и солнце обрѣсти, солнце Града: вотъ чѣмъ осѣнило древнее свѣтило.

— Я... того... ну, что жъ... согласенъ...—тихо и безумно, заикаясь, прошепталъ попъ.

Гедеоновъ лѣниво, какъ будто ему отъ согласія попа—ни холодно, ни жарко, буркнулъ въ носъ, выпустивъ изо рта дымъ:

— Ну... сегодня же ночью и приступимъ...

И вздохнулъ сердито, бросивъ на попа исподлобья сухой, недовольный взглядъ, какъ бы говорившій: эхе-хе, для тебя же стараюсь, а ты только и знаешь, что скулить, да хныкать, да фордыбачить, сволочь неблагодарная...

Ночью, когда въ особнякѣ все уснуло, потухло электричество и въ гулкихъ, завѣшанныхъ тяжелыми портьерами комнатахъ жуткіе встали призраки. Гедеоновъ, отомкнувъ ящикъ рѣзного стола, досталъ тяжелый какой-то свертокъ и положилъ передъ собою.

— Что это?—вздрогнулъ оторопѣлый Михайло.

Про жуткій свой договоръ съ Гедеоновымъ онъ давно уже забылъ, а если, часомъ, и

вспоминалъ, то какъ глупую шутку или полузабытый, тяжелый сонъ. За обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ попъ весело балагурилъ съ генераломъ, хихикая въ кулакъ и ерзая. А когда Гедеоновъ выходилъ куда-нибудь изъ кабинета,—разглядывалъ картины по стѣнамъ — какихъ-то голыхъ дѣвочекъ съ козьими ногами — и радостно потиралъ руки: дѣло, кажется, шло на ладъ; генералъ притворился только, будто онъ въ опалѣ, а на самомъ дѣлѣ безъ него и шагу не ступятъ; значитъ помощь голодающимъ будетъ дана...

Ждалъ попъ до поздней ночи; радовался, что хоть и ничего не дождался, а все-таки шутка была шуткою...

И только передъ самымъ сномъ, когда носъ клевалъ уже въ уголъ рѣзного стола, Михайло, сквозь дрему увидѣвъ на столѣ тяжелый свертокъ, похолодѣлъ весь. Но не смѣлъ пошевелить и пальцами и сидѣла передъ Гедеоновымъ молча.

— Ты что жъ уши развѣсилъ?—толкнулъ его тотъ въ плечо:—Пора, братъ.

Узкими потайными ходами, на цыпочкахъ, натыкаясь, перешли они въ ту половину дворца, гдѣ жила старуха-мать. Вошли въ темную какую-то, пустую комнату.

За стѣной протяжно и устало, словно отдаленный стражъ, часы пробили два.

Въ темнотѣ попъ, разомкнувъ слипающіеся сонные глаза, сладко зѣвнулъ, потянулся и радостно потеръ руки, какъ будто все было благополучно.

Но вдругъ вспомнилъ, куда пришелъ... Протяжно, безнадежно ахнулъ...

А въ руку его скользнулъ уже холодный лов-

кій ножъ. Бережно почему-то, боясь упустить, сожмалъ попъ рукоятку. Шатаясь, растопыривъ руки, тронулъ Гедеонова за локоть.

— Пустите...—поперхнулся онъ:—Я такъ думаю... ничего не выйдетъ... Нащетъ ангела я... Никакого ангела... Богъ не пошлетъ...

Но Гедеоновъ молчалъ.

Ощупью въ темнотѣ нашелъ какой-то столикъ Михайло. Дрогнувшей рукой снялъ нагрудный крестъ. Положилъ на столикъ, поцѣловавъ въ послѣдній разъ. Попробовалъ лезвіе ножа... Вотъ когда суждено пройти черезъ очистительный огонь тяготы!

— Сюда...—гнусилъ на ухо Гедеоновъ.

И шли оба, прикрадаясь, на носкахъ.

Но сдержанные гулко отдавались по дальнимъ пустымъ заламъ шаги. Захватывало у попа духъ, колотилось сердне. Ноги то шагали размашисто, то сѣменили дробными шажками... И одна у попа была забота: чтобы не услышали его, да чтобы удалось зарѣзать сторушку безъ помѣхи. Зарѣзать? Но вѣдь этого не будетъ никогда, никогда! Это только шутка. Это только сонъ...

Передъ высокой, огливающей въ темнотѣ свѣтомъ позолоты, дверью, вдругъ остановившись, пригнулся Гедеоновъ. Протянулъ назадъ смутно болтающуюся, какъ жердь, руку. Хватаясь за рясу попа, глухо и сипло прошепталъ:

— За дверью, направо. Спитъ. Бей прямо въ сердце!

Торопливо и швыдко, не помня себя, шмыгнулъ попъ въ дверь. Какъ-то нелѣпо и громко застучалъ каблуками.

За дверью, въ спальнѣ, ему почему-то сдѣ-

лалось легко и весело. Можетъ быть потому, что все это ему казалось затѣйливымъ и душнымъ сномъ, созрѣвшимъ въ неотгонимой темнотѣ,— а вѣдь интересно разыгрывать этакую исторію, хотя бы и во снѣ! Стоитъ только захотѣть, конечно, какъ все, точно рукой сниметъ: сонъ пройдетъ и попъ, пробудившись, будетъ только гадать, что сонъ значитъ. Да и теперь попъ гадаетъ, что вѣщуетъ душный этотъ сонъ?

Но надо скорѣй кончать, а то больно ужъ жутко, духъ захватываетъ, чего добраго, еще задохнуться можно во снѣ...

Гулко въ спальнѣ гремѣли опрокидываемые стулья, этажерки. Но попъ теперь уже не боялся, что его услышатъ. Коли во снѣ, стоитъ ли остерегаться? Не разбирая ничего, повалилъ попъ на бѣлый балдахинъ въ уголъ...

Въ высокихъ бѣлыхъ подушкахъ подъ одѣяломъ жутко мутнѣла въ сумракѣ голова... Михайло, весь въ холодномъ поту, встряхнувъ шелудивой своей косичкой, поднялъ высоко тяжелый ножъ, все еще не вѣря ничему. Сразмаху ударилъ ниже головы, чтобы скорѣй проснуться...

Но сонъ проходилъ. А грузное что-то и свистящее забилось подъ одѣяломъ и захрипѣло...

Какъ гнѣздо встревоженныхъ змѣй, зашевелились на головѣ попа волосы. Ухнуло въ преисподнюю сердце.

Въ надеждѣ на пробужденіе, круто и свирѣпо повернулъ попъ въ хлюпающей ранѣ ножъ: конецъ его то грузно погружался въ хлещущее горячей живой кровью мягкое тѣло, то наскакивая на кости глухо стучалъ и подскальзывался...

Въ лицо, въ грудь Михайлѣ теплыя били гу-

стыя липкія брызги. На руки лилась горячими струями, запекаясь въ шматья, руда...

Но вотъ тѣло, послѣдній издавъ хрипъ, вытянулось. Застыло подъ ножомъ...

Бросилъ ножъ попъ. Важное что-то и послѣднее припомнилъ. Надо бѣжать! Отъ сна, отъ смерти, отъ тяготы!..

Но водопадомъ хлынуло электричество, заливъ ярко спальню. Въ пустыхъ залахъ гулкіе замерли чьи-то удаляющіеся шаги... А за дверью высокій раздался, нечеловѣческій вопль:

— Уби-лъ!... Мать свою убилъ!.. А-а-а!..

Пусто и дико глядѣлъ сумасшедшій попъ, растопыривъ руки съ кусками запекшейся крови, на залитый рудою паркетъ, на темнобурую пѣнистую струю, стекающую съ бѣлоснѣжной постели...

А въ душѣ его вставала нескончаемой тучей тягота. Казнила его, лютымъ попаляла огнемъ. О, сколько бы отдалъ попъ, только бы проснуться, поправить непоправимое! Но не бывать пробужденію отъ жизни. Нѣтъ возврата минувшему. Не уйти отъ страшной, какъ смерть, тяготы.

Въ смертельной тоскѣ, метаясь, по спальнѣ, ища мѣста, куда бы спрятаться—не спастись, а только спрятаться, чтобы не глядѣть въ глаза людямъ, въ глаза себѣ,—выскочилъ попъ за дверь... И окаменѣлъ: посреди комнаты лежала передъ нимъ старуха-мать Гедеонова. Распластавшіяся руки ея пристыли къ залитому рудой паркету. На посеребренной сѣдинами головѣ дымилась глубокая черная яма. Оттуда била пѣна, а по краямъ висѣли клочья сѣраго мозга...

Надъ тѣломъ старухи что-то билось и рыдало безъ словъ, безъ слезъ...

Помутились у попа глаза. Какъ-то ничкомъ поползъ онъ въ спальню, безумно и дико озираясь. Закружился въ лужахъ крови... Подползъ къ кровати. Протяжно, тихо захохоталъ... Но хохотъ этотъ былъ страшнѣе смерти: съ измоченныхъ рудой подушекъ на него мертво и пусто уставилось искромсанное синее лицо попадьи.

— Это Варвара!..—задохнулся попъ.— Обманули... А-а-а...

Откатившись отъ кровати, хриплый распростерся плашмя... Ждалъ чуда. Ждалъ, что придетъ на землю Судія, уничтожитъ міръ... И попъ забудетъ эту жизнь, эту жуть; хоть и пойдетъ въ адъ, а забудетъ...

Отчего не разрывается сердце? Отчего избавительница-смерть не возьметъ его?

Но вдругъ, крѣпкія, какъ желѣзо руки сдавили попа, раскололи ему голову. Кровавыя молніи обожгли его сердце...

— Ж-живор-ѣзъ!.. просвистѣло надъ вискомъ.

— Луп-пи-и его!.. Въ харю!..

Какой-то усачъ въ сѣрой шинели носился съ крестомъ и серебряной цѣпью:

— Эй, батя, крестъ-то, крестъ... Когда тамъ еще разстригутъ—это... а теперь нельзя, надо крестикъ...

Но попъ уже ничего не слышалъ.

А въ кабинетѣ съ козлоногими дѣвочками, на другой половинѣ особняка, запершись на ключъ, трясучій Гедеоновъ жадно слизывалъ съ рѣзного подсвѣчника, которымъ онъ убилъ мать, черную, старую запекшуюся кровь.

— Кровушка. Кро-вушка, — захлебывался генералъ...

И подмигивалъ самъ себѣ:
— Своя кровь—горячѣй!

VI.

Надъ городомъ, темными обдаваемая грозными волнами, словно суровый стражъ ада, высилась старая заржавѣвшая крѣпость, куда замуровывали двуногіе взыскующихъ Града.

Въ потайныхъ казематахъ томились хлѣборобы: красносмертники, пламенники, злыдота.

Въ городѣ ехиднъ, мстя за кровь, за пытки, за братьевъ своихъ, обезглавленныхъ въ древнемъ каменистомъ полѣ, тайкомъ жгли огненные мстители суды, притоны, старые дворцы, театры...

Но переловили мужиковъ. И теперь они ждали суда ..

За пыльными, переплетенными чугунной рѣшеткой узкими косыми окнами, бросая на крѣпостную гранитную стѣну ярыя волны, дикая билась вѣчно и безумствовала буря словно кто-то невѣдомый стучалъ въ гробъ и хохоталъ изступленно...

Суда и смерти сыны земли ждали изо дня въ день, чтобы смертью попрать городъ.

Ждалъ смерти и Крутогоровъ.

За стѣнами гудѣли неустанно удары волнъ, перемѣшиваясь съ печальнымъ, протяжнымъ перезвономъ башенныхъ часовъ. На холодный каменный полъ сквозь слюдяныя сизыя стекла то слѣпой падалъ полуденный свѣтъ солнца, то острыя стрѣлы ночныхъ звѣздъ...

Какъ-то въ полдень загрохоталъ замокъ чугунной глухой двери. Въ душный казематъ тихо вошла дѣвушка въ мѣхахъ и бархатѣ. Остановившись въ

порогѣ, подняла неподвижный, сѣрый и грозный, какъ ночная туча, взглядъ.

А багряный, пышный и нѣжный ея ротъ полуоткрывалъ жемчужины зубовъ, суля невозможное счастье. Жутко-прекрасна была улыбка любви: она сокрушала, какъ ураганъ. А глаза, бездонно-жадные, застланные свѣтлосинимъ туманомъ, глядѣли въ глубь сердца—ждали... А свѣтлое дѣвичье лицо пылало, какъ огонь. На мѣхахъ и бархатѣ свѣтлыя переливались дождевыя капли...

Гибкая и стройная, откинувъ назадъ убранную въ сизый бархатъ и страусовыя перья голову съ пышными витыми волосами надъ алыми висками, подошла Тамара, плавно покачиваясь на носкахъ, къ Крутогорову.

Тотъ глядѣлъ ей въ грозные глаза.

Тамара, вѣя свѣжимъ, роснымъ ароматомъ лѣса и юности, горестно и нѣжно склонила голову:

— Невозможное счастье...

Отступила назадъ, наводя жуткой своей красотой страхъ.

На нѣжномъ розовомъ пальцѣ ея кровью горѣло вѣнчальное кольцо...

— Ты любишь?.. Обручена?..—упало дрогнувшее, безнадежное сердце Крутогорова.

Глядѣлъ онъ въ недвижимые, до послѣдняго предѣла открытые, бездонные и страшные зрачки ея. И ужасъ охватывалъ его: за плечами стояла смерть, касаясь чернымъ своимъ крыломъ безнадежнагосердца. А впереди, за безвѣстными далями и у самаго сердца, страшно близко и страшно далеко, цвѣла и манила, суля невозможное счастье, жизнь—сказка—невозможное счастье...

Тамара выше подняла густыя выгнутыя рѣс-

ницы. Тонкими шевельнула нѣжными ноздрями, сомкнувъ багряныя губы въ строгомъ и гордомъ выгибѣ. Бросила на полъ снятый съ пальца перстень, дрожа и замирая:

— Я свободна!.. А ты любишь?..—безнадежно закрыла она лицо руками:—Да, конечно, ту свою... Люду... А я... Что жъ... Счастье мое въ томъ, чтобы... чтобы... Невозможное счастье!..

Весь огонь и боль, наклонилъ къ ней голову Крутогоровъ. И его обдала волна жуткой ея близости...

— Невозможное счастье!..

Безнадежно Тамара опустила голову на грудь въ сизые пушистые мѣха; и страусовыя перья закачались надъ ней тяжело.

— Боже мой...—прошептала она, шатаясь, прерывисто, вдыхая воздухъ: — Ну... да что жъ это я... Я люблю тебя... Боже мой...

Долгій вскинула на Крутогорова, упорный, непонятный взглядъ, закрыла глаза мѣхами... И ушла—навсегда, навсегда, навсегда!

Ждалъ Крутогоровъ смерти. Но сердце его цвѣло радостью. Ибо зналъ онъ: чѣмъ больше казненныхъ, тѣмъ ближе попраніе города. Тѣмъ лютѣе месть за кровь...

Но и ехидны знали это. Не потому ли медлили они съ судомъ надъ мужиками и казнью?

Козьма-скопецъ все же не терялъ надеждъ—смертью попрать смерть.

И надежды сбылись...

Какъ-то прошелъ по крѣпости слухъ, что не сегодня—завтра на крѣпостномъ дворѣ будутъ казнить четырехъ политическихъ, осужденныхъ за убійство ехиднъ. И будетъ бунтъ.

Зори проходили въ тревожной тишинѣ.

Но вотъ пришла кровавая заря казни, пьяная отъ сильныхъ предразсвѣтныхъ росъ.

Въ бѣломъ сумракѣ по двору вдругъ молчаливо заметались свирѣпые суматошные тюремщики. Краснымъ обливая свѣтомъ выщербленныя гранитныя стѣны вверху, изъ темнаго закоулка низкій вынырнулъ фонарь. Зловѣще освѣтилъ грузный, выструганный гладко, помостъ и надъ нимъ два столба съ перекладиной.

Подъ глубокими, узкими впадинами-окнами крѣпости шумѣли, кропя росой, пыльныя одинокія липы. А за глухими стѣнами все такъ же гудѣли одичало-ярыя волны...

Когда на башнѣ часы, рыдая, пробили два, за дальними крѣпостными воротами заревѣлъ автомобильный рогъ — это подъѣзжалъ Гедеоновъ, не пропускавшій ни одной казни...

Тюремщики кинулись встрѣчать его. Въ зеленомъ кителѣ, съ побрякивающими аксельбантами на тощей впалой груди, прошмыгнулъ онъ въ калитку. Увидѣвъ торопливо укрѣпляемый на дворѣ помостъ съ столбами и перекладиной, подмигнулъ тюремщикамъ:

— Кормилица?.. А каковы собой эти-то, хлюсты-то, мать бы... Молоды? Красивы? Стройны?

Ибо особая радость, особое остервенѣніе охватывало Гедеонова, когда на смертный помостъ вели красивыхъ и стройныхъ казнимыхъ. Какъ стервятникъ, вцѣпившись кослявыми пальцами въ тѣло врага, обдавалъ онъ его ядовитой слюной:

— А-а... Вотъ мы вамъ ужо красоту наведемъ... Языки-то повыпрутъ у васъ, мм-а-ть бы...

Нѣчто подобное предвкушалъ Гедеоновъ и

теперь, узнавъ, что бомбометатели-то — молоды и красивы.

Висѣлицу укрѣпили. Но передъ тѣмъ, какъ выводить осужденныхъ, косой, шепелявый палачъ съ красной бычачьей шеей, разорвавъ себѣ грудь и бросивъ свирѣпо веревку увивающемуся около Гедеонову въ лицо, гаркнулъ:

— В-вѣ-штайте!.. В-вар'ы, живар'ѣзы!.. У-хр', жить менѣ зар'ѣзъ!.. Вѣштайте!.. Сабб'аки!.. Мог'оты нѣту-ти терпѣть...

Въ поднявшейся суматохѣ Гедеоновъ потерялъ фуражку. Откуда-то бѣжали согнувшіеся, юркіе сыщики, кивая засѣвшимъ за угломъ флигеля жандармамъ. Два конвойныхъ, волоча ружья, подскочили къ палачу. Но тотъ билъ себя въ грудь огромными волосатыми руками, дико храпя:

— У-хр', в-вудавы, ирр'ады!.. В-вѣштайте!.. Все мало вамъ поперевѣштанныхъ?.. У-хр', вѣштайте и мене, матери вашей тысячу... въ глотку...

Въ казематахъ задребезжали разбиваемыя стекла. По коридорамъ глухіе емкіе раздались вдругъ удары желѣзныхъ ломовъ: разбивали замки. А изъ-за несокрушимыхъ стѣнъ, сквозь разбитыя дыры-окна сплошные неслись крики проклятья, гулы:

— Вс-ѣхъ насъ вѣшайте!.. Эй, душители!.. За дѣло!.. Много работы будетъ!..

Изъ раскрытой, словно пасть, черной двери высыпали мужики. Бросились по закоулкамъ, по крышамъ и выступамъ стѣнъ ярымъ шкваломъ. Тюремщики, словно пьяные, кружились около висѣлицы съ обнаженными шашками. Гдѣ-то за флигелемъ разсыпалась тревожная дробь барабана. Въ дальнемъ нѣмомъ коридорѣ рѣзко за-

трещали частые сухіе выстрѣлы... А крики и гулы все росли и росли, переходя уже въ протяжный дикій ревъ:

— Ду-ши-те!.. Стрѣ-ляй-те!..

Прокуроръ съ Гедеоновымъ спрятались въ флигелѣ, охраняемомъ жандармами.

— Это все скопецъ, сукинъ сынъ...—пыхтѣлъ, багровѣя, толстый, низкій старикъ, должно быть, начальникъ:—Эй, сюда скопца!.. Слышите, дьяволы?!.

Но тюремщикамъ было уже не до того. Въ коридорахъ и камерахъ вязали бѣглецовъ. Гонялись за ними по двору со штыками. И все же, большая часть въ суматохѣ проскочивъ въ ворота, а то перебравшись черезъ стѣну по крышамъ, уходила.

Крутогоровъ, сбивъ съ ногъ торчавшаго въ дверяхъ соннаго тюремщика, узкимъ кривымъ проходомъ выбрался на кишащій людьми дворъ и, кликнувъ кличъ:

— „Помните о землѣ!“—скрылся за полуоткрытыми воротами.

За нимъ, въ дальнемъ какомъ-то складѣ страшно загрохоталъ, сотрясая стѣны, протяжный взрывъ...

Было еще полутемно и пустынно. Городъ спалъ крѣпкимъ предутреннимъ сномъ. За домами, что тянулись отъ крѣпости, по старому парку бѣжали разсыпанные мужики. Крутогоровъ, собравъ ихъ, повелъ узкими заброшенными переулками въ старый рабочій кварталъ.

А въ крѣпости все еще шла бойня. Кто-то вылъ, ставъ на четвереньки, волкомъ. Кто-то, взобравшись на крышу, надѣвалъ майданъ на себя и гаркалъ свирѣпо:

— Эй, задергивайте, псы!.. Ну?.. А то смерть не беретъ!.. Душите, дьяволы!.. Отъ васъ смерть возьметъ!..

— Бр-рось!..—надрывался внизу, задравъ голову, тощій синелицый какой-то парень:—Люто оно... да ить человѣкъ же ты?.. А коли человѣкъ—все вынесешь!.. Богъ тово не вынесетъ, што человѣкъ...

— Моготы нѣту... Вѣшайте!.. Давайте хоть черную смерть!..

Низкаго толстаго старика облѣпили, словно рой пчелъ, красносмертники. Трясли его, безъ памяти, за воротникъ. Орали хрипло, чтобъ ихъ сейчасъ же поперевѣшали и да погибнетъ отъ смерти смерть—городъ!

— Смерти, мать бы...—подскочилъ къ толпѣ съ револьверомъ Гедеоновъ:—Молодцы! Сами подъ кормилицу лѣзутъ...

— Што-о?!—хрипѣлъ синелицый парень:—Не хочу смерти!.. Мукъ хочу!...

Но мелькнулъ дымный огонь, смѣшанный съ глухимъ короткимъ трескомъ. И парень, вскинувъ нелѣпо руки, упалъ ницъ. Медленная скатилась черная кровь съ груди огромной каплей.

Вдругъ точно изъ-подъ земли выросши, около парня взметнулся Козьма скопецъ. Доставъ изъ-за пазухи стклянку, залилъ ему цѣлительнымъ бальзамомъ рану. Парень, безумно кружа зрачки, всталъ.

А Гедеоновъ заскрипѣлъ зубами. И прицѣлился въ Козьму. Тотъ, поднявъ недобрый свой рыбій глазъ, выставилъ грудь:

— Ха-а! Ета ты, песья рыла?.. Пали у груть!.. Ну!..

Но трясущійся и стучащій зубами Гедеоновъ,

въ испугѣ бросивъ револьверъ, выскочилъ на коряченькахъ изъ разъяренной толпы да и пропалъ за флигелемъ.

— Покуль я живу,—сиплымъ ревѣлъ Козьма голосомъ:—Дотуль усѣ будутъ жить и чагату несть!.. Смерть тады красна, коли ежели... живой умрешь... Во тяготѣ... А смерть мертвеца—тошнота!..

Гудѣли красносмертники:

— Не въ моготу-у!..

Бились о камни хряско. Выли жуткимъ истошнымъ воемъ. А на нихъ, подкравшись, наваливались уже съ веревками да майданами тюремщики и конвойные. Кто-то, точно огнемъ обжегъ Козьму, ахнулъ его въ затылокъ мѣднымъ вѣскомъ...

Сбитаго съ ногъ Кузьму оттащили въ флигель. Тамъ на него горой навалились свирѣпые рычащіе верзилы съ краснымъ косоглазымъ палачемъ. Топочущій Гедеоновъ, желтые оскаливъ клыки, глузжилъ Кузьму револьверомъ по головѣ.

— А-а-э... старый чертъ...—скрежеталъ онъ.

Острые зеленые глаза его встрѣтились, сыпля ядовитые огни, съ медленнымъ помутнѣлымъ взглядомъ Козьмы. Но не вынесли этого взгляда—закрутились и заметались отъ жути.

Палачъ саданулъ Козьму колѣномъ въ грудь. Накинулъ на него петлю, прорычавъ:

— Сперва тебе, а тамъ мене!

Но жуткій встрѣтивъ ужасающій взглядъ Козьмы, оторопѣлъ. Отскочилъ назадъ со сбившейся у рта кровавой пѣной...

Страшно захрипѣлъ Козьма и предсмертно.

— Ха-а!.. крррово-пивцы!.. Навалилъ чагату...

Дыкъ и завыли?! Выйтя таперь!.. Душитя!.. Рѣ-шьтя!..

— Уби-ть его, подлеца!..—топнулъ багровый низкій старикъ-начальникъ.

— А-а-хъ... Дайте сме-рти!.. Не въ моготу-у... завылъ кто-то въ порогѣ:—См-е-ертушки!..

— Ха!.. Чагата — и за смертью!.. — хрипѣлъ Козьма.

Съ размаха Гедеоновъ хватилъ его шашкой по ягодицѣ, а хлынувшею черною кровью густо и жирно вымазалъ себѣ сапоги.,.

Подоспѣвшіе тюремщики раздѣли Козьму до гола. Содравъ старую его кожу на рукахъ и ногахъ, вытянули синія жилы изъ-подъ кроваваго мяса... Намотали себѣ на руки... Козьма терпѣлъ.

На ѣдкомъ, какъ огонь, усыпанномъ битымъ стекломъ и пропитанномъ ядами коврѣ, катаемое тюремщиками, сухое желтое тѣло Козьмы, залитое черной рудой, корчилось въ преодмертной судорогѣ и изгибалось, стуча углами костей о каменный полъ...

Кровь истекла. Яды, казалось, дошли до сердца. Крѣпкое сухое тѣло Козьмы скорчилось, закостенѣло. Страшные глаза остеклянились, пустыми сдѣлались и круглыми...

Изорваннаго, сломаннаго Козьму выкинули на дворъ. И красносмертники ахнули, увидѣвъ его: тотъ, кто убилъ смерть, былъ убитъ.

Въ бездонномъ ужасѣ, въ дикомъ, смертномъ плясѣ забилась, затряслась толпа надъ тѣломъ Козьмы. Захрипѣла лютымъ послѣднимъ хрипомъ...

Кто-то на кого-то накидывалъ петлю. Кто-то въ кого-то стрѣлялъ... Кто-то кого-то кололъ штыкомъ...

Киша у перекладины бились смертнымъ боемъ конвойные съ красносмертниками. Наперебой просовывались въ крѣпкую тугую петлю на помостѣ, одна за другой, отчаянныя головы. Глядѣли вверхъ пустыми остекляненными глазами...

А палачъ дергалъ каждаго по очереди за ноги. Ждалъ, когда свянетъ трупъ, чтобы, вынувъ его изъ петли, бросить, словно бревно, на камни...

И дождавшись черьги, самъ накинулъ на себя петлю. Столкнулъ съ помоста подставку ногой и повисъ въ воздухѣ...

Кровавая встала надъ крѣпостью тишина. Но вдругъ, въ кучѣ труповъ, изъ потоковъ черной застывшей крови подымаясь медленно, захрипѣлъ Козьма-скопецъ:

— И-ду-у!.. Н-на н-небѣ... И н-на з-зямлѣ!..

Повѣсившіеся, хрустя костями, зашевелились. Вытянутыя подняли головы. Уставились на Козьму бездонными зрачками мертво...

. . . . . .

А тюремщики уже рубили висѣлицу и заметали метлами кровь.

VII.

Въ старомъ рабочемъ кварталѣ заступалъ разсвѣтъ. Надъ облѣзлыми, закоптѣлыми, вытянутыми къ слѣпому придавленному небу домами блѣдный разливался холодный свѣтъ. Кварталъ битымъ спалъ сномъ.

Но чуть зазолотились кресты, и яркія копья солнца ударили въ окна домовъ, какъ, словно чудища, заревѣли ужасающіе безумные гудки,

неотвратимо и властно созывая грезящихъ рабочихъ на смѣну ночнымъ братьямъ, безъ сна томившимся за станками въ грязи и копоти.

Надъ смраднымъ каменнымъ городомъ неслись жуткіе смертные вопли. Врывались въ клѣтки-гробы, гдѣ усталые спали труженики. Грызли мозги.

И рабочіе подхватывались въ нудѣ и страхѣ, кляня смрадный, нерушимый, какъ судьба, городъ. Шли на ненавистный зовъ—закоптѣлые, сонные, замученные жизнью...

А городъ ревѣлъ и завывалъ тысячеголосымъ ревомъ, гоня обреченныхъ въ черныя пасти фабрикъ и заводовъ—мертвыхъ чудовищъ... Казалось, это земля, поруганная двуногими, закованная въ гранитъ и желѣзо, встрепенулась... и видя, что нѣтъ ей освобожденія, разразилась ужасающимъ горькимъ воплемъ...

Но то ревѣлъ вампиръ-городъ.

По рабочему кварталу текли потоки мужиковъ. Передъ заводами бредущіе къ станкамъ рабочіе, встрѣчаясь съ хлѣборобами, останавливались вдругъ. Втихомолку переговаривались о чемъ-то. Грозили люто кому-то кулаками. И шли на площадь.

А на площади гудѣли протяжно и бурлили толпы.

Вахлатый и черный отъ копоти кузнецъ, взобравшись на бочку, надрывался, размахивалъ руками надъ моремъ головъ:

— Пад-д-жи-гать!... До-ма-а поджигать!.. А што?!.

Изъ воротъ дальнихъ заводовъ выходили ночные рабочіе. По пустырямъ и темнымъ переул-

камъ тревожно верещали свистки обезоруженныхъ и разогнанныхъ городовыхъ, метались, какъ угорѣлые, сбившіеся съ ногъ оголтѣлые сыщики.

А передъ каменной кузницей, въ толпѣ землеробовъ, по несокрушимой наковальнѣ, мѣся раскаленную добѣла мягкую сталь, грохотали молотки: подъ хохотъ и пляску толпы, кузнецы перековывали отнятыя у городовыхъ шашки въ орало.

Шумно вздыхали, какъ морской прибой, выгруженныя изъ кузницы и укрѣпленныя у наковальни горна. Столбы красныхъ шкварокъ сыпались на кузнецовъ огненнымъ снѣгомъ. Но тѣ стройно, другъ за другомъ опуская на раскаленную сталь тяжкіе молотки, ахали емко. Выправляли изъ неуклюжаго, спаяннаго изъ шашекъ, куска лемеши...

Гудѣла и клокотала тѣсная, дымная и пыльная площадь. Черной угрозной волной пѣнились, точно рѣка въ бурю, узкіе переулки, запруженные толпами.

Выкованное и загортованное въ холодной водѣ орало мужики подняли надъ головами.

— Братья!—вставъ на наковальню, властный бросилъ зовъ въ толпу Крутогоровъ:—Теперь земля наша! На черноземъ!.. Въ лѣса!.. Къ солнцу!..

— А то што?..—загудѣли рабочіе:—Идемъ!.. Бастуй, робя!.. Въ деревню!.. Ить ужо поослѣпли, безъ солнца-то! Позачичкались...

Въ утреннемъ дымномъ свѣтѣ города надъ чернымъ бурливымъ пологомъ вспыхнуло красное знамя. Вздрогнувшія несмѣтныя толпы протяжно и грозно запѣли старую вольную пѣсню... Двинулись черезъ городъ къ выходу. Запрудили улицы двуногихъ.

— Ж-жечь!.. Поджигать! — взбираясь на фонарные столбы махали руками какіе-то вахлачи:— А што?.. Насъ не жалѣютъ, а мы будемъ жалѣть?!.

— Не обижайте огня!.. — гудѣли внизу:—Нерушь ихъ черви жрутъ... А огонь зачѣмъ же сквернить?...

— Да и то сказать: оны сами себя пожрутъ!.. Какъ мы уйдемъ, такъ и зачнется грызня!..

— Зачуяли смерть, псюганы!..

— Не трожьте!.. Пойдемте своей дорогой...

Но вахлачи упрямо и дико все-таки орали. Спрыгивали съ фонарей и, хватаясь за карманы, неслись, сломя голову, по лѣстницамъ на чердаки домовъ: дворники, городовые, сыщики, жандармы попрятались гдѣ-то по подваламъ.

— Го-го!..—гоготали внизу:—Краснаго пѣтуха на насѣстъ садить?..

Мосты, улицы, запруженныя бурливыми валами рабочихъ, дрогнули и сотряслись: это вахлачи пошли работать динамитомъ. Съ крышъ домовъ, срываясь и сворачиваясь въ трубки, летѣли листы желѣза, обгорѣвшія балки, доски, карнизы... А на улицахъ крошились, дребезжа и звеня, разбиваемыя стекла, фонари... Въ ужасѣ и тоскѣ двуногіе, бросаясь на мостовыя съ третьихъ этажей, разбивали головы о стѣны...

Передъ сѣрымъ гранитнымъ дворцомъ плотнымъ чернымъ приливомъ остановились рабочіе.

Издали ахнулъ Крутогоровъ, увидѣвъ за оградой дворца Марію, строгую и суровую, одѣтую въ черный какой-то монашескій балахонъ.

И она, увидѣвъ земляковъ, вздрогнула. Кинулась къ нимъ черезъ открытыя ворота.

— И я ухожу!—странно кто-то и сурово кивнула она Крутогорову.

Похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо ея было все такъ же въ черныхъ качающихся кольцахъ ало. Глаза все такъ же были огненны, а станъ гибокъ, строенъ и высокъ.

— Какъ ты сюда попала?—подошелъ къ ней Крутогоровъ съ упавшимъ сердцемъ.

Низко-низко опустивъ голову, молчала Марія. И, вздрогнувъ, медленные и отверженные подняла глаза. Больно, какъ будто ее пытали, низкимъ недѣвичьимъ голосомъ бросила:

— Вызвалъ меня одинъ человѣкъ...

— Кто?

Бездонными глядя на Крутогорова и тяжкими глазами, покачнулась Марія. Припала грудью къ рѣшеткѣ:

— Ошаринъ... А что?

Глаза расширились, опустѣли. Лицо поблѣднѣло до снѣга, пальцы рукъ медленно разомкнулись. Какъ-то нелѣпо присѣвъ, грохнулась она на камни.

Напрасно ее и долго подымали земляки.

Когда, открывъ глаза, увидѣла Марія надъ собой печально склоненнаго Крутогорова, она забилась тяжко и глухо зарыдала...

А кругомъ сновали уже сыщики, переодѣтые городовые, жандармы. За оградой мелькали кареты съ красными кучерами. У подъѣзда цѣпью смыкались солдаты.

Въ боковомъ саду, подъ окнами прошелъ, держа что-то подъ полой, Никола.

И вотъ, отступивъ, вызывающее и грозно вскинулъ Никола твердый свой, какъ гранитъ,

голубой взглядъ. Метнувъ въ окно гремучій студень, ринулся сквозь кольца густыхъ кустовъ въ толпу...

Загрохотали карнизы, стѣны, рамы... Въ черныхъ зловѣщихъ клубахъ дыма задребезжали вазы, стекла... Очумѣлыя толпы зѣвакъ, торговцевъ, разносчиковъ шарахнулись отъ ограды. Поползли чернымъ валомъ по бульварамъ, карабкаясь на деревья и перепрыгивая черезъ ограды...

За окровавленнымъ, опаленнымъ Николою гнались, свистя и гикая гордовые, плюгавые сыщики.

Ахнули землеробы, увидѣвъ Николу. Сплошной лавой хлынули навстрѣчу ему. Окружили его плотнымъ кольцомъ. Свернувъ на площадь, слились съ бурнымъ человѣческимъ моремъ...

— Га-а!—гремѣлъ Никола, черный отъ ожоговъ и крови, не узнавъ даже Крутогорова:— Все кровопивство!.. Взорвать поганую эту планиду!.. Сжечь... Га!.. И Людмила тутъ!.. Въ окнѣ видѣлъ!.. Своими глазами!.. Га-а!.. Сжечь!.. Все— кровопивство!.. А землю возьмемъ?..

Вдругъ въ толпѣ передъ нимъ зеверещалъ въ свитокъ Ошаринъ.

— Гнусъ проклятый!..—громыхнулъ дико Никола, размахивая и круша огромнымъ, крѣпкимъ, какъ кремень, кулакомъ:—Все—кровопивство!..

Оглушенный кулакомъ, зашатавшись, грохнулся Ошаринъ на колѣни, подъ ноги тѣсной безпощадной толпы, закативъ глаза подъ лобъ...

Мужики и рабочіе — двинулись дальше. Отъ сѣраго дворца, сквозь толпу, давя стариковъ, мчались автомобили.

Въ послѣднемъ, черномъ автомобилѣ сидѣла

Тамара съ женщиной въ черной рясѣ діакониссы. За зеркальнымъ окномъ Крутогоровъ увидѣлъ; какъ, на мигъ, на одинъ только мигъ взглянула, на него Тамара... И отшатнулась.

Надъ вспѣненными, ярыми волнами бурый разстилался ѣдкій густой дымъ отъ пожаровъ. По мостамъ и улицамъ грохотали, несясь во весь духъ, пожарные, конные жандармы, гудѣли мчащіеся автомобили оголтѣлыхъ, обезумѣвшихъ, мятущихся въ предсмертной нудѣ двуногихъ...

За городомъ, свѣтлую грянувъ вольную лѣсную пѣсню, шумными ликующими хороводами ушли землеробы и рабочіе къ цвѣтнымъ полямъ и лѣсамъ, къ красному солнцу и синимъ далямъ...

Тѣ, что остались въ городѣ—были мертвецы.

КНИГА ПЯТАЯ.

СВѢТЛЫЙ ГРАДЪ.

I.

За темными лѣсами, за синими рѣками, по залитому желтымъ солнцемъ зеленому полю, разбрасывая цвѣты алые и бѣлорозовые и голубому вѣтру отдаваясь страстно, краснымъ неслась огневая Люда вихремъ въ шелкахъ и алмазахъ. Обдавала бѣглаго, помѣшаннаго Гедеонова синими глазами-безднами, жгла:

— Ты—чудище!.. Ты—страхота!.. Какъ ты смѣешь любить?.. Убей себя — не страши бѣлый свѣтъ!.. Ой!.. Скорѣй убивай себя!..

Но глядѣлъ на нее Гедеоновъ ненасытимо въ упоръ и ненавистно. Простиралъ костлявыя руки, задыхаясь:

— Подойди. Змѣя!.. А то убью. Подойди!

Люда, склонивъ голову съ золотой короной

волосъ и перебирая цвѣты нѣжными пальцами, шире раскрывала синія бездны, таящія смерть:

— Ой! Кто гаже тебя?.. Никто. Ты же гадокъ!..

Бросала цвѣты и шла—куда? За темные лѣса, за синія рѣки...

Но, обернувшись, вскрикивала издали Люда страстно и больно:

— Ой! Проклятый!.. Какъ же ты еще живешь на свѣтѣ?..

Извиваясь, звенѣла короткимъ ножомъ. Неслась надъ цвѣтами, краснымъ вѣя шелкомъ-вихремъ, губя и сожигая лепестки...

Въ душномъ лѣсу настигла Гедеонова Люда.

Взмахнувъ ножомъ, ударила его въ грудь, взвилась кровавымъ, слѣпымъ буруномъ, закрыла лицо руками и дико зарыдала...

По полямъ и лѣсамъ шли свѣтлыми хороводами пламенники, чистые сердцемъ сыны земли.

За озеромъ стоялъ потайной молчальницынъ скитъ. Туда пошелъ Крутогоровъ, солнце неся, радость, волю...

Въ оврагѣ, выжженномъ суховѣемъ, коптила, словно черная язва, у пути фабрика. Душная каменная клѣть стѣнъ оковывала приземистыя закуравленныя лачуги рабочихъ неумолимо, какъ судьба. Острыя трубы выхаркивали въ небо смрадъ. Ахали и гудѣли машины, дрожала поруганная земля...

Тревожные изъ-подъ каменныхъ глыбъ-стѣнъ выползали закоптѣлые люди. Подымались на лѣсные холмы. Шли за Крутогоровымъ.

И въ гористомъ полѣ, въ яркомъ желтомъ золотѣ солнца,—закоптѣлые, не видѣвшіе за рабо-

той свѣта бѣлаго, труженики, въ радостной пляскѣ, шумно ликовали:

— Воля!.. Здравствуй!.. Радость!

Но изъ кучи фабричныхъ выползъ вдругъ на костыляхъ куцый курносый горбунъ съ гнойными красными глазами. Подступилъ лихо къ Крутогорову.

— Эй, ты!.. Какъ тебя!.. Бабъ я люблю, какъ медъ, вотъ што! Безъ бабы дня не проживу! Хорошо это по вашему?. Вы, хлысты, тоже любите бабъ—хе-хе!

Синее трупное лицо горбуна осклябилось; изъ гнилого вонючаго рта забила желтая пѣна...

Подошелъ востроглазый какой-то, съ острой рѣдкой бородой оборванецъ. Подмигнулъ ехидно:

— Слушка прошла, будто вы городъ тайкомъ сожгли, ...Гм... Сволочи! Вѣдь въ городѣ только и жисть настоящая! Въ трак-тиръ зайдешь, въ святое мѣсто къ дѣвченкамъ заглянешь... Театры вечера... А въ деревнѣ — какое тебѣ удовольствіе?.. Даже публичнаго дома нѣту... У насъ вотъ въ посадѣ и то лучше... Эхъ, и когда я ето переберусь въ городъ!.. Сволочи и есть...

Яснымъ окинулъ Крутогоровъ взглядомъ толпу. Поднялъ свѣтлый голосъ:

— Гдѣ же воля?.. Солнце?.. Гдѣ радость?.. Братья мои! Кто хочетъ солнца?.. За мной! Въ Свѣтлый Градъ!..

Но толпа фабричныхъ, странно и подозрительно утихнувъ, вернулась въ оврагъ.

А оборванецъ съ вострыми глазами и рѣдкой бородкой, на цыпочкахъ сѣменя за Крутогоровымъ, ушедшимъ въ цвѣтную даль, лебезилъ вкрадчиво:

— Все проходитъ!.. Не проходитъ только человѣкъ, такъ сказать... который поднялся надъ уровнемъ... Вѣдь пророки и святые не изъ за ближнихъ сгорали на кустахъ... гибли въ темницахъ и пещерахъ... А такъ сказать, чтобъ потомъ возславили ихъ... Себя, свою славу они любили... Изъ за этого и шли на костры... Отчего бы и намъ не возвыситься надъ проклятой чернью?.. А? Ты пророкъ... Гм... И обо мнѣ писалибы въ газетахъ... А?

Но Крутогоровъ молча шелъ. И оборванецъ, отставъ, уже клялъ его въ отчаяньи и поносилъ. Да въ душѣ солнцебога чистая цвѣла радость и небывалымъ, нетлѣннымъ свѣтомъ горѣло незаходящее солнце Града...

Голубымъ цвѣтоноснымъ пламенемъ искрились лазоревые лѣса, степи. Въ горячемъ золотѣ свѣта свѣжіэ купались сады; словно кадила, дымились голубые луга, свѣтящіе цвѣтами, будто каменьями огнеметыми. Даль тонула въ аломъ туманѣ...

Подъ лѣснымъ селомъ, въ облитомъ бѣлыми лучами солнечномъ березнякѣ праздновали русалій день. Мужики, бабы, дѣвушки въ яркобурунныхъ хороводахъ вихрились по травамъ.

Въ солнечный березнякъ вошелъ Крутогоровъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Хороводы, радостно и ликующе осыпавъ его пучками васильковъ и анютиныхъ глазокъ, пѣли:

Радуйся, солнце красное!
Радуйся, воля вольная!
Радуйся, радость свѣтлая!
Ой, радуйся царь нашъ!
Святи небу-землю!

Крѣпко обнимали Крутогорова мужики. Цѣловались съ нимъ неотнимно.

— Не ерепеньтесь!.. Сами съ усами.—выскочилъ вдругъ изъ за кустовъ, хорохорясь, неизвѣстно откуда забредшій, щуплый жиганъ:—Эшь, взъерепенилась, черти сиволапые. Мы интеллигенты... впитали культуру... съ молокомъ матери... И то молчимъ... ждемъ до поры — до времени!.. А вы—вонъ чего захотѣли? Власти!..

— Мы не власти хотимъ,—бросилъ Крутогоровъ, полуобернувшись къ нему:—Но солнца, одиночества и мукъ. Вѣдь и Богъ жилъ въ солнечной пустынѣ... И принялъ лютую казнь... какъ проклятый...

— То-есть... какой-же это Богъ... Гм...—хмыкалъ востроглазый, скрываясь въ кустахъ.

Въ яркихъ вѣтвяхъ мелькнула пряча подъ чернымъ платкомъ лицо, дѣвушки.

Грозно и долго воззрилась на Крутогорова изъ-за хоровода, качая упругими, отливающими вороненымъ серебромъ кольцами волосъ.

— Скажи, чѣмъ я тебя огорчилъ? — свѣтлой улыбкой встрѣтилъ взглядъ ея Крутогоровъ.

— Ахъ!.. Братцы мои!.. — взметнулась она: — Кляните его!..

Опустила суровое, загорѣлое лицо, до бровей скрытое монашеской скуфьей... Упругія, кольца волосъ закачались надъ алыми щеками...

Вдрогнулъ Крутогоровъ, узнавъ Марію...

Отошелъ за яркія вѣтви, къ стволу, обливаемому солнцемъ. Ждалъ, не выйдетъ ли изъ-за березъ мученица.

Но ея уже не было въ солнечномъ березнякѣ.

Въ горячемъ голубомъ свѣтѣ метались, какъ

въ бреду серебряныя листья. Звенѣли, лили хрустальную струю. Съ горы, въ огненно-бѣлую даль лазурнаго полдня глядѣли хороводы, и радовались животворящему свѣту, и пѣли свѣтлыя русальи пѣсни...

Земля цвѣла золотыми цвѣтами, шептала-бредила: будь пѣснопѣвцели—поэтомъ.

Пѣла земля: передъ тобою склонились міры и царства, ибо покорилъ ты все, что доступно взору. Какъ небо, безмѣрна, власть твоя. Цари покоренныхъ тобою царствъ служатъ тебѣ въ сердцахъ. И прекраснѣйшія изъ женъ колѣнопреклоненно и трепетно ждутъ, когда осчастливишь ты ихъ взглядомъ властителя міровъ...

Но ты отвергни власть надъ мірами. Ибо не тотъ великъ, кто покорилъ міры и властвуетъ надъ сердцами, но тотъ, кто, горя и сгорая на кострѣ жизни, постигъ ликующе радость и вздохъ солнца, языкъ звѣздъ и цвѣтовъ, сердце земли и поетъ одиноко и недоступно...

II.

Бѣлый ароматъ обдавалъ сердце сладкимъ холодомъ, билъ въ голову, что крѣпкое вино. Надъ синимъ озеромъ, шатая спутанныя косы гибкихъ ночныхъ ивъ, шумѣлъ вѣтеръ. Переплескивались о чемъ-то съ волнами шептуны-камыши. Цвѣтистыя горныя травы дымились, словно жертвенники, и качались на стебляхъ вѣщія птицы.

За озеромъ дымные лѣса смѣшивались съ златоцвѣтной, бросившей сумракъ подъ вершины березъ, ночью. Молчальницынъ скитъ маячилъ

изъ темной дальней хвои. Нѣжной манилъ къ себѣ тайной.

Изъ-за лѣсовъ, цѣпляясь за вѣтви шумящихъ ивъ, темные плыли, нѣжные малиновые звоны. Разстилались по горнымъ лугамъ. А за серебряными звонами катились, перекликаясь и тая, свѣтлыя, жемчужныя розсыпи волнъ...

Когда вошелъ Крутогоровъ въ лѣсную глушь, его обдало свѣжимъ крѣпкимъ ароматомъ ладана и цвѣтовъ. Подъ ноги ему, теряясь въ ночной зелени, упалъ блѣдный свѣтъ: за старыми дуплистыми липами прошла съ зажженной свѣчей въ рукѣ монахиня въ черной длинной рясѣ.

Лѣсные цвѣты распускались подъ росой, и словно херувимскій ладанъ курился ихъ ароматъ острый и крѣпкій какъ вино. Росная свѣжая земля, съ горькимъ запахомъ смолы и березняка смѣшиваясь, вѣяла холодомъ и укропомъ. Въ зеленомъ сумракѣ пряный бродилъ, хмельной туманъ. Впитывая влагу росъ, разбухали въ сыромъ теплѣ ростки. За оградой сумно колыхалось глубокое темное озеро, и звѣзды упорно выплывали изъ него, качаясь на волнахъ.

Надъ склономъ берега смутнымъ призракомъ подымалась воздушная, каменная, обвитая хмелемъ, паперть, въ вѣтвяхъ березъ и черешенъ, облитыхъ свѣтомъ синихъ хрустальныхъ лампадъ.

Въ молчальницынъ скитъ не смѣлъ никто и ступить ногой, боясь небесной кары. О приходящихъ и недугующихъ и жаждущихъ мановенія прорицала молчальница на паперти—знаками, черезъ приближенную послушницу. Жизнь свою она проводила въ вѣчной молитвѣ. По ея молчаливому предстательству Сущій щадилъ міръ.

Но она поклялась не говорить на землѣ не только съ людьми, но и съ Сущимъ.

Толпы паломниковъ стекались къ ней, подобно горнымъ истокамъ, жаждущимъ слиться съ рѣкою. И каждый находилъ у ней утѣшеніе, радость, свѣтъ, ибо иные, невѣдомые міры открыты были ей и ясна ей была книга судебъ.

По оградѣ, сплетаясь въ вѣнки, спускались валы дикаго виноградника. Вѣщая ночь одурманивала Крутогорова, околдовывала. И глаза бездны глядѣли на него: итти или не итти?

За обрывомъ плескались волны. Изъ тростниковъ выплывали лебеди. Шумно били крыльями о темныя волны, таинственно кого-то клича изъ синяго далека. А съ волнами сплетались цвѣты и звѣзды. И невѣдомые ночные зовы взрывали душу—пѣли: иди!

О цвѣтахъ лѣсныхъ, о загадочной жизни лебедей грезилъ Крутогоровъ. И свѣжая земля поила его росной грудью...

Тёкъ ропотъ волнъ подъ бѣлоснѣжными лебедиными крыьями. Вздыхалъ протяжно лѣсъ.

Крутогоровъ пошелъ къ скиту.

Изъ сумрака, озираясь, выплыла все та же монахиня. Остановилась на дорожкѣ, какъ вкопанная, увидѣвъ Крутогорова. Низко-низко опустила голову, прижавъ къ щекѣ пальцы сомкнутыхъ, смутно бѣлѣющихъ въ сумракѣ рукъ. Проронила тихо:

— Иди назадъ... Не знаешь развѣ?

Не понявъ, Крутогоровъ молчалъ печально. А горячая волна, захлестнувъ, отняла у него сердце.

И вдругъ, спохватившись, вскрикнулъ Крутогоровъ глухо:

— Это ты!

— Уйди.

— Нѣтъ, не уйду. Я пришелъ къ молчальницѣ.

— Не уйдешь?—странно вызывающе подняла голову Марія.

И поникла горько:

— Всѣ на меня!... На кого Богъ, на того и люди... За что ты меня мучишь?... Ты мнѣ—самый родной человѣкъ на свѣтѣ былъ... А теперь...

Крутогоровъ, подойдя къ ней, сжалъ тонкіе ея горячіе, пахнущіе ладаномъ и расцвѣтающей черемухой, пальцы. Удивленно и загадочно приблизила она свои глаза къ его глазамъ. А крѣпкая ея высокая грудь, то подымалась подъ строгими складками рясы, то опускалась.

Молча упавъ передъ ней, приникъ грудью Крутогоровъ къ горячимъ ея ногамъ и страстно ихъ сожмалъ. И вся она вздрагивала, какъ листъ, колеблемый вѣтромъ... А Крутогоровъ вдыхалъ запахъ свѣжаго чернозема, пьянѣя отъ хмельной мглы и отъ жаркаго Маріина тѣла.

— Я слышу зовъ ночи!

Нагибалась Марія надъ нимъ нѣжно и горестно. И, нечаянно грѣя его своимъ дыханіемъ, требовательно-строго, сцѣпившіеся размыкала пальцы рукъ, обнимавшихъ ея ноги.

А голосъ ея, чуть слышный, грудной низкій голосъ грозно дрожалъ и глухо:

— Ты зналъ мои муки... И убѣжалъ отъ меня! Отчего бѣгутъ отъ меня всѣ, какъ отъ чумы?!. Всѣ меня оставили... А ты...—стиснула она горячими руками раскрытую его голову:—Ты... Одна я на свѣтѣ...

Пьянѣлъ отъ ароматныхъ рукъ ея Крутогоровъ, отъ пѣвучаго грудного голоса. Поднявшись, искалъ уже страстными губами ея алыхъ и томныхъ—онъ ихъ зналъ—губъ. Но Марія, вывернувшись крѣпкимъ и сильнымъ порывомъ изъ подъ его груди, отошла прочь.

Печально покачала головой, понизивъ голосъ и странно какъ-то ослабѣвъ:

— Одна я на свѣтѣ...

Притихла. Какъ-то пригнулась и, въ упоръ глядя на Крутогорова, медленно протянула и сурово:

— Я схожу съ ума.

И пошла по дорожкѣ къ озеру.

Но, вернувшись, со склоненной головой обдала Крутогорова огнемъ и ароматомъ гибкаго своего тѣла.

— Ты у меня былъ самый родной человѣкъ на свѣтѣ... Кто для тебя дороже, скажи: Сущій или люди?

— Люди.

Въ глухомъ темномъ ельникѣ одиноко и вѣще каркнулъ воронъ. Тревожно дрожа и сжимаясь, прислушалась Марія. Жуткимъ бросила голосомъ.

— Одна я!..

Крутогоровъ, слѣдя за мѣрной дрожью плечъ ея, поднялъ голову:

— А Свѣтлый Градъ?

— Нѣтъ... Нѣтъ...—тревожилась Марія:—Мой Богъ—Распятый... Почему ты о Немъ никогда не говоришь?..

— Я зову пить вино новое—какъ и Онъ.

Сомкнула Марія руки горестно. Зарыдала:

— Я помолюсь за тебя...

Ночные цвѣты — цвѣты крови — разливали хмель и дурманъ, полонили. Крутогоровъ, шатаясь, пьяный отъ кровавыхъ цвѣтовъ, поднялъ Марію, смялъ горячее, знойное тѣло, выпилъ кровь изъ пышныхъ губъ ея. И она, беззащитная, обомлѣла въ сладкой и больной истомѣ...

Крутогоровъ отыскалъ глаза ея и, запрокинувъ голову, слилъ ихъ съ собой.

— А-а-хъ!—дико и хитро вырвалась Марія. Отошла за черешню, поправляя сбившійся платъ. Скрылась въ сумракѣ чернымъ невѣдомымъ призракомъ.

Съ земли вставалъ теплый влажный паръ. Обволакивалъ лѣсъ. Пахло вечернимъ дождемъ и русальими травами. Глухо и протяжно шумѣлъ надъ лѣсомъ, задѣвая верхушки, вѣтеръ, раздувавшій звѣзды, самоцвѣты ночи.

Одержимый цвѣтами крови, ночнымъ сумракомъ, шелестомъ лѣса, палъ Крутогоровъ ницъ, на мокрую траву. Поднялъ голосъ:

— Я поведу ихъ въ Свѣтлый Градъ!

Распростеръ руки. Обнялъ сырую землю крестообразно.

Грозно всплыло облако и уронило на лѣсъ черную тѣнь.

Въ сумракѣ, упавшемъ отъ облака, всталъ Крутогоровъ и пошелъ въ скитъ.

Въ скиту-часовнѣ горѣли лампады. Сквозь узкія окна маячили цвѣты.

Взошелъ Крутогоровъ на паперть. Потушилъ лампады, отчего пропала зелень березъ, яркая, шелестѣвшая надъ головой и обдававшая холодомъ.

Кто-то отворилъ бѣлую дверь.

Крутогоровъ, заслышавъ близость юнаго, знойнаго Маріина тѣла, обомлѣлъ. Замеръ.

— Кто тутъ?

— Я хочу заглянуть въ скитъ—шагнулъ Крутогоровъ къ двери:—Хочу узнать тайну скита!

— Кто позволилъ?.. — задыхаясь отступила Марія.—А-ахъ!..

Какъ Богъ, властно и безраздѣльно взялъ ее Крутогоровъ, замкнулъ въ могучее кольцо своихъ рукъ скользкій атласный станъ ея... И странно: ея горячія нагія руки, дрожа медленной жуткой дрожью, лежали на его спинѣ; странно: отъ Маріи вѣяло огнемъ и ландышами, и черемухой, а по ея раздвоенной гибкой спинѣ—какъ этого онъ не зналъ раньше?—черная пышная коса спускалась и перепутывались черныя кольца, щекоча ему глаза...

— Она... твоя... род-ная сестра-а!..—глухо поперхнулась и смертно черная высокая схимница, выросшая вдругъ въ дверяхъ скита, какъ мстительный грозный призракъ, съ крестами смерти и черепами на черномъ саванѣ, съ протянутой для кары костлявой трясущейся рукой.

За рѣшеткой что-то упало, рѣзко зазвенѣвъ. Съ цѣпи оборвалась граненая хрустальная лампада.

Въ поѣдающей тоскѣ закрыли лица руками, припали братъ и сестра къ рѣшеткѣ, неподвижные, окаменѣлые.

— Пр-окли...на-ю!.. — задыхалась отъ гнѣва, обиды и жути, рыдала и билась о притолку смятенная старая схимница въ длинномъ черномъ саванѣ: — Съ отцомъ ихъ... окаяннымъ... проклина-ю!..

Странная подошла и грозная тишина.

И къ тишинѣ прислушиваясь, недвижнымъ глядѣла слѣпымъ взглядомъ въ тьму мать. Ждала чего-то, вздрагивая, какъ дерево разбиваемое грозой...

На груди у нея висѣлъ, въ серебрѣ, образъ Молчанской Богоматери. Обѣтъ молчанія не сдержанъ. Клятва нарушена...

— А... а... а!..—вдыхала схимница въ себя воздухъ, какъ будто ей не хватало его.

Сбросивъ въ себя костенѣющими руками образъ, спустилась съ паперти. Побрела въ темь, съ выбившимися изъ подъ шлыка сѣдыми, мутными прядями волосъ, съ головой мертво опущенной, недвижимой, точно снятой съ плечъ.

Наткнулась на корни. Тупо, какъ камень, ударилась о стволъ головой. И распласталась по землѣ бездыханнымъ трупомъ...

По душистому тревожному лѣсу разливался хмѣль и дурманъ земли, цвѣтовъ и ночи. Облако, открывъ звѣзды, отплыло къ обрыву и повисло надъ озеромъ, какъ крыло вѣщей птицы.

Жуткими сошелъ Крутогоровъ съ паперти шагами. Потонулъ въ лѣсу.

Внутрь же скита такъ и не заглянулъ.

III.

Въ тишинѣ лѣсовъ горнимъ, незримымъ загоралась Русь солнцемъ. Въ каменныхъ логовищахъ все также грызлись и пожирали другъ друга двуногіе, и все также работали палачи въ тюремныхъ закоулкахъ. А по одинокимъ скитамъ,

по молчаливымъ весямъ разливались уже сплошными яркими зорями побѣдные, невѣдомые свѣты...

Передъ встрѣчей солнца Града, прошелъ въ Знаменскомъ темный слухъ, будто попъ Михайло, бѣжавъ изъ сумасшедшаго дома, куда его запрятали послѣ убійства попадьи и матери Гедеонова,—скрывается въ дикихъ заозерскихъ лѣсахъ. По ночамъ же навѣщаетъ свою избушку на краю Знаменскаго.

Въ избушкѣ съ разломаннымъ крыльцомъ, разбитыми окнами, старой замшѣлой крышей и покосившимися дверями не цвѣли уже анютины глазки, не развѣвалъ линялыхъ занавѣсокъ вѣтеръ и бабы да мужики не ходили туда больше за наговорами. Только по раннимъ зорямъ изъ похилившейся тесовой трубы выползалъ дымъ да въ разбитыхъ окнахъ маячилъ огонекъ. Но все-таки мужики не знали доподлинно, ходитъ ли попъ по ночамъ въ избушку?

Въ глухую августовскую полночь два-три смѣльчака, пробравшись высокимъ бурьяномъ къ окнамъ, увидѣли, какъ въ горницѣ, звякая желѣзными кочерьгами, крутились: попъ Михайло, какая-то красава-волшебница и Гедеоновъ. Волшебница, въ бѣлыхъ дорогихъ нарядахъ ворожила молча надъ треножникомъ съ зажженными заклятыми зельями и куревами. А Гедеоновъ съ попомъ плясали, мѣшая кочерьгами снадобье и выкрикивая глухо какія-то хулы.

Охваченные столбнякомъ, стояли смѣльчаки передъ жуткимъ зрѣлищемъ, не посмѣвъ переступить порогъ поповской хаты. И ни у кого не хватило духу кликнуть по селу кличъ на лютыхъ

кудесниковъ, насылающихъ на мужиковъ бѣды. Боялись колдовскихъ чаръ красавы.

И ушли смѣльчаки ни съ чѣмъ.

А про красаву пошла недобрая и страшная молва. Шалтали, будто ее подъ замкомъ держитъ свирѣпая гедеоновская челядь въ дворцѣ. И дѣлитъ съ ней по очереди ложе любви: такъ завелъ Гедеоновъ, еще когда онъ жилъ съ красавой въ городѣ.

Но и красава не оставалась въ долгу: почти вся челядь изуродована была ею. У кого не доставало глаза, у кого—носа, и всѣ ходили съ ковыляющими навыворотъ ногами. Да и самаго Гедеонова она не щадила. Зато и замыкали ее въ дворцѣ на ключъ.

Но въ полночь, подъ хохотъ совъ и шабашъ нечисти на тысячелѣтнемъ дубу, замки въ дворцѣ отмыкались какъ бы по щучьему велѣнію. И невѣдомую власть надъ душами получала волшебница, и шла губить, кого ни попадя, въ лѣса...

По дебрямъ и лѣсамъ, бросивъ пламенниковъ, бродилъ обгорѣвшій, помутившійся Никола. Искалъ Люду. И не находилъ.

Уже подъ Знаменскимъ дошла до него молва о загадочной и лютой красавѣ. Неладное что-то почуялъ Никола. Собравъ мужиковъ, ночью двинулся на избушку попа облавой.

Когда, выломавъ дверь, ввалились въ хибарку мужики, ихъ обдало затхлымъ пыльнымъ духомъ нежити. Тубареты, столы, полки, шкафы и углы заволакивалъ ѣдкій какъ ядъ дымъ ересныхъ травъ. Въ облупленномъ красномъ углу, гдѣ прежде была божница съ тремя ярусами иконъ—теперь висѣли чуть видныя старыя запсиневѣв-

шія картины: праматерь Ева, нагая съ сердцемъ, прободеннымъ острыми мечами,—и братоубійца Каинъ. Передъ картинами коптила сальная свѣча. Но въ хатѣ было темно и жутко.

Никола, обшаривъ перегородки и углы, никого не нашелъ. Мужики, матюкаясь и харкая на треножникъ съ потухшимъ колдовскимъ куревомъ, вывалили уже было изъ поповской избушки. Но, вдругъ, въ сѣняхъ, подъ рундукомъ затрещало что-то, закряхтѣло. Никола поднялъ фонарь. Изъ подъ рундука закоптѣлый и запыленный лѣзъ попъ... Только по желтой, облѣзлой головѣ можно было узнать его: лицо было закрыто брахломъ.

— Ну-ко, попъ-батько... Держи полы!—встряхцули его мужики.

— Въ закромѣ онъ, въ закромѣ...—дико озирался попъ:—Держите его!.. Не уйти мнѣ отъ него...

Оборвалъ крючки поддевки, раскрывая рыжую свою волосатую грудь и впиваясь въ нее когтями.

— Тутъ онъ сидѣлъ. А теперь... А-а-а!..—завылъ попъ, тараща безумные глаза на мужиковъ:—И вы, знать, имъ подосланы?.. Ну, рѣшите меня! Я погубилъ свѣтъ... Нате мое сердце! Глядите, что тамъ есть.. О-охъ! Некуда дѣться инѣ отъ него...

— Га!.. Все кровопивство!—загремѣлъ смятенный, опаленный Никола:—Кто это онъ? Говори, что тутъ завелось—въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ?.. Кого ты загубилъ?... Га! а какая красава ворожитъ тутъ у васъ? Держись, чертово сѣмя...

Откинулъ брахло попъ. Забѣгалъ по сѣнямъ, колясь сумасшедшими бѣлесыми зрачками.

— Онъ тутъ... О-охъ, избавительница, Владычица! Приди! Укроти его! Онъ меня забирать пришелъ...

— Не Людмила—звать ее?..—пыталъ Никола попа, и голова его мутилась:—Га! я ее еще въ городѣ... видалъ... Разрядили ее ехидны! Въ шелкъ... А теперь... загнали васъ сюда?.. Все кровопивство!.. Эй, отвѣчай, коли... Гдѣ Людмила?

Но попъ, вдругъ, перекрестившись широко, упалъ посреди сѣней на колѣни:

Передъ нимъ отвѣтъ буду держать!.. Благословенъ грядый! А ты—отыди отъ меня, чистый... Казнить меня пришелъ?!. Судить? Недостоинъ! Ибо чистъ! Отыди! Послѣдній день мой...

Грозно какъ-то и глухо притихъ Никола.

— Га!—сжалъ онъ крѣпкіе кулаки:—Кого рѣшать?.. Кого крушить?.. Кру-ши-ить!.· Эй!.. Не умру я такъ... Отшлачу!.. И ей... змѣѣ... И... всѣ-мъ!.. Попъ тутъ не виноватъ... Га! У кого рука не дрогнетъ? Вострі топоръ! А попа — къ черту! Бросьте его.

Мужики вбросили попа въ хату. Сами же, высыпавъ на дворъ, пропали въ высокомъ непролазномъ бурьянѣ.

А попу зловѣщее запало въ башку, грозное: мужики были присланы имъ, чтобы напомнить попу о послѣднемъ часѣ исповѣди и смерти...

Тайкомъ, скрытыми тропами пробрался попъ къ церкви. Сорвалъ съ двери печать Досталъ въ ризницѣ, за входомъ облаченіе и пройдя, въ придѣлъ, распластался передъ престоломъ въ смертномъ страхѣ. Завылъ протяжно и кроваво...

Была въ воѣ попа боль, неизбывная и нескончаемая, и извѣчная нечеловѣческая тоска...

Головы поднять попъ не посмѣлъ передъ престоломъ. Ничкомъ, закрывъ глаза и сердце, поползъ на локтяхъ въ притворъ...

Передъ разсвѣтомъ зловѣще и гулко загудѣлъ окрестъ старый знаменскій колоколъ.

Православники, необычнымъ удивленные звономъ, тревожные и полусонные шли, наспѣхъ одѣвшись, садами въ церковь.

Изъ узкихъ рѣшетчатыхъ оконъ красные падали, сумные огни подъ черныя купы каштановъ и яблонь, налитыхъ спѣлымъ золотомъ.

Въ церкви зажженныя лампады и свѣчи были уже перевиты травою и поздними цвѣтами. Православники, радуясь, что запретная печать съ храма снята, и въ немъ впервые за годъ будетъ отслужена обѣдня, будутъ исповѣданы и пріобщены вѣрующіе тайнамъ — страстно молились и огненно, павъ передъ запыленными кавотами ницъ...

Въ алтарѣ, смертельно-блѣдный, безумный и шатающійся, съ перекошеннымъ, орошеннымъ кровавой пѣной, ртомъ, съ пустыми, бѣлыми, расширенными до послѣдняго предѣла глазами глухо и страшно правилъ попъ раннюю обѣдню. Окуривалъ себя ладаномъ. Посылалъ отравленные, безумные возгласы, безнадежно и мертво опустивъ облѣзлую сплющенную голову и не посмѣвъ взглянуть на запрестольный строгій ликъ Саваоѳа...

Увидѣли православники въ ладанномъ дыму несчастнаго своего попа, поруганнаго и отверженнаго. И темный охватилъ ихъ, и нѣмой ужасъ. Полоненные зловѣщимъ, взвахлаченные и кряжистые, не знали они за кѣмъ слѣдить: за попомъ

или за собою? Не шевелясь, притаивъ духъ, ждали, что будетъ... Страшнаго ждали чего-то, небывалаго.

А попъ брякалъ кадиломъ и гнусилъ. Тѣло его въ похоронной черной ризѣ тряслось и кочанѣло. Бѣлые глаза глядѣли, не мигая, пусто и мертво. Языкъ ломала судорога; голосъ обрывался и глохъ. Зналъ попъ, что за нимъ слѣдитъ онъ. Зналъ и торопился, какъ бы не опоздать съ исповѣдью.

И, выйдя мертвымъ призрачнымъ шагомъ на амвонъ, лицомъ къ лицу съ паствой, горько заплакалъ:

— Кай-тесь!.. Всѣ!.. Въ послѣдній разъ!.. Родные мои...

Всколыхнувшаяся толпа, рыдая, зыгудѣла:

— Прости-и!.. Кормилецъ ты на-шъ..

Съ поднятымъ крестомъ и евангеліемъ, въ черной епитрахили, исповѣдывалъ паству разстрига грозно и гнѣвно, какъ власть и благодать имѣющій. Лицо его было страшно, какъ смерть. Когда утихли крики и слезы исповѣди, попъ благословилъ и простилъ павшее ницъ, сокрушенное мужичье:

— Азъ, недостойный іерей... властію, мнѣ данной... прощаю и разрѣшаю.

Передъ причастіемъ вышелъ попъ изъ алтаря на середину церкви, ни живъ, ни мертъ, спотыкаясь. Въ свѣтѣ смертнаго часа безумный поднялъ на оцѣпившую его толпу взглядъ. Но не вынесъ живыхъ человѣческихъ глазъ и, павъ ницъ, завылъ истошнымъ воемъ:

— Прости-те!.. Погубилъ я... свѣтъ... Убилъ церковь... святую... Уби-илъ! У-у...

Дрогнула рыдающая толпа:

— Бо-гъ проститъ... Прощаемъ и мы... Ты... не виноватъ...

— О-охъ!.. Тошно!.. Земля не носитъ!..

Поднявшись, костлявымъ плечемъ раздвигая толпу, проковылялъ попъ въ алтарь. Тряскими руками взялъ чашу съ престола. Съ трепетомъ, въ холодномъ, нѣмомъ ужасѣ, убитый кротостью простой чистой души, ея любовью, что вмѣщаетъ и отверженныхъ, прочиталъ поломаннымъ коснымъ языкомъ предпричастную молитву...

И причастилъ вѣрующихъ тайнамъ.

Когда, вернувшись съ чашей въ алтарь, воздѣлъ попъ руки и сердце горѣ, моля Сущаго о прощеніи передъ концомъ и возсылая благодарственную пѣснь за чудо очищенія тайнами,— кто-то невѣдомый подалъ кличъ: иди.

— Иду!.. — безнадежно сомкнулъ попъ рѣсницы.

Не торопясь, уже наполовину мертвый, подошелъ къ жертвеннику. Протянулъ руку за ядомъ.

Окаменѣлъ: сосудъ съ ядомъ былъ пустъ.

Ядъ, стало быть, влитъ былъ въ чашу съ тайнами.

Въ головѣ у попа и мертвыхъ глазахъ зацвѣли кровавые вихри. И черное что-то, неотвратимое двинулось на него...

Передъ сердцемъ—бездна, пустота. Вотъ до нея—три шага, вотъ—два, и вотъ—одинъ шагъ.

А по церкви дикіе неслись уже, жуткіе крики и вои:

— А-а!.. Помогите!.. Помира-ютъ... А-а!..

Гудѣла зловѣще толпа, грознымъ кидаясь на алтарь шкваломъ...

Трупными, стылыми задернувъ завѣсу руками, путаясь въ рѣдкихъ рыжихъ волосахъ бороденки, синій, сунулъ попъ голову въ ѣдкую, наспѣхъ сложенную изъ крѣпкаго шелковаго шнура петлю. Подогнувъ колѣна, повисъ... И темныя волны подхватили его, и со всѣхъ сторонъ его оцѣпила тошная непродыхаемая муть...

Похолодѣвшее, пьяное отъ ужаса сердце, оторвавшись, поплыло медленно, растопилось. Все захлестнула черная огненная волна... Только строгій ликъ за престоломъ грустилъ, словно живой, и, отдѣлившись отъ стѣны, шелъ за попомъ неотступно...

IV.

За Гедеоновымъ слѣдили.

Въ Петербургѣ о немъ открыто говорили уже, какъ объ убійцѣ дѣда, жены и матери. Небудь у него защитниковъ ехиднъ, не миновать бы ему кандаловъ. Въ ходъ пущены были угрозы и подлоги, такъ что, пока шли розыски, Гедеоновъ спряталъ концы въ воду. А послѣ и схватились съ арестомъ, да было уже поздно: Гедеонова и слѣдъ простылъ.

Чтобы не подымать шуму, газетамъ запретили писать о Гедеоновѣ.

Втайнѣ уединившись съ возлюбленнымъ своимъ въ старинномъ глухомъ имѣніи, утѣшала его княгиня. Но Гедеоновъ зналъ, что нѣтъ ему утѣшенія. И маялся люто, рвалъ на себѣ волосы, одежду.

А зачуявъ конецъ, бросилъ княгиню и укатилъ тайкомъ въ Знаменское: захотѣлось напослѣдокъ сорвать сердце на мужикахъ...

Днемъ Гедеонова прятали и охраняли преданные ему черкесы. Ночью же подъ его атаманствомъ лютая челядь рыскала по селамъ и хуторамъ, насилуя, оскверняя и убивая...

Скрыть солнце и звѣзды, и облака и обратить цвѣтистую живоносную землю въ холодную мертвую пустыню, чтобы взять міръ изморомъ— Гедеонову не по плечу было. И даже не подъ стать ему было изничтожить съ корнемъ распротреклятое мужичье, изъ-за котораго онъ погибалъ... Думалъ казнями мужиковъ выслужиться и развязать себѣ руки, а вышло наоборотъ.

Зато добиралъ Гедеоновъ каверзами: рубилъ у мужиковъ сады, лѣса, топталъ и жегъ нивы, луга. И если попадались красивыя дѣвушки, ловилъ ихъ и, обезобразивъ, осквернивъ, голыми привязывалъ къ верстовымъ столбамъ.

— Сильные —ненавидятъ красоту! — сжималъ кулаки и брызгалъ гнилой желтой слюной Гедеоновъ:—Потому что красота выше силы, это вѣрно хлысты поняли, мать бы ихъ...

Подъ Ильину ночь въ дикомъ хвойникѣ молилась за брата на мѣловой скалѣ дѣва Града.

Тайкомъ, чтобъ не знали мужики, пробравшись съ черкесами къ мѣловой скалѣ, шарилъ въ ельникѣ Гедеоновъ. Жадными и ненасытными слѣдилъ за Маріей глазами.

Когда та, черныя развѣявъ по ночному вѣтру кудри, трепеща и цвѣтя, словно божественное чудо, сняла съ себя одежды и озарила нагой, острой красотой лѣсъ, Гедеоновъ, трясущійся и хриплый выскочилъ изъ засады. Гикнулъ, задравъ голову:

— Эй, достать стерву!..

Молчала Марія, стройная и неподвижная, какъ изваянье. Молилась безсловесно и страстно съ поднятыми гибкими точеными руками и бездоннымъ ночнымъ взоромъ, бросая свѣтъ горней своей красоты въ сумракъ хвои

— Ну, такъ веди меня, мать бы...—вспылилъ Гедеоновъ:—въ Свѣтлый этотъ... какъ его, городъ... Я буду вѣрить! Эй! Не серди, стерва.

Изъ оравы молча и угрюмо вышелъ сизый крючконосый черкесъ. Вскарабкавшись на скалу, кинулся вдругъ къ Маріи дикой кошкой. Схватилъ ее, нагую, трепетную и извивающуюся въ оберемо. Снесъ внизъ, глухо и протяжно рыча.

Гедеоновъ широко и похотливо облапилъ упругое бѣлое тѣло Маріи. Въ нѣмой тревогѣ, какъ бы боясь, что все-таки не насытить ему глазъ своихъ, задрожалъ:

— Охъ, хороша, мать бы... Охъ...

Подъ узкимъ раскосымъ зракомъ его—зракомъ ненасытимаго неутоленнаго гада—корчилась Марія, закрывая глаза руками. Падала, обезсиленная и поломанная, ницъ. Но ее подхватывалъ все тотъ же черкесъ, костлявый, глухо сопѣвшій, съ синими хищными огнями въ глазахъ. И, перегибая тонкій нѣжный станъ ея на крѣпкомъ костяномъ колѣнѣ, подставлялъ ее подъ слюдяные гнойные глаза своего атамана. А тотъ теръ, мялъ желѣзными пальцами-когтями упругую молодую грудь ея, рѣзалъ плечи...

Молча Марія извивалась и билась напрасно.

И вдругъ за скалой въ густомъ хвойномъ шеломѣ грянули гулкіе свисты и гики. На ораву,

ощетинившись кольями, двинулись изъ-за скалы грузные, кряжистые чернецы...

— Го-го-го-о!.. Держи-и!..

— Проваливайте... по добру... поздорову!.. А то...

— Заходи-и!.. Отхва-тывай... Коли головы!..

Перепуганные на смерть черкесы съ Гедеоновымъ, бросивъ Марію, прошмыгнули межъ темныхъ еловыхъ лапъ, точно воры, подъ обрывъ въ непроходимый терновникъ. И пропали.

А чернецы, разбитую, безсловесную Марію завернувъ въ чекмень, отнесли въ землянку.

Тамъ съ нею, распластанною на крестѣ, дѣлали безумную, отверженную любовь ночь напролетъ...

Загорская пустынь была запрещена и запечатана съ той поры, какъ мужики убили у иродова столба Неонилу и потайныя кельи съ подземными ходами сожгли. Вячеславъ, переодѣтый въ брахло, пошелъ съ пузачами-монахами бродить по лѣсамъ, храня тайны и завѣты темнаго гедеоновскаго дома—послѣднюю свою, жуткую радость.

Вячеславъ вѣрилъ неколебимо, что Гедеоновъ побѣдитъ міръ. И сердце сатанаила великою переполнено было, вѣчною гордостью и радостью: быть роднымъ, хоть и незаконнымъ сыномъ земного бога и побѣдителя міра—это ли не гордость? Это ли не радость?

Но когда, передъ приближеніемъ солнца Града, прошелъ слухъ, что Гедеоновъ сверженъ, помѣшался и скрывается отъ суда и казни въ лѣсныхъ дебряхъ, сердце у Вячеслава оборвалось. Отъ горькаго стыда передъ собою, передъ сатанаилами не зналъ онъ, куда бѣжать. . И чтобы хоть враги его—

пламенники—не посмѣялись надъ тьмяной вѣрой послѣднимъ смѣхомъ, — захотѣлось Вячеславу тайну—радость—пытку унесть съ собой въ могилу. Но для этого надо было сжечь нѣкую книгу—свидѣтельницу тайнъ и завѣтовъ.

Когда-то книга эта хринилась въ Загорскомъ монастырѣ. Оттуда же ее перевезъ къ себѣ въ дворецъ Гедеоновъ. А уже отъ Гедеонова она перешла будто бы, черезъ Люду къ Поликарпу. Вячеславъ зналъ все. Такъ что искать книгу надо было у лѣсовика.

Надъ дикимъ озеромъ доживалъ Поликарпъ лѣсную жизнь въ черетняной моленной слѣпо и крѣпко. Ходилъ съ поводыремъ по цѣлинамъ, пропитанный полынью, укропомъ и березами. Вынюхивалъ въ заросляхъ и собиралъ ощупью щавель, рагозу, коноплюшку, подплесники, костенику: копалъ коренья масленокъ. Ловилъ съ Егоркой въ озерѣ рыбу въ кубари и вентеря и хрямкалъ ее, живую, трепыхающуюся крѣпкими своими бѣлыми зубами, запивая чистой свѣжей водой.

Ждалъ только теперь лѣсовикъ Марію, невѣсту неневѣстную, дѣву Свѣтлаго Града, что въ Духову ночь унесена была отъ него красносмертниками... Въ послѣдній разъ ждалъ, чтобы, увидѣвъ ее, надежду и избавленіе міра—поцѣловать ее и умереть свѣтло и радостно...

Разъ Поликарпъ, смутными охваченный шумами, запахами и зовами лѣса, гадалъ на ересныхъ травахъ о дѣвѣ Града.

И вотъ, въ хибарку-моленную къ нему нагрянулъ съ толпой чернецовъ, обормотовъ и побирайлъ дикій ощеренный Вячеславъ.

— Я за книгой, дѣдъ...—сгибаясь и поджимая ноги, подступилъ онъ къ Поликарпу:—Тутъ есть пустяшная запись... Не стоющая... Ать?.. А мнѣ она до зарѣзу... нужна. Отдавай скорѣй, дѣдъ... Гдѣ тутъ она?

Слѣпо и весело перебиралъ Поликарпъ на столѣ траву, нюхая ее и пробуя на зубъ. Молчалъ, какъ будто въ хибаркѣ никого и не было. Только слегка хмурилъ бровь, да обводя вокругъ себя кованымъ костылемъ кликалъ поводыря:

— Егорка! межедворъ! ошара! Ходи сюды!

А Егорка, въ сѣняхъ, связанный, ворочаясь подъ тушей грузнаго монаха, кряхтѣлъ:

— Дыть, скрутили... выжиги... псы!..

— Книгу, дѣдъ!—насѣдалъ Вячеславъ:—А то... жисти догляжусь!..

— Хо-хо!—взмахнулъ костылелъ Поликарпъ. Да ты парень не ропь! Ненилу съѣлъ... Людимилу полонилъ... Огня мово! А таперя—за мной, сталоть, черьга?.. Бер-рег и-сь ка!

— Я ничего... я такъ...—сжался Вячеславъ.

Пьяные, осипшіе чернецы, обступивъ Поликарпа, жаловались ему:

— Помоги нашему горю, дѣдъ... Есть у насъ милашка. То ничего была, любилась за первый сортъ... А теперь — зафордыбачила! молится за Крутогорова день и ночь, да и хоть ты рѣжь ее!

— А тутъ еще Гедеоновъ... шныхаритъ... за нею... Помнишь, дѣдъ, Гедеонова, головоруба?

— Трепете языки! — лязгнулъ зубами Вячеславъ на ораву:—Геде-оно-въ!.. Ха-ха! Теперь это просто—нуль безъ палочки! Былъ Гедеоновъ да весь вышелъ... Какой онъ мнѣ отецъ? Шантрапа!

Подметка! Это онъ пустилъ туму, будто я его сынъ... Сволочь!

— Адѣ она?.. еха-то? — поднялъ бровь Поликарпъ.

— А недалечко тутъ... въ землянкѣ!.. — подпрыгнулъ Вячеславъ:— это вѣрно... расшевели ее, дѣдъ! Ты на это мастеръ... А то схимницей совсѣмъ задѣлалась... А мы тебя ужо отблагодаримъ...

Морщины на красномъ загорѣломъ лбу Поликарпа разошлись. Жесткіе длинные, перепутанные съ травой и рыбными костюльками усы освѣтила суровая, чуть сдерживаемая улыбка.

— Нашшотъ милашки... Хо-хо! — встряхнулъ гривой Поликарпъ лихо: – Што шъ! я ничего...

Вячеславъ сощурилъ узкіе загноившіеся глаза. Присѣлъ на корточки.

— И-хъ!..—зихнулъ онъ, облизываясь:—облагодѣтельствуетъ! Коли разжечь ее... А ты, дѣдъ, на это мастакъ... Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Идите! А я сейчасъ...

Грудь заходила у лѣсовика ходуномъ. Старое встрепенулось огненное сердце... Кровь забурлила, забила ключемъ. Мозолистыя, пропитанныя горькой полынью и рыбой, руки хлопали уже Вячеслава по плечу:

— Хо-хо! Да у тебя губа не дура... Ты— песъ... убивецъ, знамо... Ну, да я не таковъ штопъ... Хо-хо! Идемъ!..

Изъ хибарки высыпали обормоты и чернецы. За ними выгрузился и Поликарпъ съ поводыремъ. А оставшійся Вячеславъ шарилъ уже въ хибаркѣ по подлавечью, ища книги.

Подъ шелохливыми, сумными верхушками по-

вели Поликарпа логами и зарослями въ дѣвью землянку...

Въ душномъ и тѣсномъ проходѣ подъ обрывомъ ихъ встрѣтила жеглая простоволосая еха. Въ темнотѣ подскочила къ лѣсовику и, вцѣпившись въ длинную его дротяную бороду, захохотала низко и глухо.

— Под-ходь!.. Ах-а!.. Я такая.

Лѣсной дѣдъ сожмалъ гибкую еху корявыми руками. Поцѣловалъ ее въ губы. Подхватилъ на перегибъ. И съ толпой чернецовъ ввалившись въ слѣпую глубокую землянку, засокоталъ въ страстной и дикой пляскѣ.

— Веселѣй! Веселѣй! Горячѣй! Горячѣй!.. Эхъ, ѣдятъ те мухи съ комарами! Наяривай! Хо-хо! Крѣпче! Больнѣй!..

Могучими лѣсными руками, пропитанными мхомъ и водорослью, сжалъ гибкую, скользкую и знойную еху, дико и радостно вскрикнувъ. Подвелъ къ ея горячему сладкому рту огневыя свои пахнущія русальими травами губы въ жесткихъ колючихъ усахъ. И задрожалъ, забился въ крѣпкомъ, хмельномъ, неотрывномъ поцѣлуѣ...

Еха, открывъ пьяные, мученскіе глаза свои, увидѣла въ желтомъ туманѣ коганка пустыя черныя ямки Поликарповыхъ глазницъ съ обведенными вокругъ нихъ жуткими коричневыми кругами и шрамами. Вздыбилась въ ужасѣ, вырвалась изъ крѣпкихъ рукъ лѣсовика...

Но Поликарпъ, извернувшись, взметнувъ бѣлую пургу волосъ, подхватилъ еху за крѣпкій, точеный станъ правой рукой, лѣвой же обнялъ ея колѣна. И положилъ ее, распаленную, на свою

широкую, выпиравшую изъ-подъ раскрытаго ворота посконной рубахи, волосатую грудь...

Теперь уже и еха, хрустнувъ костьми, обхватила лѣсовика за обгорѣлую морщинистую шею. Нѣжными атласными пальцами стиснула взвахлаченную пурговую голову... И впившись въ жаркія лѣсныя губы, зашлась въ кровяномъ поцѣлуѣ...

— Э-хъ... пропала я!—вскрикивала она сквозь поцѣлуй:—за-му-чили меня... впрахъ! Я—такая.

Захватило у Поликарпа духъ. Красная волосатая грудь высоко вздымилась. Могутный и несокрушимый, какъ каменный столбъ, животъ закачало... Все пошло у лѣсовика огнеметнымъ колесомъ...

Въ дикихъ рукахъ съежилась какъ-то еха, подалась.

А лѣсовикъ, держа ее на груди, какъ ребенка, ликующе и радостно грохоталъ надъ ея алымъ нѣжнымъ ухомъ:

— Все разрѣшено, еха моя сладкая... лѣсовая... Хо-хо! И тьма, и радость, и муки! Все въ Духѣ! Такъ-тось. Потому, Духомъ насъ, лѣсовыхъ, неискусобрачная дѣва Града спасаетъ Марея... Надежа міра!.. Охо-хо, унесли йе отъ мене жулики... Свѣтла она, аки солнце... Сказано, какъ согрѣшитъ неискусобрачная... въ тотъ секундъ и свѣтъ преставится...

Выпрямилась вдругъ еха во весь ростъ. Легкой змѣей выскользнула изъ крѣпкихъ корявыхъ рукъ. Но лѣсной дѣдъ, распаленный знойной грудью и больнымъ огнемъ гибкаго дѣвичьяго тѣла, онѣмѣвъ, приподнялъ еху, переломилъ, слилъ съ собою въ огненной волнѣ...

Жесткая борода его щекотала остро раздавшуюся тугую дѣвичью грудь.

— А-а-ха!..—поперхнулась вдругъ обезсиленная еха:—Я... дѣ-ва Града... Я—Ма-рі-я!

Лѣсовикъ, оглушенный, съ растопыренными корявыми пальцами, покачнувшись и оскаливъ бѣлые зубы, грохнулся на земь, словно древній дубъ, сраженный грозой...

А передъ нимъ, вокругъ распластавшейся, бездонноглазой Маріи смыкались уже чернецы, жадными впиваясь зрачками въ трепетное дѣвичье тѣло...

V.

Ночью гнѣва и свѣта выходили хороводы, полки, громады. Пѣли псалмы. Хлѣборобы, бросивъ убогія хибарки, сливались съ бушующимъ потокомъ.

Надъ синимъ, цвѣтнымъ озеромъ темные шумѣли лѣса — вѣщіе кудесники земли. Въ глубокомъ же ночномъ зеркалѣ озера хвойные берега и туманы плыли опрокинутыми таинственными башнями въ зеленомъ огнѣ звѣздъ и луны...

Съ бѣлаго мѣлового обрыва, вскинутаго надъ черной хвоей, сходила, ведя за собой дикую шайку сатанаиловъ, побирайлъ и обормотовъ, нагая, грозная дѣва Свѣтлаго Града.

Въ лунномъ голубомъ сумракѣ бѣлыя гибкія руки ея смыкались надъ качающимися кудрями, разсыпанными по плечамъ и груди черной волной. Нѣжное тѣло лило на хвою таинственный свѣтъ.

Ницые обормоты и сатанаилы, завидѣвъ пламенниковъ, бросились врозсыпь. Только согнувшійся, оборванный Вячеславъ съ толстой какой-то

книгой подъ полой подрясника, сѣменилъ за Маріей дробными шажками.

Марія, завернувшись въ черное покрывало, пошла молча къ громадѣ.

— Кто ты?—гудѣли мужики, встрѣчая ее...

— Я—дѣва Града...—откликнулась она...

Изъ чернаго узкаго расщелья подъ ноги ей выползъ вдругъ хитрый и загадочный гадъ. Какъ два раскаленныхъ угля, горѣли два зеленыхъ зразчка. Проворно и зорко, юля подъ кустами терновика, пробиралась утлая сплюснутая голова.

Кто-то ступилъ на голову взвившагося гада.

— Не тронь!—задрожала Марія. Прости и прими.

Подъ порывами хлынувшаго съ озера вѣтра вздыхали надъ берегомъ вѣковые дубы. Ухали и гудѣли внизу яростныя волны.

— Я все простила и приняла...—подойдя къ Крутогорову, дотронулась Марія до его плеча нѣжной рукой —И тебя, мой братокъ, простила...

— А отца? Онъ ушелъ въ низины...

— Отца? Ему надо насъ прощать, а не намъ его...

— Ты... увидѣла?—долгій взглядъ Крутогорова прошелъ сквозь душу Маріи, какъ лучъ солнца сквозь тучу:—увидѣла, что никто не виновенъ въ злѣ? Не будь зла, люди не стали бы искать Града... Ради Града отецъ прошелъ черезъ зло вольно... Я—невольно... А тѣ, что погибли во злѣ и отъ зла—вѣхи на пути къ Граду... Смерть матерей и гибель сестеръ слили низины и горнюю въ единый Свѣтлый Градъ!..

Радостные и свѣтлые широко раскрыла Марія черные, бездонные свои глаза:

— Всепрощеніе!

— Всепрощеніе!

Передъ Крутогоровымъ всталъ встопырщенный, темный Вячеславъ. Толкнулъ его въ грудь:

— А ты меня простилъ? Всѣхъ простилъ, а меня нѣтъ... И Гедеонова—нѣтъ...

— Тебя я простилъ...—сказалъ Крутогоровъ.

Вячеславъ онѣмѣлъ. Кому-кому, а себѣ прощенія отъ пламенниковъ онъ не ждалъ... И теперь не вѣрилъ, что его простити и отпустили.

— К-ка-къ? А сжигать меня на кострѣ не будете?.. Ать?..—нудовалъ онъ.

И вдругъ повѣрилъ. Выхвативъ въ суматохѣ изъ-подъ полы старую, обглоданную крысами, книгу, упалъ на колѣни, каясь передъ Крутогоровымъ сокрушенно:

— А я-то—смердъ! А я-то—дьяволово сѣмя... Все хулю! Все пакостю! Не прощай меня, Крутогоровъ. Недостоинъ бо есмь... Я гадовъ сынъ! Не вѣришь?.. Вотъ! Тутъ, въ метрикахъ записано все...—трепалъ онъ книгой, распростираясь въ прахѣ:—И Михайло съ Варварой—тоже гадовы дѣти... покойники... И Андронъ... покойникъ... Ать?.. Отецъ нашь—Гедевоновъ... Отъ княгини мы... незаконные... Тайкомъ... Тайкомъ въ монастырѣ крестили насъ... Духъ...

— Всепрощеніе...—наклонилась къ Вячеславу грустная въ голубомъ таинственномъ свѣтѣ Марія.

Но Вячеславъ, ползая передъ молчаливой громадой на брюхѣ, маялся въ смертной нудѣ и рвалъ на себѣ волосы, и скулилъ:

— Жгите гадовъ!.. Крушите... Я всегда былъ.. за мужиковъ... Колесовать насъ мало!.. Сколько онъ, дъяволъ... батя-то, людей поперегубилъ!.. Женилъ брата на сестрѣ... и самъ жилъ съ Вар-

варой... съ дочкой-то со своей, какъ съ женой... А я?.. Я Андрона, брата своего убилъ! и сколько перегубилъ невинныхъ я! Вотъ—кто я, окаянный: Рѣшите меня!—маялся онъ, стуча себя кулакомъ въ грудь изступленно:—Я хулилъ васъ, радовался, что скрылъ отъ васъ тайны... Теперь—открываю все... Вотъ: тьмяная вѣра была выдумана имъ же—батькой! И Тьмяный, думаете, кто это?... Онъ же, Гедевоновъ!.. Вотъ!.. Духъ живетъ, гдѣ хощетъ... Я, понимашь, всегда за мужиковъ...

— Ну... прощенъ... чего жъ!—тронулась громада:—Впередъ! Экъ его разобрало...

Свѣтлое подняла въ вороненыхъ кольцахъ лицо свое Марія. Проводила Крутогорова грустными, жуткими глазами.

— Одна я на свѣтѣ!

— Съ тобой солнце Града—полуобернувшись, остановилъ на ней долгій ночной взглядъ Крутогоровъ.

— Но ты уходишь... — грустила Марія вѣще, склонивъ голову:—Зачѣмъ ты поднялъ міръ? Всепрощеніе!

— Нѣтъ всепрощенія безъ гнѣва. Нѣтъ любви безъ ненависти!—отступалъ уже грозный, озаренный неприступнымъ свѣтомъ, Крутогоровъ:—Слышишь гулъ?.. эта ночь—ночь гнѣва и свѣта!..

Громады, вздрогнувъ, развѣяли гордыя знамена—рвущіеся за вѣтромъ вѣстники бурь. Необоримой стѣной двинулись на бѣлый гедеоновскій дворецъ...

Въ селѣ, разбуженномъ шумомъ знаменъ, гуломъ земли и побѣдными кликами, селяки, наспѣхъ одѣвшись и захвативъ топоры, сливались

съ громадами. Изъ растворенныхъ настежь хибарокъ, словно листья, гонимые вѣтромъ сыпались и дѣти, и старики со старухами, накидывая на ходу куцынки, зипуны и кожухи, крестясь и вздыхая:

— Вотъ когда земля! Вотъ когда возьмемъ землю! Земля—и все тутъ!..

Надъ озеромъ распростерались смятенныя ивы, вторя гулу знаменъ, взбиваемыхъ вѣтромъ. Въ ночныхъ волнахъ, вспѣненныхъ прибоемъ качались, разсыпаясь золотымъ дождемъ, багровые отсвѣты факеловъ.

Въ вотчинѣ Гедеонова зловѣщая поднялась тревога. Люто залаяли иа цѣпяхъ псы, забили въ чугунныя доски дозоры... По угламъ каменной ограды вспыхнули сторожевые огни...

Полки, освѣщенные факелами и сторожевыми огнями, медленно и грозно текли по слѣпой, широкой столбовой улицѣ. За хибарками, въ логахъ, темнота, словно смертельный ядъ въ кубкѣ, бурлила и плескалась черезъ края, заливая свѣтъ. Налеталъ ураганомъ вѣтеръ, воюя съ ветлами, и поздняя заря горѣла за садомъ, будто кровь.

Въ туманѣ завылъ расколотымъ зловѣщимъ воемъ старый набатный колоколъ. Заметался и полетѣлъ надъ дикими полями и лѣсами жуткій вопль, крикъ и призывъ гнѣвной души, кличъ, смѣшанный съ кровью...

А по перепутаннымъ переулкамъ, по подзастрѣшечью хибарокъ, пригинаясь и ползая на брюхѣ, словно черти, рыскали и юлили дозоры и слѣдопыты Гедеонова...

Въ свѣтѣ луны, звѣздъ и лампадъ передъ криницей съ распятіемъ мужики остановились: дорогу пересѣкли черкесы.

Грозно и жутко молчала громада. Только гудѣли надъ озеромъ ветлы да хлопалъ знаменами и свистѣлъ вѣтеръ. Въ сумракѣ черныя фигуры черкесовъ, изгибаяся, лязгали уже о сѣдла шашками; разсѣкали возхухъ длинными арапниками.

На горячемъ, борзомъ конѣ выскочилъ въ красной черкескѣ Гедеоновъ. Припавъ къ сѣдлу, впился въ шумящую громаду острымъ темнымъ лицомъ.

— Ага, мать бы... Пони-ма-ю!

— Тащи его съ сѣдла, катагора, лярву!..— вздыбились задніе ряды:—Обухомъ его по башкѣ!

И вся громада, вздрогнувъ, двинулась крѣпкой стѣной на Гедеонова. Но его вдругъ заслонили черкесы, выстроившись на дикихъ вспѣненныхъ коняхъ передъ мужиками, со вскинутыми наотмашь обнаженными шашками.

— Спаситель! Заступись! — крикнулъ кто-то въ молчаливой толпѣ.

— Жиды—трусы...—гнусилъ глухо Гедеоновъ, скрываясь за черкесами...—и дуракъ тотъ, кто ихъ проситъ... ха-ха-ха! Іисусъ Христосъ—жидъ...

— Онъ міръ спасъ!.. Гадъ ты проклятый!..— ярилась толпа.

— Міръ спасъ, а одного человѣка... съ которымъ жилъ, училъ—не спасъ?..—покатывался со смѣху помѣщикъ:—Іуду-то? Боялся вызвать душу его на поединокъ?.. О, Господи Іисусе, прости меня, окаяннаго!.. Жаль, не при мнѣ распинали...

Полки, глухо ахнувъ, подались назадъ. Ощетинились вилами, дрекольями, топорами. А въ нихъ съ разгону дикой лавой врѣзались вдругъ рычащіе черкесы...

Въ воздухѣ зажужжали камни, зазвякали то-

поры, зазвенѣли косы, скрещиваясь съ кинжалами и шашками...

— Кр-ру-ши-и!.. — гремѣли мужики: — Ру-б-би-и!..

Передъ криницей съ распятіемъ валы хриплыхъ, отягченныхъ тѣлъ въ блѣдномъ свѣтѣ луны сцѣпились въ смертельной и жуткой схваткѣ и застыли: увидѣли, что всѣмъ—конецъ. И, принявъ его, подняли ужасающую и лютую сѣчу...

Кони, вздыбившись, съ дикимъ храпомъ опрокидывали всадниковъ и падали, посѣченные. Глухо звякали и стучали о кости топоры. Свирѣпые коренастые бородачи, напориваясь на кинжалы, грозно и страшно вскидывали руками, хрипли предсмертно... Но и расплачивались съ черкесами равной платой смерти.

У ограды Гедеоновъ, топча разъяреннымъ конемъ сбитыхъ съ ногъ стариковъ, хлесталъ направо и налѣво нагайкой, рычалъ глухо:

— Сотру въ пор-рошо-къ, мать бы...

— Г-а-а-дъ!—жутко прорвалось откуда-то.

И емкій камень гукнулъ въ грудь Гедеонова тяжко.

Ухватившись за сердце, грузно упалъ подъ ноги разъяренному коню Гедеоновъ.

Надъ кучей тѣлъ всталъ вдругъ высокій согнутый старикъ. Подбираясь съ занесенной кривой косой къ опрокинутому Гедеонову, ядрено крякнулъ:

— Ну-к-ко, под-держи-сь... Нуко-о, приподыми башку...

Гедеоновъ, часто и трудно дыша, судоржно выхватилъ изъ кармана короткій тупой револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ старика.

Нелѣпо раскинулъ тотъ корявыя, скрюченныя руки и грохнулся навзничь.

— Х-ха-а!..—хрипѣлъ и рычалъ Гедеоновъ.

— Въ пор-рошокъ, мать бы...

За криницей вздымались и ложились костьми человѣческіе валы въ адской битвѣ. Люто рубились пригнувшіеся, извивающіеся змѣями черкесы, не уступая мужикамъ и пяди земли. Но вотъ громада, развернувшись, полохнула черкесовъ боковымъ ударомъ и опрокинула ихъ подъ гору. Оттуда глухіе доносились хрипы: шла послѣдняя рѣзня.

Топотъ, стальной лязгъ скрещивающихся сабель, косъ и топоровъ смѣшивались съ ревомъ и хрипомъ остервенѣлыхъ черкесовъ. Мужики же бились молча.

— А-а!... — подхватился въ горячкѣ Гедеоновъ:—Не бе-ретъ?.. Поджи-га-ть!.. Скор-ѣе!..

А его уже оцѣпляли окровавленные, свирѣпо сопѣвшіе и неумолимые мужики. Гулко плевались въ руки, цѣлясь въ него топорами...

Подоспѣлъ Крутогоровъ.

Гедеоновъ, закрывъ лицо рукавомъ, подползъ къ Крутогорову.

— Прости-и...

Обхватилъ судоржно его ноги, трясясь и стуча зубами.

— Я самъ себя проглотилъ... Я, желѣзное кольцо государства!—взвылъ онъ:—Да и... иначе и не могло быть...

— Ну... што шь?—грозныя протянулись руки мужиковъ:—Што за комедь?

Ясные поднялъ Крутогоровъ въ таинственномъ звѣздномъ свѣтѣ глаза:

— Вы пришли въ міръ, чтобъ горѣть въ солнцѣ Града... А чѣмъ лютѣй зло, тѣмъ ярче пламень чистыхъ сердецъ!

Въ рыхлой, шелохливой мглѣ насторожились мужики, какъ колдуны на шабашѣ, уперлись носами въ густыя, дикія, сбитыя войлокомъ и развѣваемыя по вѣтру бороды. Нахлобучили на глаза шапки. Заткнули топоры за поясъ, косясь въ лунномъ сумракѣ на застывшаго въ ужасѣ Гедеонова и ворча:

— Знать и гаврики льютъ воду на Божью мельницу?

А Гедеоновъ, точно комокъ, перевернувшись въ горячкѣ и упавъ къ ногамъ Крутогорова, стучалъ загнутымъ костлявымъ подбородкомъ о земь, хрипѣлъ глухо:

— А-га-хъ!.. Прости-и!.. По человѣ-честву!

Изъ-за разорвавшихся надъ бѣлопѣннымъ озеромъ, рыхлыхъ, опрокидываемыхъ вѣтромъ, тучъ вынырнуло блѣдное жуткое кольцо луны и облило зеленымъ сномъ сады, срывы, смятенные человѣческіе валы подъ горой, мертвыя раскинувшіяся тѣла и среди нихъ, въ цѣпи бородачей темнокрасную черкеску Гедеонова.

— Переходи къ намъ...—вѣяли на Гедеонова дикими бородами мужики.

— Я? Къ вамъ? Въ пор-рошокъ, мать бы...

Зашабашили бородачи зловѣще. Угрюмо и неотвратимо напосудили топоры, молча поддвигаясь къ подхватившемуся вдругъ Гедеонову:

— Ну... выгадывай...

— Пощадите...—жалобно занылъ генералъ.

И забился въ горячкѣ нѣмо. Подъ блѣднымъ неживымъ огнемъ луны полы и рукава черкески

трепались, какъ крылья мертвой птицы. По впалымъ зеленымъ щекамъ черная текла запекшаяся пѣна, будто заклятое колдовское снадобье.

— От-пуст-ите... ду-душ-у... на покаян...

Крутогоровъ, подойдя къ нему, наклонилъ голову:

— Русскій народъ не только народъ гнѣва... но и народъ всепрощенія...

— А-га-хъ!..—рыгалъ Гедеоновъ кровавой пѣной:—Не-г-этъ...

И, подхватившись, точно на крыльяхъ, развѣвая полами черкески, помчался, наискось, подъ гору. Плюхнулъ въ ивовый кустъ проворно.

И, пригинаясь подъ ивнякомъ, уже карабкался, точно кошка, надъ обрывомъ къ хатѣ плотовщиковъ, смутно свѣтившей въ ущельѣ, на песчаномъ откосѣ, краснымъ окномъ. Но вдругъ, сорвавшись, съ грохочущимъ корнистымъ оползнемъ покатился внизъ, къ ухающимъ вспѣненнымъ волнамъ.

Подъ обрывомъ, у берега хлопалъ и скрипѣлъ привязанный къ березѣ плотъ изъ обаполокъ. Засыпанный пескомъ и заваленный хворостомъ Гедеоновъ, выкарабкавшись, помчался къ хатѣ плотовщиковъ шибко и отчаянно. Но навстрѣчу, отъ хаты, выползали изъ засады свирѣпые обормоты... Тогда Гедеоновъ, вернувшись, съ разбѣга вскочилъ на плотъ, обрубилъ кинжаломъ веревку. Подхватилъ шестъ и, отодвинувъ плотъ отъ берега, поплылъ, гонимый вѣтромъ и волнами.

Полная луна, выплывъ изъ за нагромоздившихся, словно горы, тучъ, обдала бѣлымъ яркимъ серебромъ черный захлестываемый волнами плотъ

и согнувшагося, прыгающаго дико по разъѣзжающимся доскамъ Гедеонова съ длиннымъ шестомъ.

Лунный шалый вихрь, подвернувшись, взрылъ ворчливое, рябое озеро, захватилъ плотъ. Обаполки закачало дикими волнами, раздвинуло...

Провалился Гедеоновъ межъ скрипучихъ набрякшихъ обаполокъ. Застрялъ въ нихъ головой. Хряско подъ гулъ волнъ забился и захрипѣлъ...

Ухало озеро. Качала плотъ вспѣпенная, пьяная рябь. Хлюпали и скрипѣли остроребрыя обаполки, оттирая зещемленную межъ нихъ, облитую зеленымъ свѣтомъ луны и захлестываемую волнами круглую голову Гедеонова...

Мужики рубились.

VI.

Подъ гулъ набата, лѣсной шумъ и смутные крики громадъ, Марія пробралась съ сатанаилами и обормотами въ глухой заколоченный срубъ, въ концѣ села, въ старомъ дублистомъ саду. Заперла за собой крѣпкую тесовую дверь на-глухо. И открыла отверженцамъ великое свое сердце.

— Прокляли меня всѣ... Какъ же жъ мнѣ быть?.. Помогите мнѣ, злыдотнички. Какъ бы-ть?

И зарыдала неудержимо:

— Одна-а я на свѣ-тѣ...

Въ темнотѣ Вячеславъ, зажегши огарокъ, прилѣпилъ его къ подоконнику. И закрутился согнутый по пустой полусгнившей хатѣ. Завылъ, точно бѣшеный волкъ, ставъ на коряченьки:

— Ко-нчено! . Недостоенъ бо есть... и смер-ти!

У-у-г... Жи-знь отдалъ... гаду... Думалъ, богу служилъ... А вышло—смерду!... У-у!.. Подметкѣ!.. Смерть моя!..

Подползъ къ Маріи ничкомъ.

Охватилъ ея ноги.

— Ко-нецъ мой!.. О-о-охъ!.. Любилъ я тебя... Марьяна, до сме-рти!.. Духъ живетъ... гдѣ хощетъ... Выше всѣхъ считалъ я... себя-то... Думалъ, сынъ Тьмянаго!.. Сынъ бога! Ха-а!.. Гнусъ я!.. Не достоенъ бо есмь... и взглянуть... Великій родъ твой, Марьяна! Воистину божественный родъ! А я... Ко-не-цъ!.. Все-о ру-хнуло!..

По угламъ, при мертвомъ желтомъ свѣтѣ свѣчи кружились уже въ зловѣщей пляскѣ смерти, дико водя круглыми совиными зрачками, сатанаилы...

Хрипло Вячеславъ вылъ, распростертый въ прахѣ. Оглушенные воемъ, пятились нѣмо въ порогъ, присѣдали на карячки обормоты...

Блѣдный какой-то съ синими кругами у глазъ послушникъ, сверкнувъ подъ краснымъ кутомъ на жуткомъ свѣтѣ свѣчи жженымъ кудрявымъ золотомъ, ахнулъ тонко и нудно:

— А-а!.. Веревку-то и забыли... Постой...

Пошаривъ въ карманахъ, досталъ крѣпкій шнуръ, сложилъ его въ петлю. Вскочилъ на столъ, црицѣпилъ наспѣхъ къ крюку. И, просунувъ кудрявую жженую голову въ петлю, вывернулъ дико круглые, вылупленные, налитые кровью бѣлки:

— Эй, толкайте столъ... и квиты!.. Порадуемъ Тьмянаго!..

Вячеславъ, расползшись какъ-то, обхвативъ красными волосатыми руками голомшивую голову, глядѣлъ узкими загноившимися прорѣзами

на мертвый языкъ свѣчи и вылъ протяжнымъ, безнадежнымъ дикимъ воемъ.

— Сколько... душъ спасено?..—угрюмо гукнулъ изъ угла какой-то пузачъ.

— Не виляй:..—ощерились на него смертные плясуны:—Должать должалъ Тьмяному... А теперь вилять хвостомъ?.. Зачинай хвалу!

Вдругъ кто-то потушилъ свѣчу. Въ нудной тошной свалкѣ полегли сатанаилы и захрипѣли хвалу черному царю, зловѣще и глухо... Духъ захватывало и заходились сердца отъ жути смертной, отъ нѣмого хрипа...

И вотъ все смолкло. Въ густой тьмѣ полѣзли монахи по лавкамъ, по стѣнамъ, шаря около гвоздей и крючковъ, съ разорванными рубахами.

— А-а-хъ! Что жъ это! всплеснула въ темнотѣ руками Марія:—Бра-тцы мои!

— Ко-не-цъ!..—прохрипѣлъ Вячеславъ тупо и дико.

— А Градъ?.. — запылала Марія:—Какъ же такъ?.. А Христосъ?... Чуете—псалмы поютъ?.. Слышите звоны?.. Видите свѣтъ не видимый?.. Это солнце града взошло! Идите же за мною въ Градъ!..—кликала она, вся — трепетъ, вся—огонь:—Браточки мои! Поцѣлуемся!

— А на кострѣ насъ тамъ... не сожгутъ?—загудѣла толпа въ темнотѣ:—Въ Градѣ-то?..

— Недостойны бо есмы!..—хрипѣлъ и маялся Вячеславъ:—Аль пойти?.. Ать?.. Духъ живетъ...

И вдругъ заликовалъ, горя:

— Марьяна!.. Свѣ-тъ!.. Свѣ-тъ!.. Гляди, въ окнахъ свѣтъ!..

Въ сплошномъ сумракѣ, чуть прорѣзываемомъ сквозь щели заколоченныхъ оконъ зеле-

но-алымъ свѣтомъ луны и зорь, къ пахучимъ, мягкимъ Маріинымъ кудрямъ въ сладкомъ священномъ трепетѣ припали монахи, ликующе крича:

— Веди, заступница!..

Въ саду за сѣнями росли глухіе гулы и трески.

Въ тревогѣ открыли монахи запертую наглухо дверь сруба. И застыли.

Отовсюду на низкія черетняныя сѣти ползло свирѣпое, жуткое, буйно-смятенное пламя, облившее сараи, плетни и стѣны сруба запекшейся кровью...

Монахи, на чьи искаженныя смертнымъ ужасомъ лица кровавый легъ отблескъ гудящаго огня, отшатнулись отъ двери и сбились кучей въ углу сруба.

А пламя, охвативъ сѣни и срубъ, перебиралось на тесовую дверь ревучимъ, бушующимъ ураганомъ, заплескивало багровыми косицами притолки.

Въ хату забилъ дымъ, застилая груди чадомъ и жаромъ. Сбросивъ съ себя одежды, выпрямилась Марія неподвижная, строгая и грозная, глядя въ глаза огня, охватываемая алыми его поясами.

— А-а! — раскрыла она черные, безъ дна, глаза:—Бери... Огонь! Бери!..

Упала ницъ, такъ, что обожженные вороненые волосы ея разбѣжались по груди и плечамъ пышными волнами. А въ бѣлорозовое крѣпкое, гладкое, словно выточенное изъ слоновой кости, тѣло кровавокрасный впился свѣтъ огня, захлестнувшаго стѣны.

— Брата люблю! Бога!—билась Марія:—Какъ же мнѣ разлюбить?.. Радость пришла! Солнце!..

Полуобернувшись, обжигаемая огнемъ, под-

няла безмѣрнораскрытые, бездонные глаза на окаменѣлыхъ, строгомолчаливыхъ сатанаиловъ и обормотовъ, черныхъ отъ жуткой смерти. Кликнула кличъ:

— А-хъ! За мною!.. Слышите звоны?.. Чуете пѣсни?.. Радость пришла!.. Солнце обрѣлъ міръ! А-хъ!.. Цѣлуйте!..

Гудѣли и ломались подъ напоромъ огня сѣни. Дикій вихрь остервенѣло рвалъ съ крыши пылающія черетнины, бросалъ въ залитыя огнемъ окна.

Наддавшая буря обрушила стропилы, латы и втулы. По разломаннымъ простѣнкамъ, по вздыбленнымъ и обугленнымъ дрекольямъ кровавокрасная ползла гора, ревя, какъ тысячеголовое чудовище, забивая смертными валами окна.

Въ огнѣ метнулась опаленная Марія подъ кутъ, полосуемая ножами пламени. Подняла глаза и сердце:

— Радость!.. Здра-вствуй!.. Солнце!..

За нею, упавъ на колѣни, подняли сердца и длани сатанаилы. Вячеславъ, трясясь, задыхающійся, распростертый въ прахѣ, забился въ предсмертномъ бреду. И изъ груди его мутная вырвалась, безнадежная мольба, о чемъ, чернецъ не не зналъ и самъ...

— Не от-ры-ни!..

— Родные мои!.. Браточки!.. А... а...—задыхалась въ дыму Марія.

Гудящій огненный ураганъ захлестнулъ все, круша и бѣснуясь. Въ дверь, въ окна, цѣпляясь за втулки, били валы адова огня. Трещала и ломалась крыша.

Въ горячкѣ Вячеславъ, заползши подъ печку, хрипѣлъ одну только мольбу смерти:

— Не отве-ргни... Марь-я... на...

Смутно, словно сквозь сонъ догадалась Марія, придушенная огнемъ и дымомъ... И всѣмъ трепетнымъ, обожженымъ тѣломъ рванувшись туда, откуда шелъ Вячеславовъ хрипъ, распласталась, свѣтлая и багряная, какъ безплотный духъ...

А Вячеславъ въ буромъ ѣдкомъ дыму, сжимая судорожно старый переплетъ, разгадывалъ древній вѣщій сонъ:

— А какъ же... Гедеоновскій... дьяволовъ родъ нашъ?... Гадово сѣмя?.. Што это... такое?.. А-ть? Ду-хъ... а...

Сине-бурый, смрадный огонь искромсалъ его, проглотилъ. Передъ вспыхнувшимъ, точно факелъ, сердцемъ земная юдоль черный развернула свитокъ. Слизлая, блудная юность, темный, бездонный омутъ пытокъ, смрада; поруганная и обманутая вѣра въ Тьмянаго—смерда!—чертовъ скитъ, кровавыя жертвы...

Но благостный и огнезарный подошелъ Христосъ. Надѣлъ на всѣхъ свѣтлыя короны. И съ нѣжной Маріей, невѣстой неневѣстной, ввелъ отверженныхъ въ голубоалый предвѣчный Градъ...

VII.

Въ зеленомъ лучѣ звѣзды, пышный раскинувъ по плечамъ водопадъ волосъ, охваченная бѣлыми шелками, сходила съ горы высокая стройная красавица съ жуткими зорями и сумраками въ вѣщемъ сердцѣ.

Глаза ея были бездонно расширены и страшно. Подъ нитью алмазовъ нѣжная грудь подымалась

и опускалась мѣрно, дыша темнымъ трепетомъ и огнемъ. Густой сумракъ отъ волосъ закрывалъ лицо ночной волной. Но синіе зрачки цвѣли, какъ бездны.

Со склоненной русокудрой головой и гибкими, бѣлыми, простертыми руками подошла она царственной поступью къ Крутогорову, обдавъ его шелестомъ шелка и цвѣтовъ. Густыя опустила выгнутыя рѣсницы, дрожа, молвила строго:

— Теперь мы съ тобой... квиты.

А сердце Крутогорова, пьяное отъ буруновъ и солнцъ, цвѣло и пѣло. И пытало незнакомку вѣще и глухо:

— Гдѣ я тебя видѣлъ? Когда? Въ снахъ?.. Въ зоряхъ?.. Въ черномъ свѣтѣ?.. И этотъ гулъ... И ты—вѣщая... Кто ты?.. Чего ты хочешь? Мести?.. Гибели?.. Пытокъ?.. Мы дадимъ тебѣ солнце!

Гордо сцѣпила незнакомка руки:

— Гибель! Ха-ха! Ты не видѣлъ, какъ я продавала себя. Ты бы...

Голубые горніе свѣты все еще цвѣли и околдовывали. И полонили сердце темнымъ. Но вотъ бѣлые ночные вѣтры, загудѣвъ въ вершинахъ, развѣяли чару. Вѣщіе сны разбудили сердце, взворохнули. И Крутогоровъ, приблизивъ взглядъ свой къ безднамъ незнакомки, сжалъ хрупкіе ея пальцы, нѣжные, никогда невиданные... А солнечный голосъ его упалъ горько:

— Ты... знала Гедеонова?..

— Съ тринадцати лѣтъ...—ударила незнакомка низко и глухо:—Со мною тогда онъ убилъ свою жену... многихъ убилъ. Но я любила только тебя... Теперь... нѣтъ.

Отступила назадъ, не подымая суроваго, скры-

таго сумракомъ лица. Точеными повела грозно плечами, шелестя шелкомъ и сыпля алмазныя искры...

— Кто меня... не любилъ?.. Не было на свѣтѣ души, что не любила бы... меня... А ты—проклиналъ... Но теперь мы съ тобой квиты... — шла незнакомка въ лунномъ свѣтѣ, низко опустивъ голову и въ гордомъ выгибѣ сомкнувъ руки.

Крутогоровъ, закаляя сердце, вѣщими охваченное зовами, близко и жутко настигъ ее. Литую поднялъ прядь волосъ съ наклоненнаго лица ея, пылающаго глухимъ огнемъ.

— Кто ты?..—падалъ его голосъ все ниже и ниже:—Гдѣ ты меня видѣла? Я не повѣрю!.. И ты продавала себя?.. Ты, что въ шолкахъ и алмазахъ?.. И съ вѣщимъ сердцемъ?..

За садомъ страшное полыхало багряное зарево. Надъ крутымъ срывистымъ берегомъ гудѣли въ огнѣ хибарки мужиковъ, бросая кровавыя бездны въ шалое темное озеро.

— Горятъ — счастливые! Горятъ! — ликовала загадочно въ бѣломъ шелку красавица, повернувъ лицо на огонь.

Крутогоровъ, спѣша черезъ пышные дикіе цвѣтники къ гудящимъ въ огненной бурѣ хибаркамъ, молчалъ странно.

Но вдругъ, изъ-за ночныхъ призрачныхъ цвѣтовъ, обернувшись, окликнулъ незнакомку:

— Кто ты?

— Люда.

За Крутогоровымъ и Людой, въ тайнѣ древняго луннаго сада смутно гудѣлъ, какъ прибой океана, вѣтеръ. Съ зыбкихъ, обрызганныхъ темными зорями, вершинъ падали колдовскіе, свѣже-

сорванные цвѣты, шумы... И жутко и молча шли поэтъ и заряница, странно-нѣжные, овѣянные чарами и пѣснями ночныхъ солнцъ...

Въ зеленой звѣздѣ голубой вѣтеръ разбрасывалъ волосы Люды—пышные волны огня.

Садъ колдовалъ. Въ глухомъ огнѣ Люда, обвивъ собой Крутогорова, исходила темной страстью и болью:

— Не такъ цѣлуешь... Охъ, не такъ!.. Вотъ, какъ надо цѣловать!..

Душистая и безпощадная, вскидывая шелестъ тугого шелка, подводила нѣжными горячими руками пылающія губы Крутогорова къ своимъ пьянымъ губамъ. Изступленно, яростно, нѣмо рыдала, пила вино любви изъ его губъ:

— И еще... вотъ какъ!..

Жуткими жгла хмельными устами закрытые отуманенные его глаза, сердце, сладко и больно шепча:

— Охъ, и еще вотъ какъ!

Древніе сны разгадывались и хаосы. И шелъ въ бездны огонь сердецъ...

Крутогоровъ, раскрывая вѣщее додневное сердце, поднялъ Люду, загадку и страданіе, и отдалъ всего себя ея пыткамъ, жаднымъ, ненасытимымъ устамъ-цвѣтамъ... А Люда, муча его безжалостно, впивалась звѣзднымъ огнемъ въ его душу, прижимала горячую голову къ своей скользкой груди... И вскрикивала радостно, свѣтло, грозно:

— Я—лѣсная! Я—вольная!.. Я люблю тебя, радость-солнце!.. Охъ, да не такъ цѣлуешь!..

За садомъ, у синей горы, въ нѣжномъ сумрачномъ свѣтѣ зарницъ цвѣтистыя степи обдали вѣщихъ шалыми волнами ароматовъ и бурь.

Въ хвойномъ ущельѣ, надъ озеромъ горѣли хибарки. Взметаемые вѣтромъ огни, качаясь, плавали надъ ущельемъ и падали въ темную хвою багряными цвѣтами...

А съ горы сплошнымъ солнечнымъ гуломъ неслись радостныя, свѣтлыя хвалы, пѣсни побѣды...

И изъ-за синихъ лѣсовъ грозно шло росное, ясное солнце, раздувая гулъ въ садахъ Града.

Но гулъ садовъ, шелестъ лѣса, движенье побѣднаго голубоалаго свѣта, шумъ ароматовъ, росъ и цвѣтовъ заглушалъ вѣщій кличъ поэта и зарянницы...

— Я люблю тебя... пѣсня моя!

— Я люблю тебя... радость солнце!

Надъ степью таинственные плыли звоны.

Изъ-за придорожной черемухи вышелъ вдругъ темный и тревожный Никола съ опущенной низко раскрытой головой и взглядомъ неподвижнымъ, какъ смерть.

— Гдѣ любятъ всѣхъ... тамъ никого не любятъ!..—глухо и нѣмо прошепталъ онъ за плечами Люды.

Но и въ шепотѣ его слышны были безумныя бури и жуть.

— Только тебя люблю!.. Да люблю! Да люблю жъ я тебя!.. Да смучу жъ я тебя!.. О-хъ!..—сжимала Крутогорова страстно огненными руками Люда. И изступленно, мудро и вдохновенно цѣловала его въ сердце.

— А меня?..—встряхнулъ кудрями Никола, дрожа и жутко смыкая глаза.

Отступилъ назадъ. Медленно и со звономъ вынувъ изъ-за пояса ножъ, ударилъ имъ молча, точно огнемъ, въ сердце Люды. И та съ легкимъ

мертвымъ крикомъ повисла на рукахъ оглушеннаго Крутогорова, обильно поливая алой кровью степные цвѣты...

Мудрый, еще ничего не понявъ, преклонивъ колѣна, благоговѣйно положилъ Крутогоровъ на росные, обрызганные кровью, цвѣты Люду. Открылъ вѣщіе, полные ужаса любви, глаза свои. Въ росномъ солнцѣ лежала заряница, царственная и свѣтлая, какъ сонъ, отдавъ сердце и глаза— они были все еще сини, все еще бездонны—солнцу.

— Про-кля-тая!.. — палъ Крутогоровъ ницъ, занесенный туманомъ...

Но вотъ, прозрѣвъ, всталъ онъ. Обвелъ загадочными глазами степь. Николы уже не было.

И пошелъ Крутогоровъ въ Свѣтлый Градъ.

Въ Градѣ, надъ крутой въ древнихъ садахъ горой, зацѣпливаясь за башню, низкая проходила зеленая звѣзда утренняя, и голубой цвѣлъ свѣтъ невѣдомаго солнца...

Съ цвѣтами и радостью побѣдные шли мужики изъ дольной хвои...

Синіе сады, лѣса, и голубые вѣтры, и жемчужныя волны, и бѣлокрылые ангелы на золотыхъ парусахъ, изогнутыхъ полумѣсяцемъ, пѣли, свѣтло ликуя: благословенны зовы и бури твои, и ночи, благоуханное солнце! Тебѣ — сны и молитвы! Воскреси! Пошли бездны, все, что заклято тобою, грозы, ужасы и тайны, о солнце, о пребожественное свѣтило! Да будутъ благословенны земля, и жизнь, и сумраки, что цвѣтутъ, расточая ароматы и сладкіе шелесты, и поютъ въ вѣкахъ побѣдную, огненную пѣснь: Солнце! Солнце! Солнце!